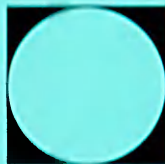

Зарубежная

фантастика

Ф.Л. Уоллес
Адрес: Центавр

Флойд Ли Уоллес Адрес: Центавр

Научно-фантастический
роман

Перевод Сергея Самуйлова

Зарубежная фантастика

Клубное издание

экземпляр № ____.

16.02.1915 — 26.11.2004

Зарубежная

фантастика

Ф. Л. Уоллес
Адрес: Центавр

Перевод с английского
Сергея Самуйлова

Иллюстрации Е. Мельникова

Екатеринослав
«Æростат»
2012

ББК 84.7 (США)
У 634

Перевод выполнен по изданию

F. L. Wallace

Address: Centauri

Galaxy Publishing Corp.,

Series "Galaxy Science Fiction Novel" No. 32.

1958, 191 p, pb.

Cover: Wallace Wood

Свет мерцал. И горел раздражающе ярко.

Доктор Кэмерон не отводил глаз от поверхности стола. Оказывается, нелегко быть дипломатом.

— Запрос передан в Медсовет, — произнес он. — Уверяю вас, его тщательно изучат и отправят назад в Солнечный комитет.

Дочки подался вперед; лицо его светилось от напряжения.

Доктор продолжал прятать взгляд. Собеседник приводил его в полное замешательство. Фактически, он не имел права жить. Только в морских пучинах можно найти таких тварей, да в теплый летний вечер заметить в траве нечто похожее, но людей столь эфемерных не бывает.

— Боюсь, вы догадываетесь насчет ответа. Пока что — прямое «нет».

Дочки пригнулся, руки качнулись вдоль туловища.

— И это вы называете ответом?

— Все не так безнадежно, как кажется. Решения могут меняться. Такое не в первый раз.

— Конечно, — сказал Дочки. — Мы будем ждать и ждать, пока все наконец не изменится. У нас же в запасе столетия, не так ли? — Его лицо полыхало. Он утратил над ним контроль, хотя не замечал этого. Определенные клетки под кожным покровом видоизменились, в

теле присутствовали субстанции, которых не найдешь у обычных людей. И при переизбытке нервной энергии наступала реакция — свечение. Метаболизм напоминал работу организма светлячка.

Кэмерон зашелкал клавишами, уменьшая уровень освещения в кабинете до комфортного для глаз. Дочти был ему неприятен.

— Почему? — задал вопрос Дочти. — Мы способны на это, вы же знаете. Как они могут отказывать?

На этот вопрос доктору не хотелось отвечать, потому что ответа, приемлемого для них обоих, не существовало. Для увертки приходилось отделиваться нелепым встречным вопросом.

— Думаете, они вас выберут? Или Нону, или Джордана, или Анти?

Дочти вздрогнул, руки беспомощно качнулись вдоль тела.

— Возможно, нет. Но мы говорим вам: пусть решение принимают эксперты. Нас здесь почти тысяча. Они сумеют набрать один квалифицированный экипаж.

— Вероятно. Я ничего не говорю. — Кэмерон выключил свет в помещении. — По большей части вы — биокомпенсаторы. Считаю, это говорит в вашу пользу. Но вы должны понимать, что много факторов против. — Сощурившись, он снова уставился в столешницу. Под толстой поверхностью располагался выдвижной ящик, а в нем находилось то, что он пытался увидеть или определить. Чем дольше доктор смотрел на плоскость стола, тем больше убеждался, что у него не получается. Он постарался придать голосу бодрости и профессионализма. — Вы теряете время, дискутируя со мной. Я

просто сообщил решение. Я не несу за него ответственности и ничего не могу для вас сделать.

Выпрямившись, Доччи стоял с ярко светящимся лицом. Но свечение это означало отнюдь не надежду.

Доктор Кэмерон в первый раз посмотрел прямо на собеседника. Тот выглядел не так плохо, как он ожидал.

— Предлагаю вам успокоиться. Набраться терпения и ждать. Вы сами удивитесь, насколько часто происходит то, чего мы желаем.

— А вы удивитесь, как мы получим то, чего желаем, — парировал Доччи. Он развернулся и направился к двери, автоматически открывшейся и закрывшейся за ним.

Кэмерон снова сконцентрировался на столешнице, стараясь пронзить ее взглядом. Потом записал последовательность, которую рассчитывал обнаружить в подвижном ящике, и помедлил, пытаясь убедить себя, что написанное пришло ему в голову не случайно. Открыв ящик и сравнив рейнские карточки с собственной записью, он разочарованно вздохнул и нахмурился. Сколько доктор ни пробовал, результат всегда выходил не лучше среднего. Может, здесь и присутствовали элементы телепатии, но становилось ясно, что к числу очень немногих, владеющих этим даром, он не относится.

Кэмерон задвинул ящик. Это была его тайная игра, способ отвлечения от проблем Доччи, уловка, позволяющая избежать эмоционального взаимодействия с людьми, не имеющими с ним ничего общего. Ему не доставляло удовольствия лишать слабых и беспомощных мужчин и женщин последнего лучика надежды. Как раз их уязвимость и делала общение с ними таким трудным.

Он протянул руку к телекому.

— Свяжитесь с медсоветником Тортоном, — сказал Кэмерон оператору. — Если можно, по прямому каналу, если нет, по вспомогательному. Я подожду.

Астероид со средним диаметром в тридцать миль числился на звездных картах под названием «Небеса инвалидов» — с пометкой, означающей запрет на посадку без специального разрешения. За исключением чрезвычайных ситуаций. Содержавшиеся здесь вынуждены были признавать себя инвалидами, хотя не называли это место небесами. Они использовали другие наименования, в которых не звучало ничего возвышенного.

Конечно, это был госпиталь, но в еще большей степени учреждение считалось санаторием для выздоравливающих, функционирующим на постоянной основе. Здоровое и жизнерадостное человечество зарезервировало отдаленный планетоид, унылую каменную скалу, вращавшуюся в пространстве и не имевшую никакой цены, под строительство крупного комплекса для самых невезучих. Жест выглядел великодушным, но, как и многие великодушные жесты, привел к результатам, весьма далеким от намерений. И очень немногие люди за пределами «Небес» осознавали это и понимали, что предприятие закончилось провалом.

Размышления доктора прервал робот-оператор.

— Медсоветник Тортон на связи.

С экрана смотрело властное, волевое старческое лицо.

— Я на пути к спутникам Юпитера. В следующие полчаса буду в зоне прямой связи. — На таком расстоянии процесс передачи и приема шел практически без за-

держек. Кэмерона заверили, что разговор не прервется. — Хорошо, что вы вышли на связь. Получили ответ Солнечного Комитета?

— Этим утром. И не видел причин утаивать его. Я только что сообщил новости Дочки.

— Мне это нравится. Не стали откладывать неприятную работу на потом. А где депеша? — Медсоветник обвел ищущим взглядом стол, за которым сидел, но безрезультатно. — Ничего. Посмотрю позже. Дальше. Как отреагировал Дочки?

— Ответ ему не понравился. Он прямо-таки взбесился.

— Это говорит о его умении держать удар.

— В присутствии духа им не откажешь. Только не к чему применить, — заметил доктор Кэмерон. — Признаюсь, я к Дочки не присматривался, хотя выглядел он очень презентабельно и по-своему даже впечатляюще. Я бы сказал, поразительно впечатляюще.

Тортон резко вскинул голову.

— Презентабельно? Значит, он прицепил руки?

— Сегодня — да. Это важно?

— Полагаю, да. Дочки рассчитывал на положительный ответ и хотел выглядеть как можно лучше, максимально походить на нормального. В этой связи меня удивляет, что он вам не угрожал.

Кэмерон постарался припомнить инцидент в деталях.

— Кажется, угрожал, но намеком. Сказал что-то про эффект, который произведет на меня их способ добиться желаемого.

— Значит, вы предчувствуете неприятности. Поэтому и позвонили?

— Не знаю. Мне хотелось узнать ваше мнение.

— Вы находитесь в гуще событий, доктор. Вы замечаете важные нюансы происходящего, — быстро заговорил медсоветник. — Во всяком случае, я убежден, что они не начнут действовать немедленно. Потребуется время, чтобы пережить шок, связанный с отказом. Они ничего не могут сделать. Индивидуально они беспомощны, а коллективно астероид не даст органов и дюжину здоровых тел.

— Должен с вами согласиться, — ответил Кэмерон. — Но есть кое-что, беспокоящее меня. Я просмотрел записи. Ни одному пациенту не нравится пребывание здесь, и эти показатели сохраняются на протяжении нескольких последних лет.

— Никто не может по достоинству оценить ваш госпиталь, доктор, пока не попадет в беду.

— Согласен. Но дело не только в этом. Они больше не больные, но вынуждены оставаться здесь. Меня беспокоит, что такого открытого недовольства раньше никогда не отмечалось.

— Полагаю, мне нужно не подсказывать вам, что кто-то мутит воду. Определите, кто, и установите постоянное наблюдение. Вы, как доктор, можете найти подходящие предлоги: отдельная диета, серия анализов. Вы можете заставить пациента являться к вам каждый день.

— Я уже все узнал. Есть самочинная группа из четырех инвалидов: Доччи, Нона, Анти и Джордан. Кажется, они образуют местный комитет по организации активного досуга.

Медсоветник улыбнулся.

— Подходящая маскировка. Они таким образом развлекаются.

— Я тоже так думал, но теперь убедился, что они больше не безвредны. Мне хотелось бы получить разрешение на раскол этой группы. Безусловно, гуманными методами.

— Всегда приветствую новые идеи.

Несмотря на предыдущие высказывания медсоветника, он казался человеком широких взглядов. Доктор решил изложить ему свои предложения.

— Разобравшись с этой четверкой, мы решили бы проблему в целом. К примеру, возьмем Дочки. С протезами рук он выглядел бы вполне нормальным, если бы не это жуткое свечение. Наверняка оно покажется отталкивающим любому обычному человеку. Мы не в состоянии решить проблему медицинским путем, но можем превратить ее в преимущество.

— В преимущество? Очень тонко, если подобное возможно. — Судя по скептическому выражению лица, советник в это не верил.

— «Глэнд-опера», — торопливо пояснил Кэмерон. — Самая популярная программа в Солнечной системе — телепаты, телепорты, пиротики и так далее в качестве героев. Конечно, обман, грим и трюки с видеокамерой. Но из Дочки можно сделать настоящую звезду. Скажем, «Человек — луч смерти». Когда его лицо сияет, люди падают замертво, или их парализует. В него будут играть все ребяташки.

— Дети, — задумчиво произнес медсоветник. — Вы серьезно хотите предоставить детей его влиянию? На самом деле хотите показывать им Дочки?

— Он получит шанс вернуться в общество приемлемым для него способом, — уклончиво ответил Кэмерон. Не надо было упоминать о детишках.

— Для него — возможно, — возразил медсоветник. — Это оригинальная идея, доктор, делающая честь вашему гуманизму. Но меня заботит реакция общественности. Вы заглядывали в медицинскую историю Дочки?

— Просмотрел перед тем, как его пригласить.

Даже для заведения, специализирующегося на ненормальном, судьба Дочки была необычной. Он работал инженером-электрохимиком и имел ученую степень в области холодного света. В разгар блестящей карьеры стал жертвой особенно отвратительного несчастного случая. Детали не описывались, но Кэмерон мог кое-что предполагать, опираясь на воображение. Дочки жестоко искалечило и бросило в емкость с жидким составом, испускающим холодное свечение.

Когда его нашли, в теле еще теплилась жизнь; она так и не погасла. Руки он потерял, ребра пришлось удалить до самого позвоночного столба. Регенерация была невозможна; сумели частично восстановить грудную клетку, но не более того. Плечевой мускулатуры Дочки лишился, только на спине уцелел минимум мышц, и по этой причине теперь, много времени спустя, он быстро уставал, а протезы рук служили только украшением, потому что двигать ими было нечем.

И еще эта жидкость холодного свечения. Начать с того, что она являлась полуорганическим соединением, что, возможно, сыграло роль в выживании Дочки — ведь он давно уже должен был умереть. Жидкость сохранила его, частично заменила кровь, пропитала

ткани. Ко времени обнаружения тело Дочки адаптировалось к субстанции холодного свечения. Адаптация стала необратимой и самовоспроизводящейся. Жизнь оказалась гораздо более стойкой, чем думали многие, но и непредсказуемо изменчивой.

— Значит, вы представляете, что он такое, — сказал советник, покачивая головой. — Наша профессия не может позволить демонстрацию столь вопиющих неудач. Сомнений нет, Дочки добился бы успеха в программе, о которой вы упоминали. Но совершенно определенно его появление на публике приведет не только к финансовому успеху, но и довольно специфичному интересу к этой личности. Как актер, он займет свою нишу. Но вы, доктор, можете представить себе мертвую тишину, которая наступит в зале, когда Дочки появится перед сборищем нормальных людей?

— Понимаю, — произнес Кэмерон, хотя, честно говоря, ничего не понял. Он не был согласен с Тортоном, но не представлял, как в данный момент поколебать его убеждения. Впереди Кэмерона ждала долгая борьба. — Забудем о Дочки. Есть и другой способ разрушить эту группу.

— Нона? — быстро спросил медсоветник.

— Да. Не уверен, что ей здесь место.

— Каждый молодой доктор говорит то же самое, — мягко заметил медсоветник. — Обычно они ждут, пока их срок приблизится к концу, и только тогда высказывают предположение, что ее лучше вернуть в нормальное общество. Мне кажется, я догадываюсь, какой ответ они рассчитывают услышать. — Торстон отечески улыбнулся. — Без обид, доктор, но это случается так часто,

что я подумываю внести примечание в наши инструкции. Что-нибудь насчет симпатий новых медицинских руководителей к смазливym слабоумным пациенткам.

— Разве Нона глупа? — настаивал Кэмерон. — Мои наблюдения говорят об обратном.

— У нее умные руки, — согласился медсоветник. — Люди с ее умственной классификацией — а она очень низка — иногда обладают этим качеством. Но не путайте ловкость рук с уровнем интеллекта. Прежде всего, в мозгу Ноны отсутствуют структуры, ответственные за речь. Она определенно ненормальна. Не может ни говорить, ни слышать, и никогда не сможет. У нее отсутствует гортань, и если бы даже мы создали ей протез, это ни к чему не привело бы. Требуется изменить структуру мозга, чтобы Нона могла использовать искусственную гортань, но мы пока этого не умеем.

— Я размышлял о нервных различиях... — начал Кэмерон.

— Верхняя мутация, вы это хотите сказать? Выбросьте из головы. Это гораздо сильнее напоминает аномалию типа расщепления неба, некогда распространенный случай, результат отклонений во внутриутробном развитии или травмы. Теперь мы это достаточно легко корректируем, но для Ноны в хирургическом отношении ничего сделать не можем. Вы понимаете, всегда найдется случай, где мы пока бессильны. — Медсоветник посмотрел на стоявший перед ним хронометр.

Кэмерон тоже взглянул на часы, но решил продолжить разговор. Этот вопрос надлежало утрясти. Использование методик Хелен Келлер ни к чему не привело; медсоветник мог применить данный аргумент

против него. Приемы Келлер изучили и интерпретировали. Об этом достаточно сказано в медицинских записях, касающихся Ноны. Их применили, и они не сработали. И не имеет значения, что, по мнению Кэмерона, старые методики использовали со значительными огрехами. Тортон не допустит, чтобы предыдущих практикующих врачей в чем-то обвинили.

— Я сомневаюсь, что нам вообще стоит приспособливать Нону силой. Даже не понимая нашей речи и не умея ни читать, ни писать, она может обладать интеллектом.

— Каким образом? — спросил медсоветник. — Самый важный инструмент человека — его речь. Посредством речи мы передаем свои знания. — Тортон помедлил, задумавшись. — Если только вы не имеете в виду это шоу, «Глэнд-оперу», о которой упоминали. Лично я считаю, что ей место в «Рейнской опере».

— Я думал об этом, — подхватил Кэмерон. — Если бы нашелся еще один человек, похожий на Нону, ей, вероятно, вообще не потребовалось бы разговаривать. Во всяком случае, мне хотелось бы провести некоторые тесты, с вашего разрешения. Только понадобится новое оборудование.

Медсоветник нашел, наконец, листок, который время от времени искал, и с отсутствующим видом смял его.

— Если вам станет от этого легче, можете заниматься своими тестами. Лично я одобряю заявку. Это не значит, что вы получите все, что захотите. Потребуется другие подписи, кроме моей. Как бы там ни было, вам следует знать: не вы первый думаете, что она телепат или имеет отношение к данному феномену.

— Я читал ее медицинскую карту. Но надеюсь стать первым, доказавшим это.

— Рад вашему энтузиазму. Но не теряйте из виду главную цель. Даже если Нона *телепат*, а пока мы считаем, что нет, приспособится ли она к жизни за пределами астероида?

Ответ у Кэмерона был, но медсоветник ждал от него других слов.

— Возможно, вы правы. Что бы ни случилось, ей придется остаться здесь.

— Правильно. Если вам удастся расколоть группу, вы решите проблему, но не рассчитывайте на это. Вам необходимо научиться управлять ими такими, какие они есть в настоящее время.

— Я позабочусь о том, чтобы они не доставили вам неприятностей, — заверил Кэмерон.

— Уверен, что позаботитесь. — Как раз уверенности в словах советника и не хватало. — Если потребуется помощь, можем выслать подкрепление.

— Не думаю, что столкнусь с большими трудностями, — поспешно ответил доктор. — Я заставлю их бегать по кругу.

— Путаница — наилучшая политика, — согласился Торнтон и, развернув листок, посмотрел на него. — Ах, да, пока есть время, мне нужно сообщить вам подробности нового лечения дефектных...

Картинка исчезла, сменившись беспорядочным мерцанием экрана. На несколько секунд слышимость вернулась, и Кэмерон разобрал:

— Вы поняли меня, доктор? Если не расслышали, свяжитесь со мной. Отклонения могут привести к фа-

тальным последствиям. — Голос утонул в фоновом шуме.

— Не могу удерживать корабль в фокусе, — сообщил робот. — Если желаете продолжить разговор, придется вести трансляцию через ближайшую станцию связи. В настоящий момент это Марс.

И тогда пришлось бы дожидаться каждого ответа несколько минут. Кроме того, медсоветник не мог или не хотел помочь Кэмерону. Он желал сохранить статус-кво; другие варианты его не удовлетворяли. И в обязанности директора по медицине входило проследить за этим.

— Мы закончили, — сказал Кэмерон.

Телеком отключился, а доктор продолжал сидеть в кресле. О каких дефектных говорил советник? Конечно, о каком-то подразделении инвалидов, но такого медицинского термина, как «дефектные», не существует. Возможно, это жаргонизм. Тортон так долго имел дело с жертвами несчастных случаев, что, вероятно, теперь полагает, будто каждый доктор понимает его с полуслова.

Дефектные. Кэмерон так и этак ворочал в голове неприятное выражение. В точном смысле оно означает только одно. Посмотрим, что говорится в распоряжении, которое придет от медсоветника. Всегда можно запросить дополнительную информацию, если что-то будет неясно.

Доктор тяжело поднялся на ноги. Вес тела в самом деле увеличился. И это не физиологическая реакция. Мысленно он взял наблюдение на заметку. Надо будет разобраться с этим скачком гравитации.

В каком-то смысле жертвы случая были жалкими лоскутными существами, людьми всего лишь напополам, а то и на четверть. Дробные организмы, выряженные под людей. Они не хотели расставаться с иллюзиями, а то органическое, что оставалось в их телах, облагода невероятной жизнестойкостью. Отчасти в этом приходилось винить медицину и хирургию. Техника стала слишком хороша — или не достаточно хороша, зависит от того, с чьей точки зрения смотреть, доктора или пациента.

Слишком хороша в том смысле, что даже страшно изуродованному человеку, если его находили живым, могли сохранить жизнь. И не достаточно хороша, потому что определенный процент пострадавших не мог вернуться в общество совершенно здоровым и телесно целым.

Не так часто случалось, что потерпевший не поддавался восстановлению, но хотя детали варьировались, результат оказывался одним и тем же. Для подавляющей части человечества заболевшего больше не существовало. Все были здоровы — за исключением тех, кто попадал в тот процент несчастных случаев, когда человек не подлежал ни хирургическому лечению, ни технологиям регенерации. Эти люди больше не соответствовали шаблонам красоты, признанным всеми жителями планет. И этих немногих отправляли на астероид.

Им это не нравилось. Они не хотели быть *прикованными* к «Небесам инвалидов». С другой стороны, в них развивалась ранимость, и они не собирались возвращаться в прежнюю жизнь. Каждый понимал, как будет выглядеть, ползая или ковыляя среди прекрасных

мужчин и женщин, населявших планеты. Инвалиды не искали возвращения.

То, чего они хотели, казалось нелепостью. Они это обсудили, одобрили, и в результате появилась петиция. В ней содержалась просьба выделить ракеты, чтобы предпринять первый долгий и трудный полет к Альфе и Проксиме Центавра. Человек, привязанный к Солнечной системе, не мог долететь даже до ближайших звезд. А инвалиды считали, что сумеют преодолеть этот барьер. Некоторые из них улетят, некоторые останутся, но и оставшиеся будут чувствовать себя участниками опасного предприятия.

Все это походило на совершенно бесконтрольную форму массового заблуждения. Поломанные люди — без лиц, которые они могли бы назвать своими, носившие сердце не в груди, а в аппаратах перекачки крови, без конечностей, без органов, или, по крайней мере, без некоторых из них. Все категории не поддавались перечислению. Ни один инвалид не походил на другого.

Самообман был тем опаснее, что инвалиды являлись квалифицированными специалистами. Изю всех миллиардов граждан Солнечной системы *только они могли совершить длительное путешествие туда и обратно*. Но существовали факторы, из-за которых полет был невозможен. Если основную причину обсуждать с ними было небезопасно, то аргументы против следовало разъяснить. Сам Кэмерон не имел склонности к сатанизму, а больше никто не проявлял заинтересованности к откровенному разговору с инвалидами.

Дочки сидел возле бассейна. Он испытывал бы удовольствие, если бы забыл, где находится. Местность выглядела почти пасторальной, как на Земле, хотя не такой уж умиротворяющей. Горизонт опускался слишком близко, а сверху разверзлось беспредельное небо; только казалось, что оно светится. Астероид со всех сторон окутывала тьма.

Маленькое деревце над головой отбрасывало тень. Волны плескались о борта, издавая булькающие звуки. Но в жидкости не присутствовала растительная жизнь, и рыбы в ней не водились. Она только выглядела, как вода — бассейн заполняла кислота. В ней плавало почти полностью погруженное тело. Больничные записи гласили, что здесь содержится женщина.

— Анти, они нас завернули, — с горечью в голосе произнес Дочки.

— А ты чего ожидал? — пророкотало существо из бассейна. Взмолнованные ее голосом фонтанчики брызг заплясали по поверхности.

— Я не ожидал этого.

— Ты плохо знаешь Медсовет.

— Думаю, ты права. — Он угрюмо уставился в кислоту, слегка отсвечивающую голубым. — У меня такое чувство, что они не рассматривали прошение, просто задержали на некоторое время и дали ответ, не ознакомившись с нашей петицией.

— Ты уже начинаешь понимать. Погоди, вот побудешь здесь с мое.

Дочки сердито пнул пучок безжизненной травы. Растениям жилось здесь плохо. Они тоже чувствовали себя изгнанниками — далеко от солнца и почвы, в которой выросли. Расти приходилось в искусственных условиях.

— Почему они отклонили наше предложение? — спросил Дочки.

— Сам подумай. Вспомни, что такое Медсовет. Для них важны другие вещи. Главное — не уподобляться им. Нам не следует проявлять безрассудство, даже если они будут вести себя иррационально.

— Хотел бы я знать, что делать, — произнес Дочки. — Для нас это так много значит.

— Можно подождать, пока отношение изменится, — сказала Анти, медленно перемещаясь в жидкости. Двигаться она могла только так — медленно. Большая часть ее массивного тела скрывалась в кислоте.

— Кэмерон предполагает, что мы будем выжидать, — задумчиво сообщил Дочки. — Это правда, мы биокомпенсаторы.

— Они всегда упирают на биокомпенсацию, — раздраженно проворчала Анти. — Я уже устала от этой отговорки. Время тянется ужасно медленно.

— Но что же нам делать? Написать еще один запрос?

— Меморандум номер десять? Давай не будем наивными. Документы теряются, когда мы отправляем их в Медсовет. Их система хранения данных в ужасном состоянии.

— Теряются или искажаются, — сердито бросил Дочки. Трава, по которой он пнул ногой, уже зачихала. В такой среде растительности недоставало упорства. Им обладали лишь немногие.

— Может, стоит дать Медсовету передышку. Уверен, им не хочется услышать про нас снова.

Дочки подвинулся ближе к бассейну.

— Значит, ты считаешь, нам следует действовать по плану, который мы обсуждали перед тем, как отправить петицию? Хорошо. Я позову остальных и расскажу им, что произошло. Они согласятся, что надо действовать.

— Тогда зачем их звать? Только разговоры, больше ничего. Кроме того, не понимаю, почему мы должны предупреждать Кэмерона о нашей затее?

Бросив на Анти озабоченный взгляд, Дочки спросил:

— Думаешь, кто-нибудь донесет? Уверен, все чувствуют то же, что и я.

— Не все. Некоторые не согласны, — спокойно возразила Анти. — Хотя люди меня заботят меньше всего.

— А, это, — воскликнул Дочки. — Мы можем изолировать их в любой момент. — В таком деле единство всех инвалидов имело первостепенное значение. Как и некоторые другие, не столь очевидные факторы.

— Изолировать? Может, сумеете, а может, и нет, — заметила Анти. — Но зачем создавать себе трудности и терять время?

Поднялся Дочки неуклюже, но на ногах он чувствовал себя уверенно.

— Пойду, надо поискать Джордана. Мне понадобятся руки.

— Зависит от того, что собираешься делать.

— Нужен Джордан с его руками. Вместе мы — грозное оружие. — Дочки улыбнулся.

Он уже уходил, когда Анти окликнула его:

— Увидимся, когда будешь улетать на далекий Центавр.

— Раньше, Анти. Гораздо раньше.

Звезды начинали подмигивать. Рассеянный свет отбрасывал на поверхность астероида тени от металлических конструкции, на которой покоился грандиозный прозрачный купол. Вскоре медленное контролируемое вращение принесет на эту сторону планетоида ночь. Солнце на таком расстоянии казалось совсем небольшим, но все же напоминало о знакомых пейзажах Земли. Скоро оно исчезнет.

Кэмерон откинулся на спинку кресла и задумчиво посмотрел на инженера по гравитации Фогеля. Тот мог оказать доктору значительную помощь. Причин, по которым Фогель отказался бы, вроде бы не было, но всякий, добровольно засидевшийся на астероиде на такой срок, как он, внушал некоторые сомнения. Не то чтобы Кэмерон не доверял инженеру, но считал его странным.

— Пришлось потратить какое-то время на то, чтобы убедиться, что все здесь идет гладко. Надеюсь, вы не в претензии, что я так долго не приглашал вас для обсуждения вашей работы, — произнес доктор, пристально глядя на инженера.

— Ничего страшного, — ответил Фогель. — Директора по медицинской части приходят и уходят. Я остаюсь. Так проще, чем искать другую работу.

— Понимаю. Сейчас вы должны отлично знать это место. Порой мне думается, что с грехом пополам вы могли бы выполнять и мои обязанности.

— Никогда не интересовался медициной и не брал на себя труд ее изучать, — проворчал Фогель. — Я слежу за тем, чтобы функционировала моя часть, на этом все. Ни во что не вмешиваюсь, и ко мне никто не лезет, а в результате — со всеми дружеские отношения.

Кэмерон все понял. Заявление полностью проясняло позицию инженера. Фогель не собирался участвовать в братании.

— Есть некоторые вещи, которые мне не понятны, — начал доктор. — Поэтому я вас и пригласил. Обычно мы поддерживаем гравитацию в половину от нормальной земной. Я правильно понял?

Фогель утвердительно кивнул.

— Не понимаю, почему используется половинная гравитация? Возможно, так легче для ослабленных тел инвалидов. Или тут действуют факторы экономии. В любом случае, это неважно, если мы постоянно имеем половинный уровень.

— Вы хотите знать, почему мы создаем именно этот уровень притяжения?

— Если сумеете объяснить, не вдаваясь в технические детали, то да. Мне, кажется, следует знать как можно больше про это место.

Инженер зашевелился, похоже, про себя забавляясь.

— Никаких причин, кроме самих гравитационных установок, — объяснил Фогель. — Теоретически, мы можем создавать любую силу тяжести, какую захотим. Практически — удовлетворяемся тем, что получаем: от одной четверти до полной земной гравитации.

— Вы ее не контролируете? — Это противоречило тому, что Кэмерон раньше слышал. По его информации,

генераторы гравитации представляли собой потрясающий образец научного прогресса. Казалось невероятным, что управление ими осуществляется столь безалаберно.

— Конечно, контролируем, — осклабился инженер. — Можем включить или выключить. Если гравитация меняется, это очень плохо. Получаем отклонение или вообще ничего не получаем.

Кэмерон нахмурился. Этот человек знал, что делает, иначе его тут не было бы. По важности должность Фогеля почти не уступала посту медицинского руководителя; здесь Медсовет не потерпел бы некомпетентности. И все же...

— Вы говорите так, словно генераторы изготовили специально для этого астероида, — продолжал инженер. — Приводите какие-то фантастические доводы из области медицины насчет уменьшенной гравитации для удобства инвалидов, которую еще можно и контролировать. Не знаю. По-моему, разработчики сами не ведали, для кого строят; правда выяснилась позже.

Кэмерон постарался скрыть раздражение. Ему требовалась информация, а не задушевные разговоры. На Земле ему *говорили*, что определенный уровень гравитации устанавливается для блага инвалидов. У него уже сложилось определенное суждение о предмете, и он не видел причин его менять сейчас.

— Все прикладные науки стараются оправдать то, чего не могут, но хотели бы избежать. Медицина, уверен, здесь не исключение.

Он помедлил, задумавшись.

— Я в курсе, что на астероиде три отдельных генератора. Один работает сорок пять минут, пока два других отдыхают. Как только останавливается первый, запускается другой. Предполагается, что их работа синхронизирована. Мне не надо говорить вам, что на самом деле это не так. Совсем недавно вы должны были почувствовать, что вес тела внезапно увеличился. Я это ощутил. Что не так?

— Все в порядке, — успокаивающе сказал инженер. — Вы ощутили отклонение от нормы, когда работал один генератор. Скачок произошел из-за того, что второй должен был сразу отключиться, но этого не произошло. Он и добавил мощности полю, вот и все.

— Так и должно быть? Я говорю о накладке, когда мы на какое-то время имеем единицу или полторы от земного тяготения?

— Лучше такая гравитация, чем никакой, — с легкой заносчивостью заявил Фогель. — До того, как я здесь появился, подобное случалось довольно часто. Можете спросить любого из старожиллов. Но я все наладил.

Доктору не понравилось направление, в котором инженер развернул разговор.

— А что вы сделали? — подозрительно спросил он.

— Ничего, — неохотно признался Фогель. — Ничего такого, что предполагал по роду занятий. Похоже, установки просто привыкли ко мне.

Есть люди, склонные одушевлять все, с чем имеют дело, и Фогель, похоже, оказался из их числа. Для инженера не имело значения, что речь идет о бесчувственных механизмах. Фогель наделял их личностными чертами и качествами.

— И это все, что вы можете сказать? Что гравитация у нас будет то зашкаливать, то совсем исчезать?

— *Предполагается*, что так работать установки не должны, но пока никому не удавалось добиться лучших результатов, — пояснил Фогель оправдывающимся тоном. — Если хотите, можете справиться у компании-производителя.

— Я не пытаюсь усомниться в ваших знаниях и вовсе не стремлюсь выглядеть глупцом в чьих-то глазах. Просто хочу удостовериться, что ничего не упустил. Видите ли, я думаю, что возможны акты саботажа.

Инженер прокомментировал эти слова широкой ухмылкой.

Повернув кресло, Кэмерон облокотился на стол.

— Хорошо, — устало продолжил он. — Объясните, почему мысль о саботаже кажется вам забавной.

— На саботаж может пойти только кто-то, живущий на астероиде, — начал инженер. — Но никому не понравится, если гравитация подпрыгнет до девяти «джи», а такое возможно. Я думаю, любой откажется от подобной затеи. Но есть и более веские причины. Вы знаете, как устроен каждый генератор?

— Не в деталях.

Каждая установка, генерирующая гравитацию, состояла из трех частей. Во-первых, силовой агрегат, производящий огромное количество энергии. Ее вырабатывал ядерный реактор, спрятанный глубоко в недрах астероида. Чтобы до него добраться, пришлось бы по камешку разобрать все «Небеса инвалидов».

Во-вторых, гравитационные катушки, которые, собственно, излучали и распределяли силу тяжести по по-

верхности. Незамысловатые и практически неуничтожимые, они продуцировали поле и больше ни на что не годились, хотя при желании их можно было разрушить.

Третьей составной частью являлся блок управления, настоящее сердце генерирующей системы. Он рассчитывал соотношение количества энергии, текущей по катушкам, и состояние поля в каждую микросекунду времени. В случае необходимости компьютер менял количество энергии на следующую микросекунду. Если изменения не наступало, поле тут же исчезало. Блок управления являлся настоящим суперкомпьютером, одним из лучших когда-либо созданных, невероятно быстрым и точным.

Инженер поскреб подбородок.

— Полагаю, теперь вы понимаете, почему он иногда ведет себя не так, как нам хочется. — Фогель вопросительно смотрел на Кэмерона, ожидая ответа.

— Боюсь, что не понимаю, — сказал доктор.

— Если бы дело касалось одного из ваших пациентов, сразу бы поняли, — изрек инженер. — Усталость. Блок управления гравитацией — сложный компьютер, и он способен уставать. Чтобы сорок пять минут работать, ему нужно полтора часа отдыхать. Он не может трудиться постоянно, как какой-нибудь совершенный механизм. Приходится выключать, чтобы разгрузить микросхемы.

Естественно, производители не желают, чтобы кто-нибудь лез во внутренности компьютера. Он запечатан и ремонту не подлежит. Попробуйте вскрыть корпус, и машина самоуничтожится. Теперь я знаю, что взлом возможен, но при наличии целой кучи мощного и

сложного оборудования. Если бы такое имелось на астероиде, я бы об этом знал.

Несмотря на уверенный тон инженера, Кэмерона в своем всеведении он не убедил. Однако доктор вынужден был признать, что инвалиды вряд ли способны испортить установки.

— Забудем о гравитации, — сказал он. — Идем дальше. Как насчет ручного оружия? Оно доступно? Что именно?

— Ничего. Даже ножей нет. Может, какой-нибудь металлический прут или что-то в этом роде. — Фогель почесал в затылке. — Хотя есть одна опасная штука. Даже не знаю, можно ли ее классифицировать как оружие.

Кэмерон весь подобрался.

— Если она опасна, кто-нибудь придумает, как ею воспользоваться. Что это?

— Сам астероид. Физически никто не может прикоснуться ни к одной части гравитационной системы. Но я часто раздумывал, нельзя ли послать в компьютер импульс. Если бы такое кому-нибудь удалось, он изменил бы направление поля. — Голос Фогеля стал серьезным. — Он мог бы забросить «Небеса инвалидов», куда захочет. Например, к Земле. Тридцать миль в диаметре — порядочная каменная глыба.

Именно такую информацию Кэмерон и искал, хотя, похоже, инженер рассматривал этот вариант как нечто находящееся за пределами обычного порядка вещей.

— Какова вероятность? — спросил доктор.

Фогель ухмыльнулся.

— Думаю, я напугал вас. Сам при этой мысли просыпался в поту. Так переживал, что пришлось все разузнать по этому вопросу.

— Так возможно или нет? — требовал ответа доктор.

— Нет. Он слишком велик, чтобы такой план удался. Кроме того, повсюду расставлены станции слежения — на лунах Юпитера, на Марсе, Земле, Венере. Как только тот или иной компьютер начинает шалить, станция засекает данный факт. Если компьютер выдает неверные решения, она посылает подавляющий импульс и намертво замораживает его. Компьютер не заработает, пока станция слежения не снимет запрет на вычисления.

Ум Кэмерона уже был занят другим. Фогель оказался говорлив и мог беседовать ночь напролет, дай ему только волю. Он явно владел информацией, но не чувствовал, что важно, а что нет.

— Вы даже не представляете, как мне помогли, — сказал доктор, вставая. — Нам нужно будет встретиться снова.

Провожаемый его взглядом, инженер удалился в свои владения, расположенные под поверхностью астероида, поближе к гравитационным установкам. День начался неважно и лучше не стал. Дочки, потом Торнтон, теперь Фогель. Все оттенки близорукости, неполноценности, властности, и вдобавок техник, который не видит дальше своих приборов. Замечательная прогрессия, но должна же кривая пойти где-то вверх.

Должность на «Небесах инвалидов» не обрадовала его, но предоставляла некоторые преимущества: продвижение по карьерной лестнице напрямую увязыва-

лось со сложностью занимаемого поста. После года возни с инвалидами наверняка последует повышение. До полного года оставалось десять месяцев, и если он ничем не подпортит свой послужной список, то окажется в списке претендентов на лучшую — определенно лучшую — должность. В таком месте, куда Медсовет направляет молодых перспективных докторов.

Кэмерон щелкнул переключателем телекома.

— Соедините меня с ракетным куполом. Дайте пилота.

Когда робот ответил, доктор услышал не то, что ожидал.

— Нет ответа. Извините. Я уведомя вас, когда он вернется.

— Отследите, где находится пилот, — отрывисто велел Кэмерон. — Если не возле ракеты, то где-то в главном куполе. Мне все равно, как вы это сделаете; найдите его.

Последовали несколько минут молчания. Ответ озадачил доктора еще больше.

— Согласно записям, пилот не покидал ракетный купол.

Сердце Кэмерона учащенно забилось, а думать стало труднее. Он заговорил, тщательно подбирая слова.

— Просканируйте всю местность. Загляните в каждый уголок, даже если решите, что его там быть не может. Мне необходимо найти пилота.

— Сканирование невозможно. Система вышла из строя. Я пытаюсь выяснить, почему.

Плохо. Кэмерон почувствовал, что у него напряглись все мышцы — даже те, о существовании которых он не подозревал.

— Хорошо. Высылайте ремонтных роботов. — Они разберутся с этим. Раньше всегда разбирались. Но эти машины невыносимо медлительны, а именно сейчас ему нужна быстрота.

— Мобильные ремонтные группы были отправлены, как только обнаружился сбой в системе сканирования. Чрезвычайная ситуация? В таком случае я могу поднять по тревоге персонал.

Доктор задумался. Помощь ему нужна, очень нужна. Но на кого можно рассчитывать? На Фогеля? Возможно, он согласится помочь. Но вызвать его — значит, оставить гравитационные установки без присмотра. А если он выложит инженеру все подозрения, тот настоит на своем участии. Нет, он слишком важен на своем месте.

Кто еще? Угрюмая пожилая медсестра, согласившаяся работать здесь, чтобы побыстрее уйти на пенсию? Большую часть дежурств она просто спит, а учитывая уровень ее профессионализма, может, оно и к лучшему. Или смазливая молодая практикантка? В дипломе говорится, что она завершила обучение, но доктора не обманешь. Отважно согласилась помогать несчастным — дескать, кто-то должен этим заниматься. Конечно, женщины ее не интересовали. Она появлялась, когда Кэмерон обследовал пациентов-мужчин, но имела достойную сожаления привычку падать в обморок при виде крови. Лишиться чувств для врача в подобных об-

стоятельствах просто стыдно, и Кэмерон однажды заявил ей, что она сама выбрала такую профессию.

И эти люди должны подняться по сигналу тревоги. Лучше уж положиться на роботов. Помощи от них немало, но, по крайней мере, не впадают в истерику. Ах да, есть еще пилот, но его не могут найти.

В этом проклятом месте не хватало людей, всегда не хватало. Никто не желал назначения сюда — за исключением слегка ненормальных, некомпетентных и ленивых. Существовало только одно исключение. Должность Кэмерона стремились занять молодые амбициозные врачи. Мысленно он ругал себя. Амбициозность граничит с психическим расстройством и временами имеет такие же тяжелые последствия. Если здесь произойдет что-то серьезное, он закончит карьеру, бинтуя царапины малышам на детской площадке.

— Это не чрезвычайная ситуация, — произнес доктор.
— Во всяком случае, свяжитесь с Фогелем. Передайте, чтобы оставался на своем электронном посту. И пусть никого не подпускает к установкам.

— Это все?

— Вышлите шестерых ронов — роботов общего назначения. Я нагоню их у входа в ракетный купол.

— Ремонтные роботы уже там. Их недостаточно?

— Нет. Роны нужны мне для другой цели. Вышлите последние, самые быстрые модели, какие у нас есть. — Они не слишком умные, но сильные и умеют быстро двигаться. Кэмерон отключил телеком. Чего он так испугался? По большей части здешние обитатели всего лишь кучка поломанных, потрепанных жизнью людей.

Ему следовало пожалеть их, если бы не озабоченность собственным будущим.

3

Дочки ждал возле ракетного купола. Он не прятался, но старался остаться незамеченным и держался ухоженного кустарника. Растениям не удавалось создать иллюзию земного ландшафта — отчасти потому, что некоторые привезли с Венеры и Марса; по крайней мере, зелень вносила свою лепту в снабжение астероида кислородом.

— Хорошая работа, — прокомментировал Дочки. — Я знал, что Нона справится.

Джордан, наблюдавший за тем, как гаснет свет, облегченно вздохнул.

— Она просто чудо в том, что касается механики, — согласился он. — Но мы можем поболтать об этом позже. Думаю, тебе пора идти.

Оглядевшись, Дочки отважно шагнул к переходу, соединявшему главный купол с гораздо меньшим куполом ракетодрома, примыкающим к нему. Обычно в населенной части астероида не бывало совершенно темно; здесь царил модулируемый полумрак, считавшийся наиболее благоприятным для немощных пациентов, проводившим время в дремотном состоянии. Медсовет благосклонно относился к теории о том, что сумерки препятствуют возникновению вредных мечтаний. Но когда они подошли к ракетному куполу, там было не просто полутемно. Они увидели непроницаемую черноту межзвездного пространства.

В темноте несокрушимой твердыней вырисовывался воздушный шлюз, и Доччи остановился перед ним.

— Будем надеяться. Про все можно забыть, если Нона не отключила эти ворота от сети.

— Кажется, она поняла, разве не так? Чего еще тебе нужно? — Джордан обогнул Доччи и протянул руку к двери. Тяжелая плита легко скользнула в пазах и отъехала. — Твоя беда в том, что тебе не хватает веры в себя и гениальную женщину.

Доччи не ответил. Он внимательно прислушивался, стараясь разобрать слабые звуки, доносившиеся из ракетного купола.

— Ага, я тоже слышу, — прошептал Джордан. — Давай зайдем внутрь, пока он не подошел.

Осторожно шагнув в темноту, Доччи попробовал нащупывать дорогу ногой, понимая, что если споткнется, то подняться вовремя не успеет. Не попробовать ли вызвать свечение на лице? Иногда Доччи удавалось контролировать свой измененный метаболизм, и сейчас наступил подходящий момент, чтобы использовать это умение.

Он нервничал, и это мешало интенсивности свечения. По плану требовалось, чтобы его заметили, но детали внешности должны быть скрыты от наблюдателя. Можно было бы спросить у Джордана, каким он его видит, но тот держался во тьме, поодаль.

Шаги приблизились, послышались ругательства — довольно громкие и убогие по содержанию. Доччи заставил лицо вспыхнуть и сразу же убавил накал.

Шаги замерли.

— Доччи?

— Нет. Всего лишь маленький светящийся шарик на вечерней прогулке.

В ответ пилот ракеты принужденно и недружелюбно рассмеялся.

— Конечно, это ты. Я тебя и на дне моря узнал бы. Что это ты тут делаешь?

— Увидел, что в ракетном куполе погасли огни. Воздушный шлюз оказался открытым, вот и вошел. Подумал, что смогу чем-нибудь помочь.

— Это ничего, что огни погасли. Все в порядке. Даже резервная система в норме. Впервые в жизни и лучевик не понадобился. — Пилот подвинулся ближе. В руке он держал небольшой, но смертоносный лучевой пистолет. — Благодарю, но помочь ты не сможешь. Это нарушение инструкций, когда пациент находится здесь. Можешь стащить ракету или еще что-нибудь.

Не обращая внимания на оружие, Дочки поинтересовался:

— А что случилось? Удар сверхбыстрого метеорита?

Пилот хмыкнул.

— Я бы услышал.

— А ты ничего не слышал?

— Ничего. — Пилот пристально смотрел на Дочки, казавшегося едва видимым силуэтом. — Вижу, ты за последние дни похорошел. Продолжай в том же духе. Надевай руки. Хоть ты ими и не пользуешься, но смотришься лучше. На сто процентов лучше, почти как... — Его голос угас.

— Почти как человек? — мягко спросил Дочки. — Это вряд ли. Лучше скажи — пара ног и очень хороший, но

слегка поношенный позвоночный столб со светящейся насадкой вместо лица. Ты же это имел ввиду?

— Я такого не говорил. Вообще я к тебе привык. И ничем не могу помочь, если ты такой обидчивый. Хотя, думаю, твоей вины тут нет. — Он слегка повысил голос. — В любом случае, приказываю уйти. Тебе здесь нечего делать.

— Но я не хочу уходить, — возразил Доччи. — И темноты не боюсь. А ты? Я ищу уголок, который можно осветить. Можно впустить немного света в твою жизнь?

— Кажется, придется подать рапорт о состоянии твоей психики, Доччи, и будь я проклят, если этого не сделаю. Лично я тебя всегда подозревал. Убирайся, пока я не схватил тебя за фальшивую руку и не выволок отсюда.

— Теперь ты ранишь мои чувства, — укоризненно произнес Доччи, проворно отступая.

— Не говори потом, что не пытался вывести меня из себя, — прорычал пилот, бросаясь за ним. То, что он схватил, оказалось вовсе не протезом, точно сформованным и окрашенным в цвет кожи. Рука, которой он коснулся, была настоящей и гораздо более мускулистой, чем у него. Пилот вскрикнул от удивления.

Доччи согнулся вдвое; на его спине сидела темная фигура, появившаяся неожиданно, как нож из ножен. Пилота подбросило вверх, и он ударился о землю.

— Джордан, — пробубльнул пилот.

— Я, — ответил Джордан. Одной рукой он сдавил пилоту горло, другой нащупал пистолет, которым противник так и не успел воспользоваться. Легко вырвав оружие из ослабевших пальцев, Джордан ударил пилота рукояткой по голове, и тот потерял сознание. Джордан

постарался не разбить ему череп. Дочки топтался рядом, то и дело пиная пилота, но все закончилось быстро, а рук, чтобы помочь сообщнику, у него не было.

Впрочем, в помощи тот и не нуждался.

— Да будет свет, — сказал он, закончив, и свет зажегся — слабое мерцающее сияние от лица Дочки.

Джордан оперся на руки. Крепкая голова, массивные мощные руки и плечи — вот и все, чем он располагал. Тело его заканчивалось ниже груди, а органы пищеварения заключались в округлой металлической капсуле. Нижней части тела Джордан лишился, но то, что осталось, компенсировало потерянное.

— Мертв? — Дочки смотрел вниз, на пилота.

Подкатившись к телу, Джордан послушал сердце.

— Нет. Хотелось ударить его еще разок, но вспомнил, что мы не можем позволить себе убивать кого-либо.

— Вижу, что не забыл, — сказал Дочки и чуть не вскрикнул, когда что-то обвилось вокруг его ноги. Отпрыгнув, он оторвался от обхватившего ногу щупальца.

— Ремонтный робот, — ухмыльнулся Джордан, оглядываясь по сторонам. — Они здесь кишмя кишат.

Дочки смущенно хлопал глазами; робот неуклюже подкатился к нему.

— Дружелюбное создание, — заметил Джордан. — Кажется, ему не терпится разобраться с твоей системой звуковой сигнализации.

Приземистый механизм озадаченно зажужжал, ощутив прикосновение человеческой плоти, когда Дочки оттолкнул его. Свое намерение робот осуществить не мог, но и уходить не желал.

— Что мы с ним будем делать? — спросил Дочки, посмотрев на пилота.

— Надо о нем позаботиться, — ответил Джордан. — Не так, конечно, как я сделал раньше. — Он подбросил в ладони лучевой пистолет, включил его и выжег небольшую дыру в корпусе маленького механического чудовища. У робота откуда-то сбоку выдвинулось суставчатое щупальце и тщательно обследовало поврежденную поверхность. Потом скользнуло обратно и вернулось с компактной горелкой. Робот начал запаивать образовавшееся отверстие.

Тем временем Джордан подтащил к себе бесчувственное тело и, опершись на механизм, поднял и через голову осторожно опустил пилота на плоскую верхнюю панель робота. Тот немедленно отреагировал. Вылезло еще одно вылезшее щупальце обследовало тело. Джордан захватил его и приварил к металлу корпуса. Он повторил эту операцию трижды, пока пилот не был надежно закреплен сверху робота.

— Робот ни на что не реагирует, когда зализывает собственные раны, — объяснил Джордан свои действия. — Надо еще кое-что сделать. — Он отрегулировал луч пистолета до почти незаметного жала и ловко вырезал в коробке с блоком управления круглое отверстие. Запустив внутрь руку, Джордан вытащил пучок кабелей. — И никакого саморемонта, — весело произнес он. — Мне нужна твоя помощь, Дочки. Думаю, неплохая идея — запустить его на несколько кругов по куполу, прежде чем он доставит пилота в госпиталь. Нет смысла выдавать себя, пока не подготовимся.

Дочки вместе с Джорданом склонился над проводами и, преодолев некоторые затруднения, установил нужную последовательность их соединения. Робот оставался безучастным, пока новые команды хаотично блуждали по его перекинутым, но работающим электронным цепям. Наконец, он негромко завизжал и зигзагами, словно пьяный, покатился прочь.

— Залезай мне на спину, — скомандовал Дочки. — Сам знаешь, нам нужно спешить.

— Ты устал, — возразил Джордан. — Половинная гравитация или нет, но дальше нести меня ты не можешь. — Он быстро расстегнул и сбросил сбрую из ремней, с помощью которой держался за спиной у Дочки. — Задержи и слушай, — прорычал Джордан, когда приятель собрался заспорить.

Дочки прислушался.

— Роны?

— Да, — ответил Джордан. — Интересно, кого это они ищут? Тебе придется поторопиться, чтобы добраться до ракеты раньше них.

— И что я там сумею сделать? В одиночку? Ты должен мне помочь.

— Залезть к тебе на спину, чтобы никто из нас туда не успел? — не согласился Джордан. — Ты что-нибудь на месте придумаешь. Давай, шевелись.

— Я без тебя не уйду, — начал Дочки.

Огромная ладонь легла ему на загривок.

— Слушай меня, — жестко велел Джордан. — Вместе мы оказались лучше пилота — твои ноги и мои руки. Теперь нам надо разделиться, но мы сумеем доказать, что сильнее Кэмерона и всех его ронов.

— Мы не стремимся ничего *доказать*, — возразил Доччи. — Вопрос безотлагательный и принципиальный. Прямо сейчас имеются люди, способные долететь до звезд, и наша задача — сообщить об этом остальному человечеству.

Тьму прорезал луч яркого света; он заметался под ракетным куполом, выхватывая из мрака колонны и балки опорных конструкций.

— Может, ты лично и не пытаешься ничего доказать, — ответил Джордан. — А я пытаюсь. И остальные тоже. Или пусть они кормят нас с ложечки и укладывают спать по ночам? — Он сердито развернулся и, подтягивая тело на руках, по грунту направился к ближайшей колонне.

— Ты не сумеешь за ней спрятаться, — предупредил Доччи.

— За ней не сумею. Я спрячусь наверху. Без ног мне там самое место. — Обхватив ладонями металл и пользуясь слабой гравитацией, он начал быстро подниматься.

— Берегись, — сказал Доччи.

— Чего мне беречься? — Голос Джордана донесся уже с самого верха ажурной конструкции. Он находился теперь не над головой Доччи, а быстро передвигался от колонны к колонне, свисая с балки. Находящиеся внизу и догадаться не смогли бы, что поверху может кто-то перемещаться. Джордан решил воспользоваться этим, чтобы избежать встречи с ронами.

Дальше размышлять на эту тему было бессмысленно. Джордан еще не достиг ракеты, и что он там будет делать — неизвестно. Но кое в чем он Доччи убедил. Да,

теперь у Дочки появилась уверенность. Повернувшись, он зашагал к стартовой площадке, все быстрее и быстрее, пока не перешел на бег. Раньше Дочки не думал, что такое возможно, но оказалось, что он способен увеличивать разрыв между собою и преследующими его роботами.

Когда Дочки добежал до ракеты, времени на размышления почти не оставалось. Одного взгляда на космический аппарат хватило, чтобы преисполниться разочарованием. Пассажирский и грузовой шлюзы закрыты. Нона либо не поняла их инструкций до конца, либо не сумела их выполнить. Скорее всего, первое. Она нарушила работу сетей, осветительных и сканирующих, не используя ничего, кроме собственных рук. Навыки ее обращения с машинами, которые она раньше и в глаза не видела, просто поражали. Но ждать, что она приготовит к их отлету целую ракету — только заходи — было бы слишком. Дочки предстояло проникнуть внутрь самостоятельно. Приходилось полагаться только на собственные усилия. На секунду он пожалел, что не забрал лучевик пилота, а потом отбросил эту мысль. С пистолетом можно попробовать расплавить внутреннюю задвижку на входе. Но подобные размышления указывали, насколько он оторвался от реальности. Рук у него не было, и воспользоваться лучевиком он не мог. И верно и правильно, что Джордан оставил оружие себе. Ему оно нужнее.

Дочки лихорадочно осматривал пусковую установку в надежде найти устройство открывания шлюзов снаружи. Должно быть приспособление, посылающее им-

пульс открывания дверей. Еще лучше, если он сумеет им воспользоваться. Но ему не повезло.

Если кнопка где-то и была, Дочки ее не нашел. Приближающиеся лучи прожекторов говорили о том, что времени у него все меньше, как и шансов попасть внутрь. Даже то время, которым он располагал, стало результатом ошибки Кэмерона — он велел ронам на пути к ракете тщательно обследовать поверхность под куполом. А ведь они могли и настичь его, Дочки. Если Кэмерон допустил одну ошибку, может совершить и другие.

По звукам, долетавшим до него, Дочки догадывался, что Джордан все еще на свободе, даже, возможно, поблизости. Знает ли об этом доктор? Вероятно, нет; он склонен недооценивать инвалидов.

Дочки спустился в неглубокую посадочную яму. В качестве укрытия она совершенно не годилась. Стены гладкие, покрытые какой-то зеленоватой субстанцией; внутри ни дверей, ни ниш. Но ему нужно было находиться поблизости от корабля, и ближе посадочной ямы ничего не нашлось. Отходить нельзя — Кэмерон расставит вокруг ракеты роботов, и назад не вернешься. Надо где-то спрятаться.

Он прислонился к группе кормовых дюз, и металл вдавился в тонкую плоть, покрывающую позвоночник. Прошло несколько секунд, прежде чем Дочки осознал, что нашел решение. Овернувшись, он посмотрел на сопла. Маленький мальчик мог залезть в одно из них и спрятаться. На это способен и взрослый человек без плеч, которые застрянут в узкой трубе канала.

Забраться внутрь оказалось трудно. Дочки выбрал самое нижнее сопло, согнулся и просунул в него голову. Он извивался и проталкивался, упираясь ногами, пока не скрылся почти полностью в трубе. Ступни торчали наружу, поэтому он подогнул колени, снова уперся в стенки канала и толкнул тело выше. Дочки не прекращал усилий, пока не удостоверился, что его никто не увидит, даже специально заглянув в сопло.

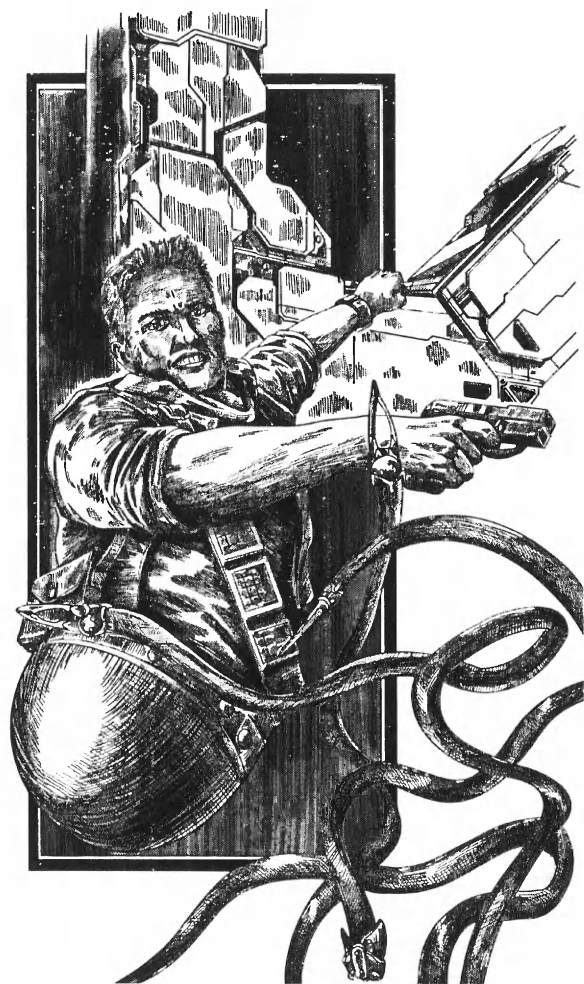
Замерев, Дочки прислушался. В посадочную яму шумно спустился рон. Отсутствие каких-либо других звуков говорило о том, что роботом, вероятно, управляют по радио. Механизм лазал по яме и искал. Вскоре шум прекратился, но стало ясно, что уходить рон не собирается. Он остался охранять яму.

Вылезать Дочки не мог. Он оказался в ловушке. Даже пережил легкий приступ клаустрофобии. Пугаться нечего: можно закричать, и его спасут, вернее, схватят. Робот сразу вытащит.

Но это не единственный выход. По трубе можно ползти и дальше. Она выходит в камеру сгорания и имеет крышку зажигания, которую сейчас наверняка сняли, чтобы очистить нагар. Ракету не использовали несколько месяцев, и совершенно определенно трубы, ведущие к соплам, сейчас *открыты* на том конце. Он может попасть внутрь.

Дочки остановился, чтобы перевести дыхание. Металл хорошо проводил звуки, даже усиливал их. В интервале между вдохами он расслышал характерное шипение, как при жарке, которое издает луч пистолета, поражая металл. За ним последовал грохот.

— Ловите его. — Это кричал Кэмерон. — Он наверху.

Джордан обнаружил себя и сразу вывел из строя рона. И сейчас Кэмерон поймет, что поймать его не так-то просто. Отвлекающий момент пришелся очень кстати для Дочки.

— Не стрелять, — командовал Кэмерон. — Поймайте его прожекторами. Загоните повыше. Загоните в угол, поднимайтесь и хватайте его.

Дочки ошибся: роны управлялись голосом, а не по радио. Только бы попасть в корабль. Но надо торопиться. Джордан не может убежать от роботов бесконечно.

Уже не осторожничая, Дочки принялся проталкиваться дальше. Рон, находившийся в яме, ушел к остальным, можно не бояться обнаружения. Но двигаться становилось все труднее. Он этого ожидал, но не представлял, насколько будет трудно протискиваться по сужающейся трубе.

Ноги скользили, и все равно он всякий раз продвигался на несколько дюймов вперед. А когда, наконец, выглянул из трубы и увидел внутренности корабля, кровь толчками зашумела в голове.

Дочки с тоской посмотрел на крышку, лежавшую в нескольких футах от него. Будь у него руки, он ухватился бы за нее и подтянул тело. Но с руками он не пролез бы в трубу. Закрыв глаза, Дочки мгновение отдыхал, а потом продолжил извиваться, от старания выгибая спину дугой. Он почти вылез, только ноги оставались в трубе. Дочки в последний раз сильно оттолкнулся и вывалился на пол.

Он лежал, пока в голове не прояснело и не успокоилось дыхание. Перевернувшись, Дочки согнул колени, поднялся и, шатаясь, побрел по коридору в отсек

управления. Ракета принадлежала ему, но завоевывал он ее не только для себя, да и использовать в одиночку не мог.

Внимательно изучая панель приборов, он думал о том, как долго не управлял кораблем. Последний раз Дочки летал много лет и две руки назад. Когда он решил, что разобрался достаточно, то наклонился и прижался подбородком к диску настройки. Старательно работая шеей, установил его в нужное положение, потом сел в кресло и ударил по кнопке ногой. Корабль вздрогнул и приподнялся на несколько дюймов.

Дочки мог бы поспорить, что Кэмерон ничего не заметил. Доктор, вероятно, слишком увлекся поимкой Джордана. Но если бы Кэмерон и увидел, что происходит, у него оставалось тридцать секунд, чтобы остановить Дочки. Своим шансом доктор не воспользовался. Похоже, все благоприятствовало их плану.

— Посадка ракеты, — объявил Дочки, когда положенные тридцать секунд истекли. — Аварийная ситуация. Повторяю, аварийная ситуация. — Формально корабль находился в состоянии полета, хотя и очень непродолжительного, но относительная редкость его использования служила порукой тому, что объявление услышат и обратят на него внимание.

— Все включенные роны привлекаются на помощь. Данный приказ отменяет все предыдущие команды. Для подготовки к возможной аварийной посадке необходимо дополнительное снаряжение. — Он зачитал перечень нужного оборудования, уселся в кресло и хохотнул.

Выждав несколько минут, Дочки коленом включил наружное освещение ракеты. Потом встал и, направляясь к пассажирскому шлюзу, задел кнопку открывания двери. Вниз скользнул пассажирский трап, и Дочки отважно остановился в проеме, обозревая окрестности. Ракетный купол заливало светом, отчетливо виднелась каждая балка, каждая колонна. Конструкция смотрелась впечатляюще и даже красиво, хотя, когда его привезли сюда впервые, Дочки возненавидел ее.

— Все в порядке, Джордан. Можешь спускаться, — позвал Дочки.

Свесившись с балки сверху, Джордан, перебирая руками, добрался до колонны и соскользнул на землю. Усиленно работая руками, он переместил тело к подножию трапа, поднял голову вверх и, ухмыльнувшись, сказал:

— Ну, что, монстр? Как тебе это удалось?

— Сам ты монстр, — ответил Дочки. — Я пролез в сопло через трубу.

— Я видел, как ты начал, — сообщил Джордан. — Но особой уверенности не испытывал. Даже когда корабль приподнялся, у меня еще были сомнения, пока ты не показался на входе. — Джордан поскреб щеку. — Меня вот что смущало: как ты избавишься от Кэмерона?

— Доктора обычно в механизмах не разбираются, — пояснил Дочки. — Кэмерон не исключение. Он забыл, что аварийная посадка космолета отменяет любые устные распоряжения. Поэтому я приподнял корабль на несколько дюймов. Роны не слишком сметливы, но даже сообразительность им не помогла бы. Если корабль

в воздухе, и я сообщаю, что собираюсь совершить посадку, они должны повиноваться.

Джордан удовлетворенно кивнул.

— Бедный док, — вздохнул он. — И не то чтобы тупой. Просто ничего не мог сделать, ты его переиграл.

— Кэмерон должен был это предусмотреть, — возразил Доччи. — Мог поддать жару гравитационным генераторам. Это создало бы чрезвычайную ситуацию в главном куполе, искусственную, конечно, но его приказы перевесили бы мои команды. Он, а не я, получил бы приоритет и мог управлять роботами из гравитационного центра.

— Я бы до этого не додумался, — признался Джордан. — Но все равно, как ты добился, чтобы роны умчались прочь, унося доктора с собой?

— Не нужно было ничего придумывать. Как только пилот идущего на посадку корабля сообщает, что может произойти крушение, роны обязаны удалить из опасной зоны всех людей, независимо от их желания. Они бы и до тебя добрались, но помешала команда о доставке необходимого на случай аварии оборудования.

— Это радует, — сказал Джордан. — Не хотелось бы мне услышать, что скажет Кэмерон. К тому же в корабле безопаснее. — Он перебросил тело через порог, ласково коснулся обшивки и благоговейно заглянул в коридор. — Теперь он наш. Но как насчет остальных? Как мы их доставим?

— Об Анти позаботятся. Роны не задают лишних вопросов, а она числится в списке необходимого для доставки снаряжения. Ее и доставят. А Нона должна ждать возле Анти. — Лицо Доччи выражало сомнение и трево-

гу. — Надеюсь, мы сумели объяснить ей, что надо ждать там.

— А если она не поняла?

— Уверен, что поняла, — ответил Доччи. — Это несложно. А тебе пока лучше заняться подготовкой корабля к старту.

Джордан скрылся в отсеке управления. Доччи задержался у пассажирского шлюза. Он сказал, что инструкции понять было несложно, и вроде бы сказал правду, но это для кого как. Для Ноны мир стоял вверх ногами: простейшие вещи она понять не могла, а со сложнейшими разбиралась в два счета. Оставалось надеяться, что она ничего не перепутает.

Времени для размышления не оставалось. Роны возвращались. Сначала он услышал их, а через несколько секунд увидел. Роны появились в поле зрения, волоча и пихая огромный прямоугольный бассейн. Проявив невероятную сообразительность, они взвалили емкость на спины четырех меньших братьев — приземистых ремонтных роботов. Механизмы несли на своих плоских панелях громадный вес.

Бассейн заполняла голубая жидкость. Скрученные трубки свисали из-под днища — их вырвали из ямы вместе с емкостью, когда снимали ее с фундамента. Из комьев влажной земли, прилипшей к узкому выступу на верхней кромке гигантского бака, еще торчали изломанные растения. Слегка покореженная и перекошенная, емкость осталась в нормальном состоянии и не протекала. Пять ронов быстро толкали ее к кораблю, не обращая внимания на растрепанного человека, ругав-

шего и пинавшего их; очевидно, он вышел из себя от ярости.

— Джордан, открой грузовой шлюз.

В ответ корабль приподнялся еще на несколько дюймов и замер, подрагивая. В кормовой части одна из секций обшивки упала наружу и вниз, образуя грузовую аппарель. Груз прибыл, и корабль приготовился принять его.

Дочки оставался у пассажирского шлюза. Кэмерон оказался идиотом. Ему следовало остаться в главном куполе, когда роны доставили его туда. Он даже представить себе не мог, до какой степени ему здесь не рады. Что ж, они избавились от него один раз, сумеют избавиться и в этот.

Только Нона беспокоила Дочки. Она не явилась с роботами, ее нигде не было видно. Не похоже, что Кэмерон обнаружил Нону и запер в госпитале. Все происходило слишком быстро; доктор сразу пустился вслед за роботами. Дочки нерешительно шагнул на трап, но тут же вернулся обратно. Поблизости Ноны нет, он сам это видит, а времени на возвращение в главный купол не осталось.

Бассейн доставили к кораблю, передний край уже скользнул на платформу аппарели. Но тут усилия ронов ослабли, емкость почти перестала перемещаться и замерла. Озадаченно выпрямившись, роны совсем остановились.

Емкость покатила назад. Вибрируя и жужжа, роны бросились врассыпную, вопросительно оглядываясь по сторонам. И тут они заметили Дочки, который сразу

понял их намерения и скользнул внутрь корабля, закричав:

— Закрывай пассажирский шлюз!

В дальнем конце коридора появился Джордан.

— Ладно. А что случилось?

— Фогель, инженер. Должно быть, увидел ронов на сканере, когда они прибыли в главный купол. Пытается сделать то, что следовало сделать Кэмерону, только у доктора ума не хватило.

Джордан исчез, и пассажирский трап, тяжеломерно поднявшись, с металлическим грохотом захлопнулся. Убедившись, что опасность с этой стороны не грозит, Доччи поспешил в отсек управления.

— Теперь мы не видим, что делать, — пожаловался Джордан.

— Может, и увидим, — успокоил его Доччи. — Попробуй поймать обзор по телекому.

С боковых камер рассмотреть что-либо было трудно. Объективы располагались слишком близко к корпусу, и закруглявшаяся обшивка заполняла большую часть экрана. Поворачивая камеры, они сумели поймать угол бассейна. Похоже, он оставался там, где его в последний раз видел Доччи. Казалось, он нисколько не сдвинулся.

— Не представляю, как мы его затащим, — сказал Джордан, явно нервничая. — Может, оставим. Справимся сами.

— Улететь без бассейна? Ни за что. Фогель пока не получил полного контроля над роботами. — Похоже, Доччи говорил правду. Роны сбились в кучку поодаль

от корабля, посматривая то на емкость, то на ракету, но вели себя безучастно, словно парализованные.

— Да, но скоро получит. Взгляни на них.

— Я вижу, потому и думаю, что у него трудности. Дай мне полную мощность на аварийной радиосвязи.

— Какой смысл? У него приоритет.

— Это так, но может ли он донести до них свой приказ? Моя идея в том, что не может, что он под невыгодным углом и расходует слишком много энергии на сигнал. Между ним и роботами слишком много стали, и она ослабляет радиолучи.

— Может, ты и прав, — согласился Джордан. — Я сожгу аварийный передатчик. Даже если он выйдет из строя, все равно нам больше не понадобится. — Он принялся вертеть ручки настроек, пока огоньки над ними не замерцали тревожным светом.

— Требуется помощь всех включенных ронов. Аварийная ситуация. Поместить емкость в корабль. Немедленно. Сейчас же.

Ронов разрабатывали не для того, чтобы они анализировали противоречивые команды почти одинакового уровня важности. Мыслительные способности у них были слабые, но механизм, позволяющий думать вообще, — весьма сложный. В одном отношении они очень напоминали людей: пограничные решения давались им с трудом. И корабль терпит бедствие, и астероид в опасности. Обе команды велели роботам погибнуть, если потребуется. Похоже, только на самоуничтожение они сейчас и были способны.

— Добавь мощности, — прошептал Доччи.

— Больше нет, — ответил Джордан, но каким-то образом выжал еще каплю резервов.

Марионетки. Но они и создавались такими — куклами на невидимых ниточках. И теперь одна из ниточек оказалась натянутой сильнее. Другой, более важный по сути, приказ звучал не так напористо, и он отодвигался на задний план. В электронных мозгах перегревались микросхемы. Микроволновая оптика вибрировала от напряжения. Они не знали, что делать. Просто не знали.

Но, в конце концов, сделали выбор.

Скованно двигаясь, роны приблизились к бассейну и вцепились в него. Решение далось им с невероятным трудом. Они толкали больше друг друга, чем емкость, но дюйм за дюймом огромный перекосившийся бак вползал на аппарель.

— Когда окажется полностью на аппарели, поднимай ее. — Дочки шептал себе под нос, не осознавая, что Джордан может его и не услышать.

Аппарель начала подниматься. Набирая скорость, бассейн скользнул внутрь корабля.

— Роны, работа выполнена. Спасайтесь! — закричал Дочки и увидел, как металлические тела посыпались с рампы.

Джордан с облегчением перевел дух.

— Получилось. Не думаю, что теперь они сумеют как-то навредить нам.

— Еще ничего не кончено. Дай связь корабль-станция, если у нас еще есть радио.

— Удивлюсь, если есть, — проворчал Джордан, скептически качая головой. Но он ошибся — радиопередатчик функционировал. Джордан настроил его.

Дочки заговорил без обиняков.

— Фогель, мы улетаем. Не пытайтесь остановить нас. Откройте купол, чтобы уберечь его от повреждений.

Ответа не последовало.

— Он блефует, — заметил Джордан. — знает, что шлюзы в главном куполе закроются автоматически, если мы прорвем ракетный.

— Конечно, — согласился Дочки. — Все в главном куполе останутся в безопасности. Если там все. Фогель, вы знаете, где сейчас Кэмерон? Уверены, что сюда не забрела медсестра или инвалид — посмотреть, что случилось? Мы даем вам время подумать.

Им снова приходилось ждать. Каждая секунда казалась осязаемой, вещественной протяженностью, которой измеряют жизни и события, причем измеряют очень медленно. Джордан тем временем включил телеком и осмотрел ракетный купол. Он никого не увидел; даже роны не попались на глаза. Дочки бесстрастно глядел на экран; мысли и переживания не отражались на его лице.

Но ответа от инженера с гравитационной станции они так и не дождались.

— Ладно. Мы вам давали шанс, — сказал Дочки. Голос его звучал сухо. — Вы знаете, что мы собираемся сделать. Если кто-то пострадает, вы несете ответственность. — Он отвернулся от экрана. — Джордан, давай. Пробивай оболочку носом ракеты.

Джордан взялся за рукояти. Корабль сильно задрожал, подпрыгнул и устремился вверх. Раздался рев двигателей, и вдруг наступила тишина — они вышли в космос. И тишина казалась страшнее любого звука, потому что ее заполнило воображаемое шипение воздуха, уходящего через дыру в оболочке гигантского купола.

— Он сделал это? — спросил Джордан, сидя за пультом управления.

— Должен был. Он не стал бы рисковать жизнью невинных людей.

— Не знаю, — с сомнением выговорил Джордан. — Я бы скорее поверил, если бы ты сказал, что он боится повредить свои драгоценные устройства.

— Я ничего не услышал. Если бы мы прорвали оболочку, раздался бы хлопок.

— Все случилось быстро. Откуда нам знать? Может, Фогель подстраховался и убрал внутреннее перекрытие с пути корабля, а нам сигнал не отправил. В таком случае, все в порядке, даже если мы пробили внешний слой. Весь воздух не выйдет. — Джордан некоторое время сидел, молча взвешивая собственные аргументы.

Он повернул рукоять, и корабль рванулся вперед.

— На Кэмерона мне плевать. У него было время, чтобы убраться, и знал, что мы затеяли. Не могу отделаться от мысли, что Нона находилась там.

— Он раскрыл оболочку, — резко произнес Доччи. — Мы не пробивали купол. Я ничего не слышал. И Ноны там не было. — Лицо его стало серым и совсем не светилось. — Идем, — сказал он, направляясь к выходу.

Джордан попробовал подвигаться взад-вперед. Полусфера, на которой покоился остаток его тела, вполне

годилась для этого. Он включил автопилот и установил силу тяжести в четверть нормальной. Потом руками оттолкнулся от пола, взмыл в воздух и ловко ухватился за направляющую, проходившую под потолком.

Выбравшись в коридор, Джордан по чистой случайности посмотрел не в ту сторону, куда уходил Дочки, а в другую. Над одной из кают горел огонек.

Ее кто-то занял.

4

Джордан догнал Дочки еще до того, как тот подошел к грузовому отсеку. При малой гравитации Джордан стал более активен и перемещался свободнее. Его ущербность была почти незаметна, словно испарилась. Но это не касалось Дочки. Передвижение требовало меньших усилий, но, с другой стороны, он испытывал непривычный дискомфорт, из-за которого держался неуверенно и осторожно.

Услышав Джордана, Дочки остановился подождать друга. На случай, если гравитация вдруг изменится, он прислонился спиной к стене. Джордан все еще таскал на себе отнятый у пилота лучевой пистолет, который пристегнул к свисавшему с плеч мешковатому одеянию; сейчас, когда он висел на руках, оно задралось вверх, почти не прикрывая туловища. Джордан передвигался по направляющей с легкой грацией, хотя сила тяжести на корабле менялась так же хаотично, как и на астероиде.

Вися на одной руке, он остановился.

— У нас пассажир. Таинственная незнакомка.

Дочки оторопел.

— Кто? — спросил он и прочел ответ на лице товарища. — Нона, — облегченно выдохнул Дочки и бросился к Джордану. — Как она сюда попала?

— Хороший вопрос, — отозвался Джордан. — Но ответа нет и не будет. Полагаю, что, выведя освещение и сканеры из строя, она направилась к кораблю, и тот гостеприимно ее встретил. Поэтому она и вошла. И, конечно, не могла пройти мимо такой любопытной вещицы, как замок, не желавший пропускать ее внутрь.

— Правильное предположение, — согласился Дочки. — Она очень любопытна.

— Мы можем дополнить картину. Оказавшись в корабле, она почувствовала усталость. Нашла удобную каюту и уснула. Шум, который мы тут подняли вместе с ронами, Нона могла просто не услышать.

— Не стану спорить. Вполне годится, пока не найдем лучшего объяснения.

— Хотелось бы, чтобы она выждала несколько минут, прежде чем уснуть. Это уберегло бы нас от множества хлопот. Она же не знала, что тебе придется лезть через сопло. Ты сам не знал, пока не пришлось это сделать.

— Чего ты от нее хочешь? — спросил Дочки. — Она сделала больше нас с тобой. От Ноны мы очень сильно зависим. Очень надеюсь, что она согласится сопровождать нас к звездам.

— Я ее не критикую, — запротестовал Джордан.

— Может, и нет. Ты должен помнить, что мозг Ноны работает по-другому. Она не понимает, что простые для нее вещи вызывают у других трудности. И в то же время

не может постичь наши понятия. — Дочки распрямились. — Нам лучше идти, пока Анти не раскричалась.

Грузовой отсек оказался весьма просторным. Иначе он не вместил бы бассейн, теперь изрядно покореженный и измятый. Но сделали его прочно, и, судя по внешнему виду, он мог прослужить еще века. А вот на счет корабля возникали сомнения. Стена, противоположная входу, сильно погнулась в том месте, где в нее въехала емкость, стеллажи превратились в груды хлама. Тут и там на полу кучами валялось снаряжение.

— Анти, — позвал Дочки.

— Я тут.

— Ты не пострадала?

— Вообще ничего не почувствовала, — последовал веселый ответ. И неудивительно: избыточная плотность служила надежной защитой от всяческих воздействий.

Джордан подобрался к боковой стенке бассейна, подтянулся и заглянул через край.

— Кажется, с ней все в порядке, — сообщил он сверху. — Часть кислоты расплескалась. Но повреждений никаких.

— Ну конечно, — сказала Анти. — Что я вам говорила?

Но, похоже, дело обстояло серьезнее, чем она думала. Нравилось это Анти или нет, но кислота служила необходимым условием ее существования. Некоторое количество жидкости вылилось из бассейна, и там, где она расплескалась, металл подвергся быстрой коррозии. Само по себе это не вызывало опасений. Корабль состоял из множества различных оболочек, а система очистки справлялась с едкой жидкостью легко, как с водой,

нейтрализуя ее и удаляя из ракеты. Но остатки кислоты надлежало сберечь. Запаса не было.

— Чего вы ждете? — нетерпеливо пророкотала Анти.
— Выпустите меня отсюда. Я варилась в этом бульоне достаточно долго.

— Мы раздумываем, как тебя освободить. Сейчас что-нибудь придумаем.

— Думать предоставьте мне. Просто займитесь делом. После вашего ухода я решила, что должен существовать способ обходиться без бассейна, и стоило напрячь мозги, как я его, конечно же, нашла. В конце концов, кто лучше меня разбирается в том, что мне нужно?

— Ты эксперт. Говори, что делать.

— Сейчас скажу. Все, что требуется — отсутствие гравитации, а об остальном я позабочусь. У меня остались мышцы — больше, чем вы думаете. Я сумею ходить, если кости не будут ломаться от силы тяжести.

Для Дочки не могло быть ничего хуже, чем невесомость. Без рук он будет беспомощен. Перспектива свободного дрейфа без возможности ухватиться за что-нибудь ужасала его. Он постарался справиться со страхом. Анти надо выпустить, а ему придется привыкать к нулевой гравитации.

— Сейчас сделаем, — пообещал он. — Сначала придется выкачать кислоту и сохранить ее.

— Мне все равно, что вы с ней сделаете, — сказала Анти. — Знаю только, что мне надоело в ней плавать.

Джордан уже приступил к работе. Он слез с емкости и начал выпускать в космос запас воды из резервуара. Затем размотал шланг и протянул его от резервуара к бас-

сейну. Завибрировал насос, и уровень кислоты в бассейне начал понижаться.

Ощувив, как знакомо вздрогнул корабль — ракета оказалась старше, чем он раньше думал, а генератор гравитации совсем износился, — Дочки поторопил друга:

— Быстрее.

Перекачать кислоту они успели вовремя. Если бы невесомость наступила немногим раньше, дело обернулось бы плохо. Свободно плавающие по кораблю шары едкой жидкости наделали бы не меньше бед, чем метеоритные рои.

Повозившись с насосом, Джордан провернул ручку мощности до упора и удерживал ее в этом положении.

— Кажется, готово, — крикнул он, перекрывая вой двигателя. Машина надрывалась, но дело свое делала. Пульсация в шланге сменилась глухими хлопками, означавшими, что бассейн пуст. Джордан успел смотать шланг как раз в тот момент, когда гравитация сменилась невесомостью.

Ощувив, что больше ничего не весит, Анти поднялась из бассейна

За все время их знакомства Дочки видел только лицо в обрамлении голубой кислоты. Периодически хирурги удаляли излишки плоти. В основном же Анти существовала будучи погруженной в едкий раствор, уничтожавший бесконтрольно разрастающиеся ткани по мере их возникновения и почти с той же скоростью. Почти.

— Ну, что, старьевщик, хочешь посмотреть на настоящее чудище? — спросила Анти.

Дочки рассчитывал увидеть что-то подобное, но действительность превзошла ожидания. Он подумал, что люди не должны становиться такими громадными. Но ведь к Юпитеру никто не испытывает отвращения только из-за того, что он — гигант среди планет. Когда видишь его вблизи, он ошеломляет и потрясает, но никак не оскорбляет чувства наблюдателя. К нему просто нужно привыкнуть. Дочки решил, что и к облику Анти тоже привыкнет.

— Как долго ты сможешь жить без кислоты? — слегка заикаясь, спросил Дочки.

— Я не смогу без нее жить, — надменно произнесла Анти. — Поэтому взяла с собой. Если бы ты не был таким невнимательным, как, впрочем, все мужчины, ты бы заметил, о чем я говорю.

— Это какой-то балахон, — осторожно заметил Дочки, внимательно осмотрев Анти.

— Точно. Хирургический костюм, единственная принадлежащая мне вещь. Возможно, это единственный в Солнечной системе наряд, подходящий для меня. В любом случае, если присмотришься, то увидишь, что он изготовлен из субстанции, напоминающей губку. Удерживает кислоту по меньшей мере на тридцать шесть часов.

Ухватившись за направляющую, она принялась перемещаться в сторону коридора. Для большинства людей он казался достаточно просторным, но не для Анти. Как бы то ни было, она сумела в него протиснуться. А за этим Юпитером в человеческом облики следовали спутники — один светящийся, другой раскачивающийся по эксцентрической орбите.

Нона, когда они вошли в отсек управления, стояла перед панелью приборов. Панель более или менее напоминала все другие панели на космических кораблях, куда разработчики старались всунуть как можно больше приборов. Здесь размещался внушительный набор световых сигнализаторов, ручек, рукояток, шкал, циферблатов и индикаторов, из которых Нону заинтересовал только один. Маленький переключатель со шкалой, размещенный особняком, полностью завладел ее вниманием. Казалось, она взволнована тем, что видит или чего не видит, и то ли встревожена, то ли восхищена — трудно сказать.

Анти остановилась.

— Вы только посмотрите на нее. Если бы я не знала, что она такая же ущербная, как и все мы, — невзирая на тот факт, что Нона единственная среди нас такой и родилась, — я бы с легкостью ее возненавидела. Выглядит невыносимо нормальной.

Отчасти Анти говорила правду, но лишь отчасти. Хирургические техники, способные разъять тело на части и заново соединить их с точностью, ранее достижимой лишь в области механики, сделали красоту обычным явлением. Не осталось дряблых мышц, обесцвеченной кожи или морщин. Даже пожилые выглядели привлекательно и молодо до самой смерти — и после нее. Больше не встречались уродливые конечности, деформированные тела, жидкие волосы. Каждый стал красив или прекрасен. Без исключений.

Инвалиды, конечно, к прекрасному человечеству не относились. В другие времена они нашли бы себе рабо-

ту в цирке — если, конечно, раньше не попали бы в демонстрационные сосуды с формальдегидом.

И Нона не относилась, причем вдвойне. Она и нормальной не являлась, и через хирургическое вмешательство не прошла, как остальные инвалиды. При близком рассмотрении становилось ясно, что она в некотором смысле отклоняется от средних показателей не меньше, чем Анти.

— Куда она смотрит? — спросила Анти, пока остальные проскальзывали мимо нее в отсек. — С этим маленьким циферблатом что-нибудь не так?

— У этого прибора любопытная история, — ответил Доччи. — Он не бесполезен, просто им не пользуются. На самом деле это — индикатор гравитационной тяги, на которую долгое время возлагали большие надежды. Его не удалили потому, что в экстремальных ситуациях он может понадобиться.

— Но весь этот лишний вес...

— Никакого веса, Анти. Гравитационная тяга обеспечивается тем же генератором, что и сила тяжести для пассажиров. Очень интересно, что Нона сразу его заметила. Уверен, раньше она никогда не посещала отсеки управления, и все же сразу заинтересовалась прибором. Возможно, она даже догадывается, зачем он нужен.

Анти прервала его интеллектуальный экскурс.

— Ну, чего ты ждешь? Знаешь ведь, что она нас не слышит. Иди, встань перед ней.

— Как я туда доберусь? — Джордан больше не держал его, и Доччи уже приподнялся над полом на несколько дюймов. Совершенно беспомощный, он плыл по отсеку, как космический планктон.

— У хорошего инженера хватило бы ума надеть магнетики. Нона их надела. — Анти схватила его за жилет. Непонятно, как сама она двигалась. Вроде бы такая громада плоти должна испытывать трудности с перемещениями. Тем не менее, она направилась к центру отсека, увлекая за собой Дочки.

Не успели они подойти, как Нона обернулась.

— Мой бедный мальчик, — вздохнула Анти. — Если пытаешься скрыть эмоции, то у тебя плохо получается. Ладно, хватит сиять, как радуга, скажи что-нибудь.

На этот раз Анти ошиблась. Может быть, его и обуревали бы любовные чувства, если бы эта девушка не проявляла в его специальности блестящих способностей, о которых Дочки мог только мечтать. Обучиться и проработать столько лет, как он, и оказаться посрамленным девчонкой, которая никогда не училась и не работала, но усваивает сложнейшие знания с такой легкостью, словно с ними родилась. Да, Нона привлекала его, но в ней чего-то не хватало.

— Привет, — робко произнес Дочки.

Нона улыбнулась ему, но направилась к Анти.

— Нет, только не слишком близко, детка. Не трогай балахон, если не хочешь, чтобы с твоего прелестного личика слезла кожа.

Девушка остановилась; она находилась близко, но с таким же успехом могла стоять за много миль от них. Никто еще не услышал от нее ни слова.

Анти безнадежно покачала головой.

— Хоть бы по губам читать научилась, или, по крайней мере, распознавать отдельные слова. Ну, как с ней разговаривать?

— Думаю, она понимает выражение лица и движения, — предположил Доччи. — И достаточно хорошо разбирается в эмоциях. Когда доходит до слов, у нее не получается. Не думаю, что она знает про такие вещи, как слова.

— Тогда как же она думает? — спросила Анти и сама же ответила: — Возможно, она этим не занимается.

— Давай не будем такими догматиками, какими показали себя психологи. Сама знаешь, она мыслит. Известно только, какими категориями. Во всяком случае, не словесными и не математическими — на это ее протестировали. — Доччи нахмурился. — Я не знаю, какие категории Нона использует в мышлении. Но хотел бы знать.

— Сбереги часть своей озабоченности для текущей ситуации, — посоветовала Анти. — Объект твоих воздыханий, кажется, в этом не нуждается. По крайней мере, ей не интересно.

Нона вернулась к приборной панели и снова устояла на гравитационный индикатор. Там не было ничего, что могло привлечь внимание, но она смотрела на шкалу с любопытством и ненасытной жадностью ребенка.

Во многих отношениях она казалась ребенком. И это вело к неизбежному вопросу: если это так, то что она за ребенок? Не чей, а какой? Настоящие ее родители были известны: обычные техники и механики, потомки многих поколений механиков и техников. Ни один из них ничем не прославился и не опозорил своего имени ни по отцовской, но по материнской линии, род не дал замечательных, выдающихся личностей. Где же ее место

в этой родословной? Дочки этого не знал, но и официальную точку зрения медиков признать не мог.

Сделав усилие, Дочки заставил себя не думать о Ноне.

— Мы обращались к Медсовету. — начал он. — Мы просили корабль, в смысле — ракету, чтобы лететь к ближайшей звезде. Даже на более совершенном аппарате, чем мы имеем сейчас, полет займет длительное время — сорок или пятьдесят лет туда и столько же обратно. В целом для нормального экипажа это слишком много, а для нас не имеет значения. Вы знаете, как поступил Медсовет с нашим прошением. Поэтому мы здесь.

— Почему на ракете? — спросил Джордан. — Почему не на каком-нибудь аппарате с гравитационной тягой, про которую ты рассказывал? Мне кажется, для длительного путешествия она подходит гораздо лучше.

— Идея сама по себе очень неплоха, — отозвался Дочки. — Теоретически для аппарата на гравитационной тяге не существует верхнего предела скорости, кроме световой, и даже это утверждение находится под вопросом. И если бы гравитационная тяга работала, то фактор времени могли вообще снять с повестки дня. Но последние двадцать лет показали, что за пределами солнечной системы гравитационная тяга не работает. Она действует вблизи Солнца, на орбите Венеры начинает капризничать, а за пределами земной орбиты от нее мало толку.

— Почему так происходит? — заинтересовался Джордан. — Ты говорил, она вырабатывается тем же генератором, что и сила тяжести для пассажиров. А последняя действует вдали от Солнца.

— Конечно, действует, — нетерпеливо подтвердил Доччи. — Но как она работает у нас сейчас? На самом деле, внутренняя гравитация на корабле еще более непостоянна, чем на нашем астероиде. По каким-то причинам гравитационная тяга ведет себя хуже, чем пассажирская гравитация. И не спрашивай меня, почему. Если бы я знал ответ, то не сидел бы на «Небесах инвалидов». С руками или без, я стал бы величайшим ученым Земли, даже будучи биокompенсатором.

— И за твоё внимание боролось бы множество женщин, — вставила Анти.

— Думаю, ему хватило бы одной, — добавил Джордан.

— Бедняга, ты лишен воображения, — посетовала Анти. — В дни моей молодости я смотрела на вещи шире.

— Мы уже слышали про твою молодость, — сказал Джордан. — Не очень-то мне верится.

— Поговорите потом наедине про свою юность, если захотите, а пока избавьте нас от подробностей. Особенно сейчас, когда есть дела поважней, и следует заняться ими. — Доччи сердито засветился. — Как бы там ни было, с гравитационной тягой покончено, — резюмировал он. — Когда-то на нее надеялись, но сейчас уже нет. В настоящее время у генератора одна функция — обеспечивать *внутреннюю* гравитацию на корабле для удобства пассажиров. Больше ничего.

— Значит, остается ракета, медленная и неповоротливая, но надежная. Она доставит нас, куда нужно. Медсовет нам отказал, значит, надо обращаться выше.

— Я только «за», — сообщила Анти. — А как мы доберемся выше?

— Мы уже это обсуждали, — ответил Доччи. — Медсовет подчинен Солнечному правительству, а оно, как известно, поддается только скрытым или окольным воздействиям.

— Или не такому уж скрытому, но сильному давлению. Прекрасно. Мне нравится, — заявила Анти. — Просто хотелось удостовериться.

— Марс ближе, — продолжал Доччи. — Но Земля более влиятельна. Поэтому рекомендую ее. — Голос его затих, он остановился и прислушался.

Анти тоже насторожилась, но ничего не уловила.

— Что случилось? — спросила она. — Я ничего не слышу.

Джордан внимательно осмотрел приборную панель, прежде чем ответить.

— В том то и беда, Анти. Ты и не должна слышать, но можешь чувствовать вибрацию, когда работают двигатели.

— Но я не чувствую.

— Знаю — сказал Джордан, глядя на Доччи. — Не понимаю. У нас масса топлива.

После остановки двигателей ракета продолжала двигаться по инерции, правда, не так быстро и не совсем в нужном направлении. Доччи осторожно надел ботинки на магнитах. Передвигался он с трудом, но больше не чувствовал себя беспомощным в условиях невесомости. Он еще раз поглядел на приборы, словно хотел вывести некие секреты, которые утаивала от него электронная панель.

— Это какая-то механическая неисправность, — озабоченно сказал он. — Не знаю, с чего начать.

Анти уже направлялась к коридору, собираясь покинуть отсек управления.

— Я, конечно, полная невежда, — заявила она, — но мне кажется, следует начинать от самих дюзов и искать неисправность оттуда.

Она заполнила почти весь коридор от пола до потолка; по бокам от нее до стенок коридора оставалось по несколько дюймов. Передвигалась Анти легко, а вот поворачиваться не могла. Она и не стала.

— Вы взяли меня в полет, доставили сюда. Прекрасно. Я вам благодарна, но не могу удовлетвориться только этим. Думается, надо отработать плату за проезд. Оставайся и управляй кораблем. Вы с Джорданом это умеете. А я нет. Разберусь, в чем проблема.

— Но ты не сможешь понять, что делать.

— И ладно. Не нужно быть механиком, чтобы понять, что вещь сломалась. Я ее найду, а вы придете и почините.

Дочки умел определять, когда спорить с Анти бесполезно.

— Идем вместе, — предложил он. — Джордан останется возле приборов.

Коридор на старом корабле выглядел обшарпанным и тусклым. На «Небеса инвалидов» не завозили дорогого или новейшего оборудования, но даже в лучшие свои времена корабль не являлся образцом совершенства. С одной стороны коридора тянулся корпус корабля, с другой — несколько маленьких кают. Ни одна из них не была занята. Анти остановилась. Длинный коридор за-

канчивался выходом в следующий, который вел на другую сторону корабля и затем поворачивал в обратную сторону к отсеку управления.

Что делается впереди, Дочти не видел из-за Анти.

— Проверим кормовые дюзы, — сказал он. — Открой дверь, заглянем в топливный отсек.

— Не могу, — ответила Анти. — Пытаюсь, но ручка не поворачивается. И красная лампочка горит. Это что-нибудь значит?

Чего-то подобного стоило ожидать, но теперь, когда он с этим столкнулся, сердце болезненно екнуло.

— Значит. Не пытайся открыть. С твоей силой у тебя это, чего доброго, получится.

— Что ты за человек, — заворчала Анти. — Сначала говоришь открыть, потом открывать не разрешаешь.

— В кормовом отсеке нет воздуха, Анти. Крышку зажигания убрали, поэтому двигатель перестал работать. Весь воздух сразу вытек в космос. Поэтому красная лампочка и загорелась.

— Если я его сейчас открою, мы все умрем?

— Да.

— Значит, надо заняться и все исправить.

— Так и сделаем. Но мы должны удостовериться, что это не повторится. Видишь ли, такое не происходит случайно. Кто-то или что-то сдвинуло крышку.

— Ты уверен?

— Совершенно. Ты кого-нибудь видела, когда мы грузили твой бассейн на корабль?

— Ничего не видела. Как бы я могла? Слышала, как кричит Кэмерон, какой-то шум. Но видеть могла только то, что сверху, а там ничего не было.

— Я так и думал. Внутри мог незаметно проникнуть рон. Я их не считал, но решил, что все попрыгали с аппарели. Ошибся — один не стал прыгать.

— Почему обязательно рон?

— А как же иначе, Анти?

Крышку зажигания сдвинули, когда мы все находились в отсеке управления. Никто из нас этого не делал, значит, кто-то к нам забрался. У человека не хватит сил, чтобы сдвинуть крышку, но даже если приложить сверхчеловеческие усилия, весь воздух уйдет из кормового отсека в космос, как только крышка свалится, и двигатель ракеты перестанет работать.

— Значит, у нас в кормовом отсекедохлый рон.

— Роны не умирают и даже не перестают двигаться. Отсутствие воздуха им никак не вредит. Кроме того, рон даже мог покинуть отсек. Он достаточно силен и быстр, чтобы, невзирая на давление, менее чем за секунду открыть дверь, выбраться оттуда и снова закрыть ее. И мы не заметили бы, потому что корабль автоматически восполняет утечку воздуха.

— Выходит, на борту находится рон, который собирается вредить нам. — Голос Анти звучал зловеще.

— Боюсь, что так.

— Тогда чего же мы ждем? Все, что требуется, это вернуться в отсек управления и вызвать рона по радио. Мы заставим его вернуться и ликвидировать ущерб, который он причинил.

Кое-как сумев обернуться, Анти посмотрела в лицо Дочки.

— Можешь не говорить, — сказала Анти. — Я сама могла догадаться. Радио внутри корабля не работает.

Дочки неохотно кивнул.

— Правильно. Роботов на борту не используют, поэтому аварийная радиосвязь работает через носовую антенну. Корпус корабля обеспечивает слишком хорошую изоляцию.

— Ну разве не замечательно? — весело воскликнула Анти. — Нам предстоит охота на робота.

— С голыми руками.

— Да ладно. Все не так уж плохо. Слушай, когда двигатели заглохли, робот покинул кормовой отсек. Он не мог проскочить мимо отсека управления так, чтобы мы его не заметили.

— Верно. Мимо проходят два коридора, по одному с каждой стороны корабля.

— Вот об этом я и говорю. По одному мы прошли, и рона здесь нет. Значит, он в другом. Если бы спрятался в каюте, горела бы лампочка. Ему от нас не уйти.

— Не сомневаюсь, мы его найдем. Но что будем делать потом?

— Я об этом подумала. Ты можешь протиснуться, когда я вот так стою?

— Нет.

— И рон не сможет. Все, что мне нужно, это лучевой пистолет или что-то похожее на него. Я выгоню робота на Джордана, а тот его прикончит. — Анти решительно двинулась к дальнему коридору. — Беги к Джордану и все расскажи ему. На корабле должно быть еще оружие. То, которое предназначено для пилота. Принеси его мне.

Закусив губу, Дочки смотрел в спину гигантской женщины. Он знал Анти и понимал, что спорить с ней бессмысленно.

— Хорошо, — ответил он. — Только жди здесь. Ничего не делай, пока я не вернусь с лучевиком.

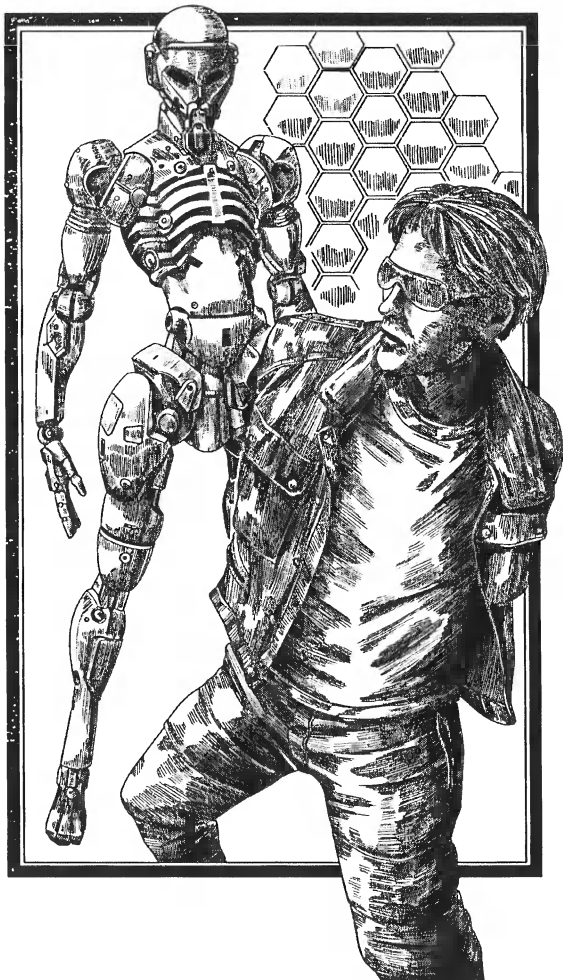
Магнетики на его ногах не заменяли гравитацию. Дочки не мог двигаться быстро, да и никто не смог бы. Оставалось время на обдумывание, но ничего лучшего в голову не приходило. Один пистолет Джордану, другой — если есть другой — Анти.

Она заблокирует коридор. Рон может броситься на нее, но не сумеет протиснуться мимо. Робот попытается прорваться. Если он приблизится к Анти, она сумеет вывести его из строя. Но стрелять ей придется в сторону отсека управления. Если промахнется... Приборы такие хрупкие.

Но шанс разделаться с роном может представиться и Джордану. Тогда Анти окажется на линии огня. С какой стороны ни посмотри, план не сработает, твердо решил Дочки. Надо придумать что-то другое.

— Джордан! — позвал Дочки, добравшись до отсека управления, но приятеля там не оказалось. Нона все еще стояла, невозмутимо созерцая индикатор гравитации. Казалось, ничто не могло пробиться сквозь раковину, в которую она себя заключила.

В дверном проеме, выходящем во второй коридор, вспыхнул свет. Дочки бросился туда. Джордан находился возле самого выхода, твердо сжимая рукоять пистолета. Его усеченное тело медленно перемещалось по направлению к корме.

Навстречу ему двигалась Анти — невооруженная, но грозная и огромная Анти. Она и не собиралась дожидаться пистолета — знала, что на корабле больше нет оружия — и просто хотела отделаться от Дочки. Анти не шла, а скорее плыла в воздухе, как гигантское раздувшееся морское чудовище. Отталкиваясь от стен чем-то, напоминавшим плавники, она продвигалась вперед.

— Расплавь его, — крикнула Анти.

Рассмотреть контуры рона, смутно напоминавшие очертание человеческой фигуры, оказалось нелегко. Сильное блестящее тело терялось на фоне каркаса корабля; получалось нечто вроде ненамеренной маскировки, хотя робот об этом не знал. Он скорчился у порога каюты, оценивая опасность, надвигающуюся с двух сторон.

Джордан поднял оружие и тут же опустил его.

— Уйди с дороги, — велел он Анти.

Деваться ей было некуда. Слишком громоздкая для каюты и слишком массивная для робота, который не мог протиснуться мимо нее, даже если бы она пропустила, Анти крикнула:

— Не обращай внимания. Прикончи его.

Даже по стандартам робототехники робот не отличался сообразительностью. Но он знал, что тепловой луч смертоносен, а человеческое тело — вещь хрупкая. Поэтому он метнулся в сторону Анти. В отличие от людей, ему не требовались магнетики; эта функция являлась встроенной, и невесомость рона вообще не беспокоила. Двигался он очень быстро.

Дочки не хотел смотреть, но приходилось. Робот так и взорвался движением, бросив свое тело в сторону Анти.

Но именно рон, а не Анти, отлетел назад. Он произвел расчет быстро, но неточно — относительная масса сработала в пользу гигантской женщины.

Электронные мозги следовали первоначальному решению, каким бы оно ни было. Рон поднялся и кинулся на Анти снова. На бегу металлические руки с поразительной скоростью выбросились вперед и врезались в плоть Анти. Доччи явственно различил глухой стук удара. Ни один обычный человек не пережил бы такого столкновения.

Но Анти к обычным не относилась. Даже для инвалида она была странной — жила глубоко внутри брони из своей плоти. Возможно, она даже не почувствовала этих ударов. И не пыталась их избежать. Вместо этого она вытянула руки и, схватив робота, подтащила к себе. И рон потерял последнее преимущество — действие рычага. Блестящие руки больше не двигались с такой быстротой и убийственной силой.

— Гравитацию! — закричала Анти. — Давайте всю, какую только сможете.

Замысел ее стал понятен: она наваливалась на сопротивляющийся механизм. И вот здесь Доччи, наконец, смог ей помочь. Он повернулся и успел сделать два шага, прежде чем его поразил первый удар силы тяжести. Гравитация накатывалась волнами, и каждая следующая казалась мощнее предыдущей. От первого импульса Доччи пошатнулся, от второго у него подогнулись колени, и он осел на пол. Потом заболели барабанные перепонки, и он ощутил, как трясется корабль. Доччи смутно осознавал, что искусственного гравитационного поля такой мощности раньше никогда не создавали, но

это знание никак не помогало ему пошевелиться. Он чувствовал себя совершенно беспомощным в объятиях настигшей его силы.

Исчезла она также неожиданно, как и наступила. Легкие Дочки болезненно расправились, каждый мускул стонал. Перевернувшись лицом вниз, он поднялся и, крелясь на одну сторону, прошел мимо лежавшего Джордана.

Вопреки его ожиданиям, Анти вовсе не выглядела бесформенной и безжизненной массой. Когда Дочки подошел, она уже стояла.

— Уфф, — прокряхтела великанша, удовлетворенно глядя на искореженную грудь металла у своих ног. Рон не подлежал ремонту — тело раздавлено, конечности переломаны, голова расплющена. Электронные мозги оказались бесполезны.

— Ты не пострадала? — в ужасе спросил Дочки.

Прислушиваясь, не пошлют ли нервные окончания сигналов боли, Анти помахала конечностями.

— Нет, — наконец ответила Анти. — Вроде ничего не сломано. Но сломалось бы, попытайся я встать. — Она отодвинулась, чтобы получше рассмотреть робота. — Вот что значит применить свой вес, — самодовольно сказала она. — В нужное время и правильным способом. Все дело в выборе правильного момента. И, должна сказать, ты хорошо справился. — Хохот ее громом покотился по кораблю.

— Я не имею к этому никакого отношения, — возразил Дочки.

— А кто? Джордан тоже не мог этого сделать, он еще только поднимается.

— Нона, — догадался Доччи. — Только она находилась в отсеке управления. Поняла, что нужно делать, и опередила меня. Ума не приложу, откуда она взяла столько гравитации.

— Спроси у нее, — посоветовала Анти.

Доччи скривился и захромал в отсек управления; Анти и Джордан последовали за ним. Довольная и беззаботная, Нона стояла у приборной панели.

Конечно, беспрецедентная сила гравитационного поля поддавалась объяснению. Корабль был старый и использовался давно. Контакты в цепях ослабли и как-то перепутались, подали больше энергии, чем должно было поступать в гравитационный генератор. Каким-то чудом он ненадолго выдал экстремальное поле тяжести, вот и все. И все же подобное объяснение не могло полностью удовлетворить Доччи.

— Интересно знать, имеешь ли ты к этому отношение, — сказал он Ноне. Та в ответ вопросительно улыбнулась.

— Конечно, имеет, — заявил Джордан. — Только она могла включить генератор.

— Включить могла, да. А вот увеличить интенсивность поля — не знаю, — сказал Доччи. Он рассказал друзьям, что, по его мнению, произошло.

— Звучит логично, — согласился Джордан. — Но не имеет значения, как это вышло. Вот гравитационные инженеры этим заинтересовались бы. Если найдется время, надо будет посмотреть, какие там цепи перепутались. Можем узнать что-то новое.

— Уверена, это очень интересно, — вмешалась Анти; в голосе ее звучало раздражение. — Всем, кроме меня. А я

прагматик. Все, что мне хочется знать — когда мы запустим двигатели? Впереди долгая дорога.

— Сначала, Анти, нужно кое-что сделать, — заговорил Джордан. — Сдвинутая в полете крышка зажигания обычно означает как минимум одну выгоревшую трубу. — Он приблизился к приборам и с мрачным видом изучил показания. — На этот раз три.

— Ты кое о чем забыл, Джордан, — сказал Доччи. — Не могу перестать думать о роботе.

— Я считала, мы с *этим* разобрались, — нетерпеливо заметила Анти.

— Конечно. Но давайте проследим цепь событий. Откуда рон получал инструкции? Не от Фогеля по радио. Корпус корабля не пропускает радиоволны. А застали мы его возле самого отсека управления.

— По голосу, — предположил Джордан. — Мы упустили это из виду. Кто-то отдавал ему команды.

— Кто? — спросила Анти. — Не один же из нас?

— Нет, — согласился Доччи. — Но вспомните тот момент, когда мы грузили бассейн. Мы видели его под неудобным углом зрения. Ты, Анти, могла видеть только то, что находилось вверху. На борт смог проникнуть не только робот, но и Кэмерон тоже.

Джордан взвесил на ладони пистолет.

— Значит, нам предстоит еще одна охота. Только на этот раз преимущество на нашей стороне. Обожаю целиться в симпатичного нормального врача.

Доччи посмотрел на оружие.

— Возьми с собой. Но не применяй. Убийство разрушит все планы. Можно будет забыть о нашей затее. Оружие, скорее всего, не понадобится. Корабль времен-

но потерял управление, и Кэмерон решит, что причинил достаточно вреда. Он согласится сдаться.

Так и вышло.

5

Доктор вел себя спокойно и уверенно.

— Вы получили корабль и нашли меня. Как полагаете, сколько сможете удерживать то и другое?

Дочки равнодушно смотрел на него.

— Я не ожидаю от вас активного сотрудничества, но хотел бы надеяться, что вы дадите слово больше не мешать нам.

Посмотрев на лучевой пистолет, Кэмерон ответил:

— Не могу ничего обещать.

— Давайте прикуем его к Анти, — предложил Джордан. — это убережет доктора от всяких глупостей.

— Не надо морщиться, Кэмерон, — заметил Дочки. — Когда-то она была женщиной. И очень симпатичной.

— Можно надеть на него скафандр и связать руки за спиной, — продолжил Джордан. — Как в старину смирительную рубашку.

Кэмерон громко рассмеялся.

— Попробуйте.

Джордан помахал лучевиком.

— Вот это можно использовать в качестве резака. Посадим его в каюту и заварим дверь. А в двери я вырежу очень узкую щель, чтобы пропихивать туда еду.

— Замечательно. Это выход. Кэмерон, не хотите пересмотреть свое решение?

Доктор беспечно пожал плечами.

— Все равно. Они найдут вас через день или даже раньше. Я никак не скомпрометирую себя, если соглашусь.

— Мне этого достаточно, — заявила Анти. — Слово доктора крепко, как и его гиппократова клятва. Хотя, быть может, столь же лицемерно.

— Не будь циничной, Анти. Как и все люди, доктора обладают экономическим чутьем, — сказал Доччи и повернулся к Кэмерону. — Видите ли, после того, как Анти выросла слишком массивной для своего костного скелета, доктора решили, что ей лучше всего находиться в невесомости. Это случилось давно, еще до того, как построили первые гравитационные установки для кораблей. Ее посадили на межпланетный корабль, а перед посадкой передавали на другую ракету. Но такое содержание пациентки оказалось хлопотным — и дорогостоящим. Поэтому изобрели новый метод лечения: астероид и бассейн с кислотой. Анти не оставили выбора, хотя по своей природе она не водоплавающее существо. И отказывают в выборе до сих пор.

— Вы не можете обвинять в этом меня, — возразил Кэмерон. — Я не несу ответственности за данный случай.

— Это случилось до вас, — согласился Доччи. Задумавшись, он хмуро рассматривал доктора. — Я кое на что обратил внимание, но был тогда занят другими мыслями. Скажите, почему вы рассмеялись, когда Джордан упомянул про скафандры?

На лице Кэмерона появилась широкая ухмылка.

— Я занимался ими, пока вы охотились на робота.

— Занимались чем? Джордан...

Но Джордан уже исчез. Несколько минут он отсутствовал; время тянулось страшно медленно.

— Ну? — спросил Доччи, когда Джордан вернулся. Объяснений не требовалось; все было написано на лице друга.

— Порезал на ленточки.

— Все? Даже аварийный комплект?

— И его тоже. Он знал, что где лежит. Восстановлению не подлежат.

— Кому какое дело? — прогудела Анти. — Нам скафандры не нужны, если только ничего не случится и не придется выходить из корабля.

— Вот именно, Анти. Как мы меняем дефективные трубы? Только снаружи, конечно. Кэмерон уничтожил скафандры, чтобы лишить нас этой возможности.

Бросив на доктора гневный взгляд, Анти сказала:

— Полагаю, так вы заботитесь о нашем благополучии? Не правда ли, Кэмерон?

— Можете думать, что угодно. Заботился и забочусь, — невозмутимо произнес доктор. — А теперь проявите благоразумие. Мы пока находимся в поясе астероидов. Само по себе это не опасно. Но без возможности увернуться от случайного метеорита наше положение становится весьма неприятным. Мой вам совет: немедленно выходите на связь с Медсоветом. Они выпшлют корабль и заберут вас.

— Благодарю, нет. «Небеса инвалидов» мне отвратительны так же, как и вы, — грубо ответила Анти и повернулась к Доччи. — Может, я покажусь дурой, если спрошу, в чем смертельная опасность нахождения в космосе без скафандра?

— Холод. Отсутствие давления. Отсутствие кислорода.
— Это все? Больше ничего?

— Разве этого не достаточно? — воскликнул Доччи — как ему самому показалось, слишком уж громко и резко.

— Для меня, может, и недостаточно. Просто я хотела удостовериться. — Анти сделала знак Ноне, и они вместе направились туда, где хранились скафандры. — Только не совершайте опрометчивых поступков, пока я не вернусь, — попросила Анти, покидая отсек.

Озадаченно нахмурившись, Кэмерон двинулся было за ними, но Джордан многозначительно взмахнул пистолетом прямо перед его носом.

— Ладно, понял, — проворчал доктор и поскреб подбородок. — Она ничего не сможет сделать. Вам это известно не хуже, чем мне.

— Разве? Ну, в чем-то я с вами, может, и соглашусь, но с Анти ничего не знаешь наперед, — возразил Доччи. — Иногда она просто удивляет. Научной подготовки не имеет, но обладает хорошими мозгами, не хуже, чем раньше было тело.

— Она считалась красивой женщиной?

— Посмотрите ваши архивы, — коротко ответил Доччи. — Сами мы об этом не говорим.

Женщины вернулись не скоро, но когда они появились в отсеке управления, Кэмерон не поверил, что странное существо, всплывшее следом за Ноной, и есть Анти. Доктор присмотрелся и, содрогнувшись, понял, что она с собой сделала.

— Вам необходим курс психотерапии, — язвительно сообщил он. — Когда вернемся, первым делом рекомендую пройти. Вы хоть понимаете, насколько глупо выглядите?

— Спокойно, — прорычал Джордан. — Анти, объясни, что за тряпье ты нацепила? Не уверен, что мы позволим тебе это сделать.

— Для наружных покровов тела подойдет любое давление, — начала Анти, сдвинув шлем на затылок. — Механическое ничем не хуже воздушного. Я попросила Нону отрезать ленты от скафандров и очень туго обмотать меня. Таким образом, я не лопну. Потом подобрала подходящий шлем, отрезав поврежденную часть скафандра. Даже плотно прижатый к коже, он почти не удерживает воздушного давления. И не надо, если будет поступать чистый кислород.

— Пока что улавливаю смысл. — допустил Доччи. — Но как насчет температуры?

— Думаешь, я буду беспокоиться из-за холода? — спросила Анти. — Я? Подо всей этой плотью? Подо всеми этими грудями и напластованиями?

— Я достаточно слушал, — выговорил Кэмерон, становясь перед Анти. — Теперь послушайте меня. Прекратите безумствовать и снимите этот детский наряд. Я не позволю вам разрушить мою карьеру намеренным самоубийством.

— Пошел ты вместе со своей вонючей карьерой, — с отвращением заявил Джордан. — Ты знать не знаешь, что такое мечта и что значит от нее отказаться. Не суйся не в свое дело. Нам не требуется твое разрешение на какие-либо действия. — Кэмерон ретировался перед

стволом пистолета, а Джордан повернулся к Анти. — Ты понимаешь, чем рискуешь? Знаешь, что это может вообще не сработать?

— Об этом я подумала, — ответила Анти. — Но, с другой стороны, подумала про астероид. Мне не хочется возвращаться.

— Следует задействовать внешние камеры, — выступил вперед Доччи. — Две боковых и одну направленную на корму. По крайней мере, сможем видеть, что происходит.

Джордан принялся щелкать ручками приборов.

— Камеры выведены и включены, — отчитался он, наконец. — Анти, отправляйся к грузовой аппарели. Надень шлем и жди. Я медленно выпущу воздух. Если что-нибудь пойдет не так, дай мне знать по шлемофону, и я немедленно втащу тебя назад. Когда выйдешь в космос, сообщу дальнейшие инструкции. Инструменты и оборудование находятся в контейнерах снаружи.

Анти заковыляла прочь. Огромная и неуклюжая, она была полна решимости выполнить задачу.

Когда она вышла, Джордан посмотрел на свое безногое тело.

— Очень мне это не нравится, но приходится быть реалистами.

— Только так у нас есть хоть какой-то шанс, — сказал Доччи. — Анти — единственная, кто может справиться с работой. И мне кажется, что она выживет.

Покрутив какую-то ручку настройки, Джордан пробурчал:

— Пусть Кэмерон молится, чтобы выжила. Если погибнет, он отправится за ней.

Дочки бросил быстрый взгляд на экран. Закутанная и замотанная в ленты от ставших якобы бесполезными скафандров, Анти парила в космосе. А еще ее прикрывали такие массы плоти, каких никогда не носил ни один человек. На голове лихо сидел шлем, за спиной крепился баллон с кислородом. И она не умерла.

— Как она там? — спросил Дочки, забыв, что микрофон включен.

— Прекрасно, — последовал веселый бодрый ответ. — Дыхательная смесь поступает понемногу, но это чистый кислород.

— Холодно?

— Не знаю. Пока не чувствую. Во всяком случае, не хуже, чем в бассейне. Что мне делать?

Пока остальные наблюдали, Джордан отдавал Анти указания. Потребовались значительные усилия, чтобы достать инструменты и осмотреть трубы на предмет повреждений, извлечь их из гнезд и отправить в свободное плавание по открытому космосу. Еще труднее было заменить их, хотя Анти и работала в невесомости, надежно прикрепленная к кораблю магнитной обувью.

Она никогда не имела дела с техникой. Кэмерон знал это наверняка. Не держала в руках простейших инструментов и не ведала специальных терминов. Анти никак не могла справиться с такой работой. И все же прекрасно справлялась — сама не зная, как. Единственным объяснением могло служить только то, что где-то в ее отдаленном прошлом, о котором доктор не имел представления, она прошла подготовку, сделавшую выполнение сегодняшнего задания возможным. Подобное допущение казалось нелепостью. Но в движениях этого гигант-

ского существа, беспомощного в условиях гравитации настолько, что ломались кости ее скелета, явно чувствовался ритм.

Кит, плывущий в морских глубинах, тоже красив и грациозен. Иначе и быть не может для существа, находящегося в родной среде обитания. Человеческая раса, сама того не подозревая, произвела одного индивида, для которого межпланетное пространство перестало быть чужим. Анти оказалась, наконец, в своей стихии.

— Теперь, — говорил Джордан, стараясь спрятать звучащую в голосе тревогу, хотя руки у него тряслись, — вернись к ящику с инструментами. Возле него увидишь рукоять. Потяни за нее. Крышка зажигания встанет на место.

— Готово, — донесся голос Анти.

— На этом все. Теперь возвращайся.

Она медленно двинулась по корпусу корабля к грузовой аппарели, а Джордан тем временем убрал камеры. Аппарель захлопнулась, воздух с шипением начал заполнять шлюз, а Джордан уже ждал у внутренней двери.

— Ты в порядке? — с напускной грубостью спросил он.

Анти откинула шлем на спину. Брови у ее покрылись инеем, лицо горело румянцем.

— А что со мной делается? Даже руки не замерзли. — Она стянула термоперчатки и пошевелила пальцами.

— Не могу поверить, — не выдержал Кэмерон. Забывшись, он говорил с излишней горячностью. — Вы должны были промерзнуть насквозь.

— Почему? — Анти булькающее рассмеялась. — Здесь все дело в изоляции, а у меня ее более чем достаточно. Даже больше, чем мне хотелось бы.

Покачивая головой, Кэмерон повернулся к Доччи.

— В детстве я видел фильм про танцовщицу. Она поставила балет. Кажется, он назывался «Открытый космос — открытая жизнь». Что-то вроде этого. Сам не знаю, почему, но я про него вспомнил, когда сейчас наблюдал за Анти. Хотя прошло много лет.

Доктор потер лоб ладонью.

— Когда я посмотрел спектакль впервые, он меня очаровал. Я ходил на него снова и снова. А когда вырос, узнал про трагическую историю, случившуюся с танцовщицей. Она полетела с экскурсией на Венеру, и на корабле произошла авария. Выслали поисковые партии, но никого не нашли, кроме нее. А женщина бродила по грибковым равнинам целую неделю. Вы понимаете, что это значит. Великая балерина превратилась в питательную среду для плесени.

— Заткнись, — произнес Джордан. — Заткнись.

Кэмерон, увлеченный воспоминаниями, скорее всего, не услышал.

— Естественно, она умерла. Никак не вспомню ее имени, но балет забыть не могу. Забавно, что он пришел мне на ум, когда я увидел Анти снаружи...

— Сказано тебе — заткнись! — Джордан выбросил кулак в лицо доктору. Если бы в удар вложились не только плечи и фрагмент туловища, челюсть сломалась бы. А так Кэмерон пролетел через отсек и ударился о стену.

Доктор сердито поднялся на ноги.

— Я дал вам слово не вредить и рассчитывал, что соглашение является обоюдным. — Он недвусмысленно посмотрел на оружие Джордана. — Лучше держите это под рукой постоянно.

— Я тебя предупреждал, — ответил Джордан. — И не раз. — После этого он перестал обращать внимание на доктора и осторожно спрятал пистолет в карман одежды. Потом повернулся к Анти. — Очень хорошо, — произнес он учтивым тоном, словно забыв о злости. — Замечательное представление. Одно из твоих самых удачных, Антуанетта.

— Ты не видел меня в лучшие годы, — ответила Анти. Иней на бровях растаял, и по щекам текли струйки воды. Вместе с Джорданом она вышла из отсека.

Кэмерон остался. Его амбициям нанесли тяжелейший удар. Теперь он знал, что никогда не достигнет успеха, о котором мечтал. Только не после побега этих несчастных с «Небес инвалидов». Он сделал все, чтобы предотвратить его, но не сумеет убедить в этом Медсовет. Есть еще возможность найти где-нибудь практику, доктора всегда нужны. А что, если случится самое страшное и ему запретят заниматься медициной?

Доктор думал про балерину, о которой рассказывал. Значит, она не умерла, как говорится в документах. Это не более чем легенда прикрытия; люди должны принять ее за правду, потому что она удобнее правды. Лучше бы она погибла. Теперь Кэмерон вспомнил: ее звали Антуанетта.

Сейчас ее имя Анти. Он не смог бы найти эту историю в архивах на «Небесах инвалидов», там не хранят такую

специфическую информацию. Доктор готов был поспорить, что ее там нет. Потрогав челюсть — место удара пульсировало от боли, — Кэмерон решил, что заслужил это. Он действительно не считал их раньше за людей.

— Будем держаться регулярных линий сообщения, — решил Доччи. — Думаю, надо подобраться к ним поближе. Никто не заподозрит, что мы направляемся к Земле. Марс был бы логичнее, или одна из лун Юпитера, или другой астероид. Уверен, они не знают, что мы собираемся сделать.

Джордан озабоченно пошевелился.

— Я против. Они нас поймают прежде, чем мы что-нибудь успеем.

— Мы ничем не отличаемся от обычной ракеты «Земля — Марс». У нас есть реестр кораблей. Используй его. Выбери любой корабль нашего класса, станем выдавать себя за него. Если нами заинтересуется диспетчерская служба — а я сомневаюсь, что это произойдет раньше, чем мы пойдем на посадку, — то у нас должна быть готова запись. Что-нибудь вроде: «Я двадцать первый — хрип — треск — девять — докладываю. У нас связь бахлаит. Не слышим вас, диспетчер».

— Весьма правдоподобно, учитывая возраст и состояние нашего корабля, — согласился Джордан.

— Только не переусердствуй со статистическими эффектами. Повторяй и повторяй содержание в разных вариациях и, думаю, они нас не потревожат.

В сомнении покачивая головой, Джордан направился к маленькой радиорубке.

— Ты выглядишь встревоженным. — сказала Анти, заходя в отсек.

— Так и есть, — ответил Доччи, не оборачиваясь.

— Что случилось? Думаешь, не получится?

— Конечно, получится. Здесь слишком много кораблей. Они не смогут нас отыскать. Во всяком случае, не станут искать возле Земли. На самом деле они не знают, с какой целью мы захватили ракету и бежали.

— Тогда о чем тревожиться? Нам не потребуется много времени, когда достигнем Земли.

Доччи устало скривил лицо.

— Вначале я тоже так думал. Обстоятельства переменялись. Вся солнечная полиция поднята на наши поиски.

— Значит, нас ищет солнечная полиция. Но я не понимаю, почему это меняет дело.

— Послушай, Анти. Мы задумали обойти Медсовет и напрямую обратиться в Солнечное правительство. Но если они хотят поймать нас, а по радиосвязи говорят именно об этом, то рассчитывать на сочувственное отношение не приходится. Вообще. Если это так, и Солнечное правительство и не собиралось поддержать нас, то другого шанса у нас не будет. После этих событий они расставят охрану по всему астероиду. И будут следить за нами, даже когда мы спим.

— Ну и что? — спросила Анти. Она казалась решительно настроенной и еще более энергичной. — Мы предусмотрели такой поворот, разве нет? Давай сначала предпримем последний шаг.

Доччи поднял голову.

— Обратимся к высшей власти? Солнечному правительству это не понравится.

— Не понравится, но они ничего не смогут поделать.

— Не обманывай себя. Они могут сбить нас. Украв корабль, мы автоматически перешли в разряд преступников.

— Знаю, но они будут осторожны, особенно после нашего выхода на контакт. Как это будет выглядеть, если нас разнесут на кусочки на глазах у миллиардов людей?

Хмуρο усмехнувшись, Дочки согласился:

— Придумано хитро. Ладно, они проявят осторожность. Как думаешь, оно того стоит?

— Для меня — да.

— Значит, и для меня. Тогда предлагаю начать подготовку.

Анти внимательно разглядывала Дочки.

— Может, привести тебя в порядок?

— С помощью фальшивых рук и косметики? Нет. Пусть видят нас такими, какие мы есть, некрасивыми, даже отталкивающими.

— Неплохая идея. Под углом сострадания этот вопрос я не рассматривала.

— Никакого сострадания — только реальность. Для нас она значит слишком много. Не хочу, чтобы нас восприняли как симпатичных неудачников и потом переменили мнение, узнав, какие мы на самом деле.

Сев в кресло, Дочки смотрел, как уходит Анти, и молчал. Она, по крайней мере, окажется в выигрыше. Доктор Кэмерон, похоже, не заметил, что пребывание на экстремальном холоде повлияло на замедление расрас-

тания плоти сильнее, чем кислотная ванна. Анти, возможно, никогда не вернется к прежним размерам, но настанет день, когда воздействие холода изучат в достаточной степени, и она сможет встать на ноги при нормальной гравитации. Для нее появилась надежда. А всем остальным остается делать вид, что и у них есть надежда.

Дочки посмотрел на экран телекома. Они подлетали все ближе. Земля больше не казалась светящейся точкой, а превратилась в различимый глазом диск. Дочки видел контуры океанов, очертания материков, тени гор, плоские пространства прерий и равнин, даже мог вообразить людей. Когда-то это был его дом.

Вошел Джордан.

— Радиозапись смонтирована. Я пока ее не использовал. Но у нас позади появился приятель. Официальный приятель.

— Он приближается?

— Когда я уходил, не приближался. Просто висел на хвосте.

— Сумеет нас нагнать?

— Думаю, попробует.

— Не позволяй ему.

— С этим ведром болтов?

— Встряхни его хорошенько, если потребуется, — нетерпеливо бросил Дочки. — Как скоро ты можешь вывести нас на орбиту широкого вещания?

Джордан наморщил лоб.

— Я думал, в этот раз мы не планировали... Это же наша последняя возможность. На крайний случай.

— Мы с Анти это обсудили. И согласились, что крайний случай наступил. Теперь твоя очередь говорить, если есть возражения.

— Я слушал переговоры полицейских по радио, — задумчиво произнес Джордан. — Нет, думаю, у меня нет никаких возражений. Какие тут возражения, если тяжёлый крейсер на хвосте. Совсем никаких.

Они вместе вошли в отсек управления.

— Не надо держать в фокусе только меня, — предупредил Доччи. — Или Нону, хотя понимаю, что она самый выигрышный вариант. Пусть видят, какие мы есть. Не семейный портрет снимаем.

— Образчики, — вставила Анти.

— Что-то вроде. Многое зависит от того, примут ли эти образчики.

Только теперь Кэмерон начал понимать, что задумали его подопечные.

— Погодите, — поспешно сказал доктор. — Вы совершаете ошибку, сначала выслушайте меня.

— Мы должны сделать то, мы должны сделать это, — проворчал Джордан. — Я уже устал от тебя. Можешь ты понять, что теперь мы отдаем приказы?

— Правильно, — сказал Доччи. — Джордан, следи, чтобы Кэмерон не попал в кадр и не вмешивался. Мы зашли слишком далеко, чтобы позволить ему все испортить.

— Конечно. Пусть только пикнет, я ему зубы вышибу. — Джордан держал лучевик сбоку, незаметно для телекома, но так, чтобы видел Кэмерон.

Доктор хотел возразить, но пистолет, пусть и небольшой, выглядел очень убедительно. Только это обстоятельство оправдывало его молчание. И еще тот факт, что рано или поздно они и сами все узнают.

— Готово? — спросил Доччи.

— Щелкни только переключателем, и будет готово. Я задействовал аварийную телерадиосвязь. Они не смогут переключать каналы. Хотят или нет, а придется слушать.

Ракета соскользнула с околоземной трассы и, ярко пульсируя дюзами, устремилась к Земле, сближаясь с ней по крутой траектории. Все ниже, ниже, и родная планета росла на глазах.

— Граждане Солнечной системы, все жители Земли, — начал Доччи. — Это незапланированная трансляция. Мы используем аварийный канал, потому что для нас сложилась чрезвычайная ситуация. Я говорю «для нас», и вы захотите узнать, кто же *мы*. Посмотрите на нас. Вы не ошиблись — мы инвалиды.

— Мы несимпатичны и знаем это. Но есть вещи поважнее. Научные свершения, вклад в прогресс. Вы можете не поверить, но мы способны внести свой вклад — если нам позволят сделать это.

— Но мы заперты на маленьком астероиде и лишены всех прав. Обречены на безысходное и унылое существование, обречены жить, хотим мы этого или нет. И все же способны помочь вам, как вы помогали нам — если нам разрешат. Вы не можете добраться до звезд, а мы можем. А в итоге, благодаря приобретенным нами знаниям, сможете и вы.

— Конечно, вы слышали мнение экспертов, утвердивших, что такой полет невозможен, что ракеты двигаются слишком медленно, и экипаж умрет от старости, прежде чем вернется. Они почти правы, только инвалиды в данном случае — исключение. Обычные люди умрут, а мы нет. Медсовет располагает всеми фактами, он знает, на что мы способны, и все же отказывает нам.

Кэмерон в своем углу задвигался, собираясь протестовать. Остановил его выразительный взгляд Джордана и недвусмысленный взмах пистолетом. Доктор замер, так ничего и не сказав.

— Биокompенсация, — невозмутимо продолжал Доччи, словно ничего не случилось. — Позвольте объяснить, что это такое, если информация по данному вопросу до вас не доходит. Принципы биокompенсации начали разрабатывать давно. Но только в этом веке медицинская техника продвинулась достаточно далеко, чтобы практически исследовать их. Каждая клетка, каждый организм стремятся к выживанию — как в отдельно взятом индивиде, так и в масштабах вида. Повредите их — и они будут бороться за существование соответственно тяжести повреждения. Если смогут, залечат рану и будут жить дальше в прежнем состоянии. Если нет — попытаются быстрее размножиться. Можете сами удостовериться: не поливайте газон несколько дней, и вы заметите, как быстро начнут вызревать семена.

— Вы скажете, люди — не растения. И все-таки принципы те же. Инвалиды — те же люди, только изломанные и искалеченные донельзя. И наши тела получили помощь со стороны медицинской науки, *настоящей*

медицинской науки. Все знают, что после определенных заболеваний у организма вырабатывается к ним иммунитет. В этом процессе участвуют не только кровяные фракции. Кровью нас снабжали в необходимом количестве, машины дышали за нас, нам заменили внутренности, отремонтировали сердца, вводили ферменты и секреты, которые не могли вырабатывать наши железы, регенерировали нашу нервную систему и мускулы, и тела ответили на эту заботу. Если бы не ответили, мы бы сегодня не стояли здесь. Борьба оказалась настолько упорной, мы так близко подошли к краю гибели, что, выжив, практически приобрели иммунитет к смерти.

По лицу Дочки стекал пот. Он очень жалел, что не имеет рук, чтобы стереть его.

— Инвалиды по большей части почти бессмертны. Не совсем, конечно: лет через четыреста-пятьсот и мы умрем. Тем не менее, не вижу причин, чтобы не выполнить для вас исследовательскую миссию. Ракеты летят медленно. Вы умрете прежде, чем достигнете Альфы Центавра, или вернетесь назад, не выполнив задуманного. Для нас время не имеет значения. Возможно, после нашего отлета создадут лучшие ракеты. Может статься, вы доберетесь туда раньше нас. Нам все равно. Мы должны хотя бы попытаться отплатить за вашу доброту наилучшим, по нашему мнению, способом.

Сделав усилие, Дочки попробовал улыбнуться. И тут же почувствовал, что совершил ошибку, но было поздно. Даже ему самому улыбка показалась более похожей на оскал.

— Вы знаете, где нас содержат, если не сказать, держат в заключении. Мы не называем это место «Небеса инвалидов». Зовем по-другому — «Мусорка». А себя — старьевщики. Понимаете, что мы чувствуем?

— Не знаю, как вы убедите Медсовет позволить нам сформировать экипаж. Теперь, когда мы вам все рассказали, это ваше дело. На кону наша человеческая судьба. Посоветуйтесь со своей совестью. Когда ляжете спать, подумайте о нас, живущих на свалке.

Повернув выключатель, Дочки сел. Лицо стало серым, глаза воспалились и слезились.

— Не хочется тебя беспокоить, — сказал Джордан, — но что же мы будем делать с ними?

Дочки посмотрел на экран телекома. Их нагоняли уже несколько кораблей, и стали они заметно ближе.

— Выполни маневр уклонения, — устало произнес он. — Направь ракету ближе к Земле и используй гравитацию планеты для ускорения. Нельзя попадаться им в руки, пока люди не разберутся в своих чувствах и не выразят своего мнения.

— Теперь, когда вы закончили, я хотел бы обсудить случившееся, — заявил Кэмерон. Голос его звучал странно.

— Позже, — ответил Дочки. — Не сейчас. Мне надо поспать. Джордан, разбуди меня, если что-нибудь случится. И помни, ты не должен слушать этого парня, если не желаешь.

Джордан презрительно хмыкнул.

— Я его знаю. Ему нечего мне сказать.

Склонившись над панелью, Нона ни на кого не обращала внимания. Казалось, она вслушивается в звуки,

доступные только ее пониманию. Неиссякаемое стремление Ноны ко всему новому было поистине удивительным, но, тем не менее, начинало утомлять. Дочки осел на пол; он уже засыпал.

Пока Дочки спал, на фоне почти не менявшегося пейзажа из звезд и планет продолжалась гонка. Тьма оставалась все той же; она выглядела неизменной. Шли часы, и мерцающие точки света уже не казались Джордану весело подмигивающими. Губы его сжались в тонкую жесткую складку; лицо стало угрюмым. Теперь, когда Земля осталась далеко позади, он услышал, как Дочки начал приходить в себя.

— Я тут подумал, — начал Кэмерон. — Получилась прекрасная речь.

— Да уж. — Дочки смотрел на экран. Картинка в комментариях не нуждалась.

Кэмерон топтался возле порога.

— И еще хочу вам сказать, — продолжил он неохотно, — что пытался остановить трансляцию, когда понял, что происходит. Но вы не захотели слушать.

Доктор прошел в отсек управления. Лицо Ноны, устроившейся в кресле, больше не выражало любопытства. Анти отсутствовала — пополняла запас кислоты в своем балахоне.

— Вам известно, почему Медсовет отказывался отпускать вас?

— Ближе к делу.

— Проклятье, я и пытаюсь, — ответил Кэмерон, как-то сразу вспотев. — В группе Центавра несколько планет, сколько именно, мы не знаем. Согласно принципам космологии, там может существовать разумная жизнь,

возможно, слегка уступающая нам по уровню технического развития. Кто бы туда ни отправился, он станет нашим представителем перед чужой расой. Как выглядят *они*, не столь уж важно; это их забота. Но наши посланцы должны соответствовать неким минимальным стандартам. Это важное событие, от него зависят наши дальнейшие отношения. Черт побери, неужели вы не понимаете, что представители Земли должны хотя бы *внешне* походить на людей?

— Ты не сообщил нам ничего нового. И нам известно, что ты задумал, — упрямо и зло ответил Джордан.

— Вы ошибаетесь, — воскликнул доктор. — О, как вы ошибаетесь. Я говорю не от себя. Я доктор. И в Медсовете сидят доктора. Мы пересаживаем или регенерируем руки, ноги, глаза. Имеем дело с кровью, костями и кишками. И очень хорошо знаем, как люди выглядят изнутри. Нам прекрасно известна тонкая грань, отделяющая прекрасных мужчин и женщин от инвалидов.

— Как до сих пор вы не поймете того, что я вам говорю? Они все совершенны. Даже слишком. Они не выносят ни малейшего изъяна. На изыскания по борьбе с угрями тратится больше денег, чем на содержание всего вашего астероида. Они бегут к нам с каждой морщинкой, с каждым заусенцем на пальце. Здоровье — или его внешние признаки — превратилось в фетиш. Можете убеждать себя, что люди, к которым вы обратились, сопереживают вам; в действительности они чувствуют иное.

— К чему вы ведете?

— Вот к чему: если бы это зависело от Медсовета, вы уже были бы на пути к Центавру. Но от нас ничего не

зависит. В действительности решение принимается на-
прямую Солнечным правительством. А оно никогда не
пойдет против общественного мнения.

Дочки отвернулся. Лицо его недовольно скривилось.

— Думал, у вас духу не хватит сказать нам это.

— Я не хотел. Но вы должны знать правду. — Кэмерон
сочувственно покачал головой. — Вы недалеко от Зем-
ли. Еще можете узнать реакцию на свое обращение.
Попробуйте — и увидите.

Дочки посмотрел на Джордана, и тот незаметно кив-
нул.

— Можно попробовать, — сказал Дочки. — Так или
иначе, дело сделано. Мы уже ничего не сможем изме-
нить.

Джордан начал перебирать каналы — поначалу весь-
ма энергично. Вскоре его энтузиазм сменился унынием.
По все планете реакция оказалась одинаковой. Частные
граждане и публичные лица, мужчины и женщины
старались скрыть негодование, но, тем не менее, выска-
зывались твердо и однозначно. Никто не спорит, инва-
лидам не повезло, но о них хорошо заботятся. Нет не-
обходимости выставлять напоказ физические недостат-
ки; времена популярности шоу уродцев давно прошли.
И не надо к ним возвращаться.

— Выключи, — велел, наконец, Дочки.

Джордан молча повиновался.

— Что теперь? — спросил он.

— Зачем раздумывать? — воскликнул доктор. — Воз-
вращайтесь на астероид. Все забудут.

— Только не мы, — с тоской произнес Доччи. — Но другого выбора, похоже, нет. Лучше бы мы действовали через Медсовет. Ошиблись в выборе союзника.

— Мы на это рассчитывали, — заметил Кэмерон. — Хотели, чтобы у вас сохранялась надежда, чтобы вы не чувствовали себя покинутыми. Беда в том, что недовершенство завело вас дальше, чем мы могли предполагать.

— Кое-куда мы все-таки долетели, — сказал Доччи. Похоже, он начал выходить из летаргии, размышляя над достигнутыми результатами. — И я не вижу причины, по которой мы должны останавливаться. Джордан, свяжись с кораблями, преследующими нас. Скажи, что у нас на борту Кэмерон. В качестве заложника. Представь его их человеком. По сути, он не так уж плох. Доктор против нас, но не до такой степени, как все остальные.

В отсеке появилась Анти. Веселость мигом слетела с ее лица.

— Что происходит?

— Джордан расскажет. Мне надо подумать.

Доччи закрыл глаза и отключил слух. Не слышал, как шепчутся Анти с Джорданом, как преследователи бубнят ультиматумы по радиосвязи. Ракета слегка подрагивала, хотя вибрация от реактивного выхлопа оставалась неизменной. Причин для беспокойства не было — весь полет двигатели работали не очень устойчиво. Мелкие неполадки сейчас его не беспокоили.

Мысленно все разложив по полочкам, Доччи обвел взглядом отсек.

— Если бы нам хватало топлива и провизии, я бы высказался за полет к Альфе или Проксиме. Может, даже к Сириусу. Расстояние не имеет значения, потому что теперь мы не знаем, стоит ли возвращаться. — Всем стало ясно, что Дочки больше не питает надежд. — Но с тем малым запасом горючего, что у нас имеется, лететь нельзя. Если сумеем оторваться от кораблей, что летят сзади, то можно спрятаться, пока не найдем, где раздобыть топливо и пищу.

— Что будем делать с доком? — спросил Джордан. Он тяжело переживал неудачу.

— Надо найти какой-нибудь неохраемый аванпост, лучше всего — маленький астероид с шахтами. Оставим его там.

— Ладно, — согласился Джордан. — Хорошая идея, если только сможем отделаться от персонального эскорта. В данный момент не представляю, как мы это сделаем. Когда я сказал им про Кэмерона, они вроде бы растерялись, но не отстали. Посмотрим.

Он взглянул на экран, взглянул еще раз, быстро заморгал. Но телеком показывал только то, что происходило на самом деле.

— Они исчезли, — произнес Джордан срывающимся от удивления голосом.

Почти тут же Дочки оказался рядом с ним.

— Нет, еще летят за нами, но сильно отстали. — Преследовавшие их точки уменьшались на глазах, растворяясь во тьме космоса.

— Какова относительная скорость? — спросил Джордан и сам посмотрел на круговую шкалу. Постучал по ней пальцем, потом ударил по прибору кулаком, но по-

казания скорости не изменились. Если бы не картинка на экране, он мог решить, что стрелка залипла или весь прибор неисправен.

— Что ты сделал с двигателями? — спросил Дочки.

— Глупый вопрос. Что я мог сделать? Эта рухлядь и так уже шла на предельной скорости.

Получалось, что никакого объяснения поразительному явлению нет. Все находились в отсеке управления — Кэмерон, Анти, Джордан и сам Дочки. Нона сидела здесь же, в кресле, сжавшись и обхватив голову руками. Объяснения не существовало, если только... Дочки еще раз проверил все приборы. И только тут заметил.

Гравитационная тяга работала — в нее потоком лилась энергия. Беспольный или, по крайней мере, давно не используемый индикатор показывал невиданное потребление мощности.

— Гравитационная тяга приведена в действие, — сообщил Дочки.

— Ерунда, — возразила Анти. — Я не чувствую веса.

— Ты и не должна, — сказал Дочки. — Гравитационная тяга предназначена для движения корабля. Когда оказалось, что она работает неудовлетворительно, ее просто конвертировали в бортовую силу тяжести — это было дешевле, чем демонтаж. Разница между тягой и гравитацией на борту небольшая, но существенная. *Ненаправленное поле создает силу тяжести внутри корабля. Направленное поле, излучаемое в космос, толкает корабль. Работает либо первое, либо второе, только не одновременно.*

— Но я тягу не включал, — озадаченно выговорил Джордан. — И даже если бы включил, она не проработала бы дольше нескольких секунд. Это уже доказано.

— Я согласился бы с тобой, если бы не одна деталь. Она работает, и нет никаких признаков, что собирается заглохнуть. — Дочки изучающе посмотрел на Нону. Та свернулась в кресле, но не спала. Тело ее оставалось напряженным. — Привлечь внимание Ноны, — попросил он друга.

Джордан мягко коснулся плеча девушки. Она открыла глаза, но смотрела не на присутствующих в отсеке. Стрелка некогда бесполезного прибора качнулась и замерла.

— Что с бедняжкой происходит? — спросила Анти. — Она вся дрожит.

— Оставьте ее в покое, — сказал Дочки. — Оставьте в покое, если не хотите вернуться на астероид. — Никто не двигался. Все молчали. Минуты шли. А древний корабль, поскрипывая и вибрируя, уносился все дальше от самых быстрых ракет в Солнечной системе.

— Думаю, что смогу объяснить это, — заговорил, наконец Дочки, нахмурившись, потому что сам не до конца разобрался в происходящем. Некоторые вещи от него пока ускользали. — Часть установки, генерирующей гравитацию — в каком-то смысле ключевая часть — это электронный компьютер, способный производить вычисления и регулировать потоки энергии, необходимые для создания направленного или ненаправленного постоянного гравитационного поля. Или, другими словами, мозг, сложный механический интеллект. Но он страдал от неосведомленности и не понимал, зачем ему

бесконечно выполнять одну и ту же сложную и бессмысленную работу. Не понимал, зачем, и потому очень просто мог отказаться от выполнения.

— В этом смысле он напоминает Нону. Она глухая, не может говорить или общаться каким-то другим способом. Подобно компьютеру, Нона обладает высокоразвитым интеллектом и, также как он, испытывает трудности в оценке окружающей действительности. А разница между ними в том, что она контактирует с людьми и кое-чему научилась. Насколько глубоки ее знания — неизвестно, но они гораздо обширнее, чем считают психологи. Просто ученые не могут измерить объем знаний, которым обладает этот тип интеллекта.

— Ну, ладно, — неуверенно вступил Джордан. — Насчет Ноны я согласен. Но что она сейчас делает?

— Если бы речь шла о людях, ты мог бы назвать это телепатией, — ответил Доччи. Он сам понимал, что здесь начинаются неувязки с его концепцией. Машина есть машина — инструмент, который используют люди. Какое здесь может быть взаимопонимание? — Один мозг электронный, другой — органический. Ты должен сам решить, какие термины использовать, потому что мне на ум приходит только экстрасенсорное восприятие. Кажется нелепостью, но мы имеем дело именно с ним.

Джордан улыбнулся и потер ладони. Под его бесформенным одеянием заиграли мускулы.

— Для меня эти слова имеют смысл, — сказал он. — Энергия присутствовала всегда, просто машина не знала, что с ней делать. — Ухмылка его стала еще шире. —

Она не могла попасть в лучшие руки. Мы сумеем распорядиться энергией, точнее, Нона сумеет.

— Энергия? — спросила Анти, величественно поднимаясь. — Если вы о том, что я думаю, мне до нее дела нет. Лишь бы добраться до Центавра.

— Доберешься, — заверил Доччи. — Теперь многое становится ясным. Почему в прошлом тяга работала так плохо при удалении от центра системы? Не думаю, что кто-то исследовал данный аспект, но если бы ученые занялись, уверен, они обнаружили бы, что эффективность тяги обратно пропорциональна квадрату расстояния до Солнца. Этого и следует ожидать от глухого, слепого и чувствительного к массе мозга, то есть гравитационного компьютера. Он ничего не знает о звездах. Для него Солнце является центром вселенной, и он боится покидать систему, как наши далекие предки боялись свалиться с края земного диска. Но теперь он знает, как обстоит дело, и тяга будет работать где угодно. С Ноной, которая станет управлять компьютером, даже Сириус покажется близким.

— Что скажешь, док? — небрежно спросил Джордан. — Я на твоём месте подумал бы о том, как убраться с корабля. Помни, мы летим со скоростью, с какой раньше не летал ни один человек. — Он хохотнул. — Хотя, конечно, тебе могла понравиться наша компания, и ты раздумал покидать нас.

— Надо сделать кое-какие вычисления, — сказал Доччи. — Бесплезно лететь туда, где нет звезд. Лучше точно определить место назначения.

— Хорошая мысль, — согласился Джордан, бросаясь к картам. Он с головой ушел в расчеты. Однако посте-

пенно пальцы его перестали порхать по клавиатуре, голова поникла; наконец, он замер, бессильно опустив руки.

— Готово?

— Да, — ответил Джордан. — Гляди. — Он щелкнул переключателем, и на экране телекома возникло изображение. В центре мерцал крохотный мирок, фрагмент давным-давно взорвавшейся планеты. Они легко опознали цель своего путешествия.

«Небеса инвалидов».

— Но почему мы летим туда? — спросила Анти. Она удивленно смотрела на Доччи.

— Летим не по своей воле, — ответил он тихим голосом. — Летим туда, куда желает Медсовет. Мы забыли про систему слежения. Когда Нона активировала гравитационную тягу, это засекли на одной из центральных станций. Медсовету оставалось только перехватить у Ноны управление установкой.

— Мы думали, что убегаем от кораблей, — сказала Анти. — Оказывается, только для того, чтобы поскорее оказаться на мусорке.

— Да, — произнес Доччи. — Нона про это еще не знает.

— Значит, все кончено. Мы сделали, что могли. Плакать бесполезно. — И все же Анти заплакала. Проходя мимо ноны, она нежно коснулась девушки. — Все нормально, дорогая. Ты пробовала помочь нам.

Вслед за Анти из отсека вышел Джордан. Остался Кэмерон. Он подошел к Доччи.

— Ничего не потеряно, — смущенно сказал он. — Все вернутся к тому, с чего начинали. Кроме Ноны.

— Думаете, ей это пойдет на пользу? — спросил Дочки.
— Может, кто-то и выиграет, только не Нона.

— Вы ошибаетесь. Она в одну минуту станет важной персоной.

— Значит, она всего лишь экспериментальный объект. Очень ценный, но без каких-либо прав и чувств. Не думаю, что ей понравится новая роль.

В отсеке наступила тишина. Доктор отвернулся.

— Вы разочарованы, потому расстроены, — рассудительно сказал Кэмерон. — У вас светится лицо, значит, вами овладели эмоции. Мы могли бы поговорить о том, что для нее лучше, но, вижу, это бесполезно. Я вернусь, когда вы успокоитесь.

Дочки слепо посмотрел ему вслед. Из всех нормальных только Кэмерон знает, что именно Нона управляла гравитационной установкой. Остальному миру известно только то, что установка наконец-то заработала в соответствии с первоначальным замыслом. Если бы они могли избавиться от Кэмерона...

Он тряхнул головой. Это ни к чему не приведет. Он сможет дурачить их какое-то время, делать вид, что все дело в нем, в Дочки. Но, в конце концов, они все узнают. Нона обманывать не умеет, а они проявят крайнее любопытство, ведь речь идет об открытии такой важности.

Девушка подняла голову и улыбнулась ему. Она имела право чувствовать себя счастливой. До сегодняшнего дня Нона пребывала в таком одиночестве, с которым довелось столкнуться немногим людям. Но первый контакт состоялся, и каким бы ограниченным он ни получился — ну, что ей мог сказать неразвитый электрон-

ный мозг? — при других обстоятельствах Доччи предвещал бы ей прекрасное будущее. А пока она оставалась такой же узницей, как и компьютер, только не осознавала этого.

Внезапно Доччи развернулся, бросился к панели приборов. Остановился перед экраном телекома и принялся методически долбить его ногами, пока не разломал на кусочки. Потом уничтожил аварийный радиопередатчик. Служба слежения держит корабль мертвой хваткой и отведет его назад к астероиду. Они ничего не могут поделать. Все, что ему остается — как можно дольше защищать Нону. Скоро Медсовет начнет копать в ее мозгах. Доччи надеялся, что они узнают, что хотят, без особых усилий. Ради Ноны надеялся, что узнают.

6

Точно рассчитав скорость корабля, створки внешней оболочки распахнулись, пропуская ракету, и захлопнулись, прежде чем она достигла внутренней мембраны. Последняя тоже широко раскрылась перед ними и быстро закрылась, как ловушка с угодившей в нее добычей. Джордан установил ручки приборов в нейтральное положение и свесил руки, бормоча что-то себе под нос. Ракета опустилась на стартовый стол, покрывающий посадочную яму, и замерла. С возвращением.

— Улыбнитесь, — беспечно сказал Кэмерон. — Вы же не заключенные.

Безучастной оставалась только Нона. Доччи уже несколько часов молчал, и лицо его не озарилось свечени-

ем. Анти в отсеке не было; она снова плавала в своем бассейне. Возвращение в гравитационное поле астероида сделало это необходимым.

Корабль слегка поскрипывал; они выполнили приземление. Джордан машинально повернул рукоять, нажал на выключатель. Пассажирский трап и грузовая аппарель вывалились наружу.

— Идемте, — позвал Кэмерон. — Думаю, нас ожидает торжественная встреча.

Но даже доктор удивился тому, что увидел. В маленьком ракетном куполе разместилось больше кораблей, чем обычно прилетает за год. Повсюду царила неразбериха, сопутствующая появлению военных. По обе стороны от трапа выстроилась вооруженная охрана, а в отдалении перемещались пехотные взводы. Даже забавным казалось, насколько опасными их посчитал Медсовет.

Возле самого конца трапа установили большой телеэкран. Если размер что-то значил, то случай действительно считался выдающимся. С экрана доброжелательно смотрело огромное лицо медсоветника Тортонна.

— Хорошая работа, доктор Кэмерон, — произнес медсоветник, когда вышедшие из корабля спустились по трапу. — Мы очень удивились бегству наших пациентов и совпавшему с ним вашему исчезновению. Насколько мы могли понять, вы намеренно последовали за ними. Великолепный пример быстрого мышления, доктор. Вы заслуживаете признания.

— Я посчитал себя виновным в том, что они зашли так далеко, и должен был попытаться их остановить.

— Несомненно, здесь присутствовала ваша вина. Но вы ее искупили, да, искупили. Сожалею, что не могу поздравить вас лично, но я очень скоро прибуду. — Медсоветник выдержал рассчитанную паузу. — Поначалу посыпались очень, очень неприятные отзывы. Мы сочли невозможным утаивать случившееся. Конечно, трансляция сделала невозможным любое замалчивание. К счастью, случилось открытие, касающееся гравитационной тяги. И очень кстати. Когда мы о нем объявили, общественное мнение начало склоняться в нашу пользу. Не побоюсь этого слова, конечный результат превзошел все ожидания.

— Очень надеюсь на это, — сказал Кэмерон. — Мне не хочется, чтобы они пострадали. Наши пациенты так уязвимы, в особенности Нона, учитывая ее значение. Я тут подумал о том, какой подход к ней следует использовать...

— Уверен, вы о многом подумали. — Медсоветник еле заметно улыбнулся. — Не позволяйте эмоциям захватить вас. В должное время мы о ней поговорим. А теперь проследите, чтобы ее и остальных инвалидов вернули на их обычные места. И сейчас же приведите Доччи в ваш кабинет. С ним состоится приватный разговор.

Требование Кэмерону показалось странным, внутренне он засомневался.

— Погодите. Вы уверены, что хотите говорить с Доччи? Он инженер, но...

— Никаких возражений, доктор, — жестко прервал его Тортон. — Его ждут влиятельные люди. Не портите хорошее впечатление, которое вы произвели на них. — Экран погрузился в темноту.

— Думаю, вы слышали, что он сказал. — Стоявший рядом офицер говорил очень вежливо, притом что на его погонах красовались три планеты.

— Слышал, — раздраженно бросил Кэмерон. — Я не собирался спорить с начальством, но раз уж отвечаю за этот астероид, то требую выделить охрану для девушки.

— Значит, вы здесь главный? — протянул офицер. — А у меня такое странное чувство, что командую на астероиде я. У меня приказ заместить вас вплоть до дальнейших распоряжений. А я их еще не получал. — Он посмотрел на своих подчиненных и поманил одного пальцем. — Лейтенант, проследите, чтобы этот малыш — кажется, его имя Джордан — был доставлен в главный купол. И можете сопроводить хорошенькую леди в ее комнату, или где она там живет. И никаких фамильярностей, если только она сама этого не позволит. — Он снисходительно улыбнулся Кэмерону. — Чем еще я могу угодить своему коллеге-начальнику?

Доктор посмотрел на вооруженных охранников. Как-то, они повсюду, в элегантных мундирах, в состоянии боевой готовности. У тех, что стояли поближе и слышали весь разговор, лица ничего не выражали. Их отлично вышколили.

— Больше ничего, генерал, — невозмутимо ответил Кэмерон. — Держите девушку в поле зрения. Ответственность ложится на вас.

— Так и есть, — любезно согласился офицер, подмигнув лейтенанту. — Идемте.

В кабинете Кэмерона с экрана нетерпеливо смотрел медсоветник Торнтон. Похоже, он перебрал различные

линии поведения и остановился на грубоватой небрежности весьма занятого высокопоставленного чиновника.

— Мы прилетим часа через два, — сразу же заговорил он. — Я имею в виду высших членов правительства, ученых и ведущих промышленников. Их время дорого стоит, поэтому давайте поговорим про дело с гравитацией.

Тут он заметил офицера.

— Генерал Джадд, здесь технический вопрос. Думаю, вам будет неинтересно.

— Очень хорошо, сэр. Я посторожу снаружи.

Пока за генералом не закрылась дверь, медсоветник хранил молчание.

— Присаживайтесь, Доччи, — с неожиданной заботой в голосе предложил он и выдержал паузу, чтобы увидеть произведенный эффект. — Сочувствую вам. До цели оставалось рукой подать, но вы возвратились сюда. Что ж, понимаю ваши чувства. Но раз уж вы вернулись, думаю, мы сумеем кое-что для вас сделать.

Доччи уставился на экран. На его щеке начала пульсировать световая точка, и вдруг все лицо озарилось ярким свечением.

— Наверное, сумеете, — небрежно ответил он. — Но что насчет обвинения в краже? Мы украли корабль.

— Формальность, — с подкупающей простотой отмахнулся медсоветник. — С таким активом, как открытие — или переоткрытие — гравитационной тяги никто и не вспомнит про ветхий корабль. Как еще вы могли проверить свои догадки? Только совершив настоящий полет.

Пытаясь в чем-то убедить Доччи, медсоветник перешел на доверительный тон.

— Не стану вас обманывать, в медицинском смысле мы не сможем сделать для вас больше, чем уже сделано. Однако вы окажетесь в центре более адекватной социальной жизни. Друзья, работа, все, что захотите. Естественно, взамен мы рассчитываем на сотрудничество.

— Подождите, — воскликнул Кэмерон, выходя вперед и останавливаясь прямо перед экраном. — Кажется, вы не понимаете, что роль Дочки...

— Не перебивайте, — осадил доктора Тортон. — Я хочу достичь соглашения прямо сейчас. Для нас очень важно показать прибывающим на астероид выдающимся гражданам, как хорошо мы заботимся о пациентах. А теперь главное, Дочки: какой объем информации вы успеете изложить в письменном виде, прежде чем мы прилетим?

— Он ничего не может изложить! — Кэмерон перешел на крик. — Я же и пытаюсь сказать вам, что он не знает...

— Осторожнее! — вскрикнул Тортон, но было поздно.

Колени у Кэмерона подогнулись, и он, взыв от боли, схватился за них руками. Дочки ударил еще раз, и доктор упал. Следующий жестокий удар ногой Дочки нанес по затылку Кэмерона. Изо рта у доктора потекла кровь, и он даже не пробовал подняться.

— Дочки! — заверещал Тортон, но ответа не дождался.

Бросившись к двери, Дочки ударом распахнул ее. Генерал стоял, прислонившись к стене и рассеянно поглядывая по сторонам. Нагнув голову, Дочки врезался ему в живот. Лучевой пистолет вояки сорвался с ремня и упал на пол. Через секунду Дочки наступил на ору-

жие, налегая весом всего тела, после чего пустился наутек.

Генерал поднялся, нашаривая пистолет. Он прицелился в удалявшуюся фигурку и нажал на курок, но понял, что оружие неисправно. Поднеся пистолет к глазам, Джадд быстро осмотрел поврежденный механизм, выругался и сунул оружие в карман мундира.

Из кабинета Кэмерона доносились сдавленные крики ярости. Генерал кинулся туда.

С экрана на него смотрел разгневанный медсоветник.

— Вижу, вы его упустили.

Растерянный офицер принялся оправлять мундир.

— Простите, сэр. Не думал, что он такой прыткий. Я немедленно подниму охрану.

— Теперь не имеет значения. Приведите в чувство этого человека.

Генерал не привык заниматься реанимацией; это не входило в его профессиональные обязанности. Тем не менее, через несколько минут Кэмерон пришел в себя, хотя и выглядел несколько обалдевшим.

— Итак, доктор, кто же разобрался с гравитационной тягой, если не Дочки?

Кэмерон пьяно покачал головой.

— Как легко впасть в заблуждение, — простонал он. — Тяга начала работать, хотя никто не отдавал никакой команды. Как, почему, кто это сделал? Главный вопрос — кто? Конечно, не я. Я доктор, а не физик. И не Джордан; он в лучшем случае механик. Значит, остается Дочки, потому что он инженер. — Замолчав, доктор вытер кровь со щеки.

— Скажите, ради Бога, но это же не... — заговорил Тортон.

— Нет, — ответил Кэмерон со спокойным удовлетворением в голосе. — И не Анти. А та, о которой могли подумать в последнюю очередь. Маленькая глухонемая девушка, на которую психологи давно махнули рукой.

— Нона? — спросил Тортон. В его голосе звучало недоверие.

— Я вам говорил, — напомнил Кэмерон и принялся излагать все в деталях.

— Понятно. Такой возможности мы не разглядели, — мрачно заключил медсоветник. — Не технический генний инженера. Вместо него — необычайные телепатические способности девушки. Это переводит проблему совсем в другую плоскость.

— Все не так уж сложно. — Кэмерон потер шишку на затылке. Волосы слиплись от крови. — Она не сумеет рассказать, как это делает. Придется выяснять экспериментальным путем, но это не опасно. Служба слежения может постоянно контролировать полет на тяге.

Откинувшись на спинку кресла, медсоветник истерически захохотал.

— Служба слежения? Она ни на что не годна. Мы пробовали. На долю секунды показалось, что она взяла установку под контроль, как бывало с другими кораблями. Но их генератор сразу же отказался подчиняться. Мы думали, Дочки нашел способ отсоединить контрольный контур.

— Но распоряжение компьютеру исходило не от него.

— Тогда мы считали, что все это вытворяет Дочки, — устало проворчал медсоветник. — Он казался самым

здравомыслящим, вот и все. У благоразумного человека оставался бы единственный выход — вернуться и воспользоваться преимуществами, которые дает его открытие. — Тортон раздраженно покачал головой. — Вот зачем девушка вернулась — это меня сильно беспокоит.

— Вы думаете... — начал Кэмерон и тут же испугался собственной догадки.

— Да, клянусь Богом, думаю. — Медсоветник ударил по столу кулаком. — Дочти знает, зачем. Он присутствовал в этой комнате, и мы сами рассказали ему. И скрылся, как только узнал.

Казалось, Тортоном сейчас овладеет паника, но он справился с ней почти сразу — сказала привычка принимать трудные решения.

— Она могла увести корабль, куда захочет, и мы не сумели бы остановить ее. Если она вернулась добровольно, то очевидно, что ее цель — астероид.

Медсоветник приблизил лицо к экрану, словно хотел вылезти из него.

— Вы об этом не задумывались, генерал? Гравитационные генераторы отличаются друг от друга только размерами и мощностью. То, что она сделала с кораблем, может с легкостью проделать и здесь, на астероиде.

— Не беспокойтесь, — ответил перепуганный офицер. — Я ее доставлю. Я найду девушку и Дочти тоже.

— Забудьте о нем, — рявкнул медсоветник. — Схватите Нону сейчас же, не откладывая. Мне все равно, как вы это сделаете.

Но время для выполнения этого приказа было упущено. Гигантский купол над их головами вздрогнул и заскрипел бесчисленными соединениями. Он испытал

внезапную перегрузку, хотя конструкция выдержала. Маленький мир завибрировал, застонал и заворчал, собираясь покинуть орбиту, на которой он дремал слишком долго. Все пришло в движение — астероид отправлялся в путешествие.

7

Доччи смотрел на приближавшиеся к нему неясные бесформенные тени. Они шли, если могли, или ползли — фантастические и полужантасические существа собирались на сходку. Огромные и маленькие, на своих или на чужих ногах, с руками и без них, некоторые даже без лиц. Новости распространялись быстро — устно или через записки, жестами, знаками, чтением по губам, всеми возможными способами человеческой коммуникации, и не последним из них являлось смутное ощущение: что-то происходит, и об этом стоит знать. Обитатели «Небес инвалидов» почуяли что-то чрезвычайное.

— Помните, пройдут часы, а может быть, и дни, прежде чем мы окажемся в безопасности, — говорил Доччи. Он уже охрип, но не замечал этого. — От нас зависит, хватит ли Ноне времени.

— Где она прячется? — спросили из толпы.

— Не знаю, а если бы и знал, не сказал. Они могут выведать это у вас. Сейчас наша единственная задача — не позволить им найти Нону.

— Как? — задал вопрос кто-то из передних рядов. — Ты хочешь, чтобы мы сражались с охранниками?

— Не напрямую, — пояснил Доччи. — для этого у нас нет ни оружия, ни боеприпасов. А у многих из нас нет рук. Все, на что мы способны — мешать поискам. Пока никто не придумает что-то получше, предлагаю свой план. Мне нужны все мужчины, пожилые женщины и те молодые, которые не подходят по определенным причинам — я их сейчас изложу. Охранники появятся не раньше, чем через полчаса — потребуется время, чтобы собрать их и отдать приказы. Когда они нагрянут, первая группа должна всеми способами вмешиваться в поиски. Как вы это сделаете — оставляю на ваше усмотрение. Взывайте к их состраданию, если оно имеется. Ставьте себя в опасные ситуации. Им известны законы этики, и поначалу они проявят склонность к оказанию помощи. А вы между тем пробуйте стащить у них оружие. Избегайте физического насилия, сколько можете. Нам не нужны их ответные меры — в этом деле военные поднаторели лучше нас. Выжмите все, что возможно, из этой фазы сопротивления. Она долго не протянется.

Доччи помолчал, обводя взглядом толпу.

— Каждый из вас пусть сам решает, когда перейти от пассивного противодействия к настоящей борьбе. Опять же, вы можете придумать что-то свое, отличное от того, о чем я тут говорил. Вот вам несколько предложений. Старайтесь вывести из строя освещение, сканеры и вентиляцию. Им придется заняться ремонтом. Возможно, они даже выставят охрану в стратегических точках. Тем лучше для нас — часть охранников будет отвлечена.

— Что насчет меня? — донесся женский голос откуда-то сзади. — Чем я могу помочь?

— Ты понадобишься в самый трудный момент, — пообещал Доччи. — Джерианн здесь?

Джерианн пробилась сквозь толпу к Доччи. Тот оглядел ее. Раньше он часто видел Джерианн мельком, но вблизи — никогда. С трудом верилось, что ее место здесь, с инвалидами.

— Внешне Джерианн нормальная симпатичная женщина, — заявил Доччи. — Но у нее отсутствует пищеварительная система. Без пищевой и жидкостной абсорбции она может прожить всего десять часов. Поэтому она здесь, с нами, а не на Земле.

Доччи осмотрел толпу.

— Я надеюсь на чудо. Есть среди вас косметолог или человек, способный сойти за него? Подойдите сюда.

Из толпы выдвинулась безногая женщина. Доччи долго о чем-то разговаривал с ней. Поначалу женщина испугалась и принялась отказываться, но, в конце концов, согласилась. Под ее умелыми пальцами Джерианн преобразилась. Когда она повернулась к толпе, все увидели, что девушка перестала быть собой, а превратилась в Нону.

— С этим гримом Джерианн сможет долго водить их за нос и станет первой Ноной, которую охранники поймают, — объяснил Доччи. — Думаю — и надеюсь, — что они на несколько часов прекратят поиски, схватив Джерианн. Естественно, военные поймут, что это не Нона, потому что Джерианн не сможет остановить действие гравитационной тяги. По отпечаткам пальцев или с помощью рентгеновского аппарата они сразу опреде-

лили бы это, но будучи уверенными, что к ним в руки попала именно Нона, не сообразят провести идентификацию. Ноне, как вы все знаете, бессмысленно задавать вопросы, а Джерианн сделает все возможное, чтобы имитировать глухонемую.

— Когда военные поймут, что вместо Ноны схватили Джерианн, то перестанут вести себя тактично. Охранники могут и избить девушек, выдающих себя за Нону, особенно если решат, что это поможет найти ее. Не поможет, конечно, но вся эта возня сама по себе станет тормозить поиски.

Никто не шевелился. Женщины в толпе стояли, не двигаясь, и с молчаливой опаской посматривали друг на друга. Джордан решил их подстегнуть. Он покрутил головой, скривился и мрачно предложил:

— Давайте, наконец, займемся делом.

— Погоди, — сказал Доччи. — У меня всего одна Нона. Нужны еще добровольцы, по крайней мере, человек пятьдесят. Не имеет значения, целые у них тела или нет — мы возьмем пластиковые материалы из лаборатории. Если вы ростом примерно с Нону, можете ходить и у вас имеется хотя бы одна рука, выступите вперед.

Медленно, по одной, по двое-трое женщины начали выдвигаться к платформе. Их оказалось не так уж много — тех, кому не требовался серьезный камуфляж. Но Доччи возлагал надежды именно на них.

С остальными Джордан двинулся прочь, посматривая на Доччи, не подаст ли тот какой-нибудь знак. Но дополнительных указаний не получил и велел прибавить шаг. На этих людей он мог положиться. Коллективная изобретательность должна дать результат.

Дочки наблюдал за массовым производством индивидуальностей. Несовершенные в каждом отдельном случае, в целом они вполне годились. Он критически осматривал каждую женщину, предлагал добавить штрих-другой, чтобы усилить сходство.

— Ни говорить, ни слышать она не может, — напоминал он двойникам. — Держите в памяти, что бы с вами не делали. Не зовите на помощь, все равно мы не придем. Прячьтесь в труднодоступных местах. Когда поймают Джерианн и остановят, а потом возобновят поиски, позволяйте им обнаруживать вас — по одной зараз. Связи у нас с вами не будет, поэтому старайтесь угадать, когда можно выдать себя. Ориентируйтесь на суматоху и всплески активности. Они будут означать, что охранники в очередной раз поняли, что схватили не ту Нону. Каждый отвлеченный от поисков охранник — ваш вклад в общее дело. Или они найдут Нону, или им придется убираться с астероида.

Косметолог, работавшая, не покладая рук, подняла взгляд.

— Убираться? Почему?

Дочки думал, что уже всем рассказал. Он решил, что женщина, должно быть, пришла позже остальных. И с удовольствием произнес:

— «Небеса инвалидов» покидают Солнечную систему.

Пальцы ее порхали, формируя нежный овал щеки там, где его раньше не было. Потом она наложила пластиковые губы — неотличимые от настоящих, о которых ее клиентка могла только мечтать.

Очень скоро Нона пряталась уже в полусотне мест.

И еще в одном.

Орбита Нептуна осталась далеко позади, но астероид продолжал набирать скорость. Два гигантских гравитационных генератора напрягали все силы в коре и возле его ядра. Третий создавал аномально высокую силу тяжести на населенном участке изолированного мирка. Продолжительные физические нагрузки затрудняли поиски и делали движения охранников неуклюжими. Они не могли вести себя более активно. Часы слились в день, день подходил к концу, а генераторы работали без перебоев. И, похоже, не собирались останавливаться.

— Вы все точно рассчитали? Ответственность ложится на вас, — с усмешкой поинтересовался Доччи. — Вы разделяете скорость, с которой мы удаляемся от Солнца. Чтобы вернуться, придется превысить ее. Если опоздаете, можете вообще не достичь Земли.

Внешне генерал сохранял спокойствие и игнорировал слова Доччи, но на его скулах играли желваки.

— Если бы мы только могли отключить эту проклятую тягу...

— Мы пытались это сделать, — напомнил Фогель.

— Знаю. Но если бы мы могли ее отключить без этой девчонки...

Инженер недовольно пожал плечами.

— Давайте. Попробуйте. Не хотелось бы мне находиться здесь в тот момент. Легко сказать — пара гравитационных генераторов. Не забывайте, там порядочный запас ядерного топлива.

— Помню, помню, — сердито проворчал генерал. — Не стоит связываться с чертовым атомом. Ничего не поделаешь, установки слишком чувствительны. — Он

посмотрел в черноту над их головами. — С другой стороны, можно взлететь и разнести эту скалу, выстрелив с безопасной дистанции.

— И оставить всякую надежду найти ее? — напомнил Дочки.

— Мы все равно ее потеряем, — злобно произнес Фогель.

— Вы не видите перспективы. Все не так уж плохо, — утешил Дочки. — Теперь, когда вы знаете, в чем проблема, можете построить другие компьютеры и на этот раз снабдить их вспомогательными чувствами. Или, скажем, заложить в них знания по элементарной астрономии.

— Как это я сам не догадался? — язвительно спросил Фогель. — Я вам больше не нужен, генерал? Если нет, пойду к своему кораблю. — Генерал рыкнул что-то в ответ, и инженер ушел, пошатываясь под собственным весом.

— Есть и другое решение, о котором вы, возможно, пока не догадались, — осторожно сказал Дочки. — Мне не верится, что Нона уникальна. Должны быть другие, похожие на нее, так называемые «прирожденные механики», обладающие столь глубоким пониманием техники, что она уже становится новой формой интеллекта, о которой мы раньше не подозревали. Поищите хорошенько и найдете их — возможно, в самых несимпатичных и непривлекательных телах. — Не подавая вида, Дочки внутренне смеялся. Он весьма эффективно изматывал и изводил противника. Иногда надежда играет роль деморализующего фактора.

— Если бы вы признались, что знаете, где она... — устало прорычал генерал Джадд.

Дочки напрягся, лицо его непроизвольно вспыхнуло.

— Оставьте этот тон, генерал, — недовольно сказал Кэмерон. — Они в любом случае оказали бы сопротивление. Дочки всего лишь сделал его более эффективным.

Озабоченно хмурясь, доктор продолжил:

— Ведь ясно же, чем он занимается в данный момент. Ему даже не требуется подавлять наш боевой дух — он и так коллапсировал. Ума не приложу, что мы еще можем сделать. — Кэмерон жалел, что медсоветник не высадился на астероиде: ему требовались инструкции. Он сам не до конца понимал отведенную ему роль и все думал, думал... С этим надо было кончать. Конечно, корабль с медсоветником не станет опускаться здесь: на борту слишком много важных персон, их нельзя подвергать риску удаления из Солнечной системы. Но Тор-тон мог бы уделить ему, Кэмерону, несколько минут, и он знал бы, как поступить.

Солнце висело высоко в центре купола. Солнце? Нет, теперь оно походило на очень яркую звезду. Теней не отбрасывало — с этим хорошо справлялись лампы освещения купола. Они постоянно то гасли, то снова вспыхивали. И всякий раз генерал монотонно бубнил себе под нос проклятия, пока они не загорались вновь.

Появился охранник с очередной женщиной; он опасно шел позади нее. Приблизившись, солдат небрежно отдал честь.

— Думаю, я ее нашел, сэр.

Кэмерон взглянул на девушку.

— Я так не считаю. И мне кажется, вы допустили непозволительную грубость.

Солдат дерзко хмыкнул.

— Приказ, сэр.

— Чей приказ?

— Ваш, сэр. Вы говорили, что она не может разговаривать и издавать какие-либо звуки. Так легче всего проверить. Она ни слова не вымолвила.

Кэмерон повернулся к генералу, но поддержки не получил. Джадд хмурился и проявлял полное равнодушие к проступку охранника.

Щелчком раскрыв острый скальпель, доктор всадил его в бедро девушки. Она перевела на него заплаканные глаза, но ни один мускул не дрогнул на лице пленницы.

— Любому дураку понятно — пластиковая ткань, — сурово произнес Кэмерон. Он почувствовал, как внутри закипает злость.

Охранник смотрел, кривя губы.

— Отпустите ее, — бросил доктор.

Девушка бросилась прочь. Скованно отсалютовав, охранник вытер ладони о мундир. Сейчас пойдет мыть руки, потому что дотрагивался до нее, устало подумал Кэмерон.

— У меня есть требование, — заявил Доччи.

— Конечно-конечно, — ехидно отозвался генерал. — Мы готовы предоставить все, что угодно. Если не имеем в наличии, просто назовите. Вышлем, получите.

— Это в ваших силах. — Доччи широко улыбнулся. — Вы улетите очень скоро и без Ноны. Не забирайте все корабли. Они вам не нужны, а нам понадобятся, когда достигнем другой системы.

Генерал раскрыл рот, но не нашел слов от возмущения. Спорить было бесполезно, поэтому он промолчал.

— Не говорите слов, о которых потом пожалеете, — посоветовал Дочки. — Что вы доложите, когда вернетесь? Скажете начальству, что покинули астероид, когда еще оставалась возможность продолжать поиски? А может, им больше понравится версия срочной эвакуации в самую последнюю минуту с быстрым сбором людей и оставлением нескольких ракет на произвол судьбы? Подумайте над этим. В конце концов, я пекусь о ваших же интересах.

Генерал с трудом сглотнул. Его лицо побагровело, потом стало совершенно бледным. Он молча зашагал прочь. Кэмерон посмотрел в спину отступающего офицера и через несколько минут последовал за ним. Но шел он медленнее, и дистанция между доктором и генералом все увеличивалась. Дочки понял, что победа близка, и не стал наблюдать, куда каждый из них направился. Он почувствовал, что можно расслабиться.

Последняя ракета растворилась в небе, оставив яркий след, а вскоре и его поглотила тьма. Солнце стало просто яркой звездой среди многих, подобных ей, и уже трудно было угадать, которая из звезд родная. Сам астероид, казалось, преобразился — стал более простым и не таким унылым. По общепонятной причине он окончательно превратился в самодостаточный миниатюрный мир.

— Думаю, выжить мы сумеем, — говорил Дочки. — У нас есть источники энергии, запасы кислорода можно возмещать. Придется выращивать и синтезировать пи-

щу, но первоначально это место так и задумывалось. Надо будет потрудиться, чтобы наладить производство, все привести в исправное состояние, но мы же всегда мечтали о чем-то большем, нежели бессмысленное прозябание.

Они сидели возле бассейна, вернувшегося на прежнее место. Искусственный ветерок шелестел в листьях дерева, а траву вокруг смяли и вытоптали охранники. Теперь, после прокатившейся волны насилия, здесь чувствовалось особенное умиротворение. Все кончилось и больше никогда не вернется.

Джордан прислонился спиной к стволу.

— Придумаем какой-нибудь способ вызволить Анти из этого бака, — сказал он. — Когда Нона вернется, попробуем организовать участок с нулевой гравитацией, чтобы Анти чувствовала себя более комфортно. И, конечно, продолжим лечение холодом.

— Я могу и подождать, — откликнулась Анти. — Я так долго ждала.

Дочки огляделся вокруг; глаза его следовали за разумом, а тот непрерывно прикидывал и искал.

— Теперь беспокоиться не о чем, — сказала Анти. — Охранники вели себя грубо с некоторыми девушками, но пластик не чувствует боли, и они почти не пострадали. А что касается Ноны — что ж, она способна позаботиться не только о себе, но и обо всех нас.

Анти говорила правду. Нона выглядела хрупким, почти эфемерным созданием, но отнюдь такой не была. Ее осознание начиналось там, где у обычных людей оно заканчивалось. Никто не знал границ ее восприятия, и меньше всех — она сама. Это и беспокоило Дочки.

— Думаю, пора идти искать, — сказал он. — В самый последний момент какой-нибудь вспыльчивый охранник, понятия не имеющий, кто она такая, мог... — У него не хватило духа до конца озвучить пугающую мысль.

— Прислушайся, — посоветовала Анти. Астероид про- низывала вибрация — ее скорее можно было почувствовать, чем услышать. — Раз гравитационная тяга работает, какие тут сомнения?

Умом он это понимал. Но девушка только инициировала процесс; теперь компьютер знает о структуре вселенной, и нет оснований полагать, что он не способен функционировать самостоятельно. Он создан для выполнения таких заданий. Да, компьютер не обладает волей, но это распространяется и на остановку генераторов.

— Возможно, я сумею тебя наконец убедить, — сказал Джордан. — Для начала обернись.

Дочки вскочил на ноги. В их сторону шла Нона, свежая и отдохнувшая. Пятно грязи говорило о том, что она не смогла пройти мимо какого-то механизма и обследовала его. Любопытство ее не знало границ, и даже самая примитивная техника вызывала у нее интерес.

Не рассчитывая на ответ, Дочки спросил:

— Ты где была?

Нона улыбнулась, и на секунду Дочки показалось, что она поняла вопрос. Узнав, что она цела, Дочки почувствовал облегчение — и больше ничего. Не такой реакции он ожидал от себя. Что-то ушло, и Дочки не знал, куда. Раньше он думал, что... Но теперь больше так не думает. Может быть, это следствие свободы, которой они добились.

Джордан вопросительно смотрел на него; казалось, он проникает под покров, за которым Доччи скрывал свои эмоции.

— Все не так плохо, как тебе кажется. Кое в чем она разобралась. В машинах.

Но он же не машина. Он даже не совсем человек. Может, в этом вся проблема.

— Нона прирожденный механик, каких раньше не существовало. Пришло время появиться такому среди людей. Мы достаточно долго имеем дело с машинами, чтобы произвести, наконец, индивида, способного понимать их без предварительного обучения и подготовки. Я сам отчасти такой. Но до нее мне далеко.

Они все это понимали. Возможно, пришла пора и на Земле пересмотреть интеллектуальные рейтинги.

— Только это не решает нашей, вернее, ее проблемы.

Джордан помолчал.

— Ясности почти не прибавилось, но теперь мы знаем точно: она умеет думать.

— Мы всегда знали, — подала голос Анти.

— Конечно, знали. Но доктора и психологи так не думали, хотя именно они исследовали Нону. Теперь это предстоит нам.

Однако существовал один нюанс. Раньше они считались пациентами, и что бы инвалиды ни думали о методах обследования и лечения, мнение пациентов традиционно не учитывалось. Теперь они заняли двойственное положение — пациентов и врачей, объектов исследования и исследователей; они стали и глазом, смотревшим в микроскоп, и препаратом на предметном стекле.

Все они прошли медицинскую подготовку — правда, через вторые руки. Продолжительное общение с врачами и другими пациентами снабдило их кое-какими знаниями. Каждый знал свое тело гораздо лучше, чем обычный нормальный человек. И эти знания, пусть и субъективные, можно было объединить. Кроме того, в их распоряжении, к счастью, находился прекрасно оборудованный госпиталь.

— Ноной придется заняться, — заговорил Джордан. — Куда мы направляемся? Она знает, а мы нет. Должен существовать способ узнать это.

Прежде это не имело значения — всем хватало того, что удалось улететь. Но как только цель была достигнута, откуда ни возьмись стали появляться новые проблемы.

— Что ты предлагаешь? — спросил Доччи.

— Осциллограф, — с победным видом заявил Джордан.

— Бесполезно. — Доччи покачал головой. — Она достаточно часто оказывалась рядом с осциллографами и не проявила к ним никакого интереса — значит, ничего не почувствовала.

— А может, она сумеет по-настоящему писать, прямо на экране.

— Нона осталась той же, и ее интересы, я думаю, не изменились. Насколько нам известно, она не использует слова, мыслит механическими категориями. Гравитационный компьютер оказался первой достаточно сложной машиной, заинтересовавшей ее.

— Но ведь Нона всегда находилась рядом с компьютерами.

— Это не так. Она попала сюда годы назад, и хотя на доставившем ее корабле имелся компьютер, Нона была еще мала, чтобы использовать его. С тех пор ее содержали вдали от главных компьютеров, как и нас.

Джордан задумчиво раскачивался, опираясь на руки.

— Так она научилась всему, проведя с нами несколько часов на корабле?

— Несколько дней, — поправил Дочки. — Да. Это была ее единственная возможность. Она постигла странный язык, тот код, который сложный компьютер использовал внутри себя: включение, остановка; действие, бездействие; электронный поток данных; магнитная память, прокручивающаяся вперед и назад. Она постоянно слышала скрип тех стальных извилин, из которых состоял мозг вычислительной машины. Возможно, только компьютер мог ответить ей взаимопониманием. И все же Нона оставалась созданием из плоти, костей, желез, нервов и крови, текущей по венам в соответствие с непреложными и непостижимыми законами жизни.

Анти нетерпеливо плеснулась в своем бассейне. Кислотная волна перекатилась через край и упала на траву, тут же съежившуюся и почерневшую.

— Я сказала, что могу подождать, но не говорила, что ждать мне нравится. Почему бы вам двоим не заняться делом?

— Я раздумывал, с чего начать, — ответил Джордан. Он забрался на ремонтного робота, которого оставил себе. Кому-то это транспортное средство могло показаться неудобным, но Джордану годилось в самый раз.

Дочки поднялся на ноги; для него не существовало вопроса, с чего начинать. За что ни хватись, все надо

начинать заново. В борьбе за свободу, в сопротивлении, оказанном охранникам, об этом как-то не думалось. Им придется многое пересмотреть, переориентироваться и изменить взгляды. Возможно, это самая сложная из задач, стоящих перед ними.

— Доброго пути, — крикнула Анти им вслед. Дочки оглянулись. Картинка казалась незабываемой: бассейн с Анти и Нона, сидящая словно в оцепенении под деревом. Одна временами ведет себя инертно, но творит чудеса, внешне не прилагая усилий. Другая исполнена неумного желания жить, но вряд ли когда-нибудь встанет на собственные ноги.

Дочки спешил за Джорданом, стараясь не отставать. Он прибавлял шаг, но разрыв между ними увеличивался. Немного времени спустя пошел медленнее, на ходу стараясь оценить ущерб, причиненный охранниками и сейчас представший перед его глазами.

Судя по внешнему виду, разорили они многое, но почти ничего не уничтожили. Придется подремонтировать технику и частично разобранные постройки. Незначительность повреждений объяснялось тем, что генерал до последнего надеялся отыскать Нону и удержать астероид. Если бы это удалось, за бессмысленные разрушения пришлось бы отвечать. Можно сказать, им повезло, потому что охранники почти не причинили ущерба.

И все же их ожидают трудности. Они ожидали бы и здоровых людей, до которых инвалидам далеко. Экипировкой для экспедиции подобного рода они не располагают. Придется каким-то образом изобретать то, чего не хватает. Свет, тепло и функционирование энер-

гетических установок обеспечивались автоматически. Запасы кислорода астероид способен восполнять почти самостоятельно. А вот с менее значимыми вещами возникнут проблемы. Какая-то часть продуктов питания на астероид всегда завозилась, но теперь поставок не будет. Их требуется заменить. Теперь, когда у них есть величайшее из благ — свобода делать то, что им хочется, можно обойтись без роскошеств.

Дочти сам был неплохим инженером, а способности Ноны вообще трудно переоценить. Они сумеют из ненужного оборудования создать то, что им требуется. Из двух разобранных ронов и ремонтного робота они построят невиданную ранее машину, которая решит продуктовую проблему, станет пополнять запасы воздуха или обнаруживать метеориты — все, что угодно, надо только подумать.

Джордан рискованно свесился с робота, на котором скакал.

— А где все? — крикнул он.

— Наверное, спят, — предположил Дочти.

— Спят, когда столько дел?

Возобладала привычка. Механизмы астероида продолжали функционировать так, как их настроили. Освещение в куполе говорило о том, что наступила ночь, и все отправились спать. Но теперь их жизнью управляют не часы, дни и недели, а одна лишь необходимость.

— Мы это изменим, — сказал Дочти. — Почти со всеми из нас обращались как с инвалидами, и мы в это поверили. Разделимся на группы, и с этого момента кто-нибудь будет бодрствовать, работая или наблюдая, или то и другое вместе.

Понятно было, что он имеет в виду. Космос пуст, но до какой степени? Район возле Солнца достаточно исследован, но что лежит за ним? Между Солнцем и Альфой Центавра могут встретиться такие массы вещества, которые раздавят астероид. Надо принять меры предосторожности.

Словно желая компенсировать чужое бездействие, Джордан погнал машину вперед. Внезапно он остановился, поджидая Дочки. Глядя вниз, Джордан заявил:

— Вот одна из любительниц поспать. Если только с ней ничего...

Дочки посмотрел на лежавшую. То была одна из Нон, еще не успевшая удалить макияж. Косметолог сделала свою работу добросовестно, и Дочки не мог определить, кто эта женщина. Ее сходство с Ноной казалось пугающим. Тело свернулось в неудобном положении; становилось понятно, что здесь она оказалась не случайно.

Спустившись с робота, Джордан пощупал у нее пульс.

— Бьется, — сообщил он и внимательно осмотрел тело. — Ничего не видно, — сказал он, наконец. — Я подумал, это охранники сделали, но нет ни переломанных костей, ни, насколько я понимаю, внутренних повреждений. Ей требуется осмотр врача.

Дочки встревожился, лицо его засветилось. Теперь им предстояло обходиться без врачебной помощи. Эпидемий они не боялись: астероид находился в изоляции, их тела проявляли феноменальную устойчивость к заболеваниям, а имевшиеся в запасе антибиотики могли справиться с любой известной инфекцией. Но здесь они столкнулись с тем, чего не ожидали.

— Среди нас должны быть женщины, работавшие раньше медсестрами, — сказал Доччи. — Нам лучше найти их.

— Где? — проворчал Джордан. — Помощь ей нужна сейчас.

Он был прав; девушка ждать не могла. Трудность заключалась в том, что многие пациенты страдали особыми недугами. Лекарство, спасавшее одного, могло убить другого. Следовало установить личность девушки, прежде чем что-нибудь предпринимать. Нанесенный грим позволил им вырваться на свободу, но сейчас он мешал.

— Ты можешь удалить камуфляж? — спросил Доччи у друга.

— Без той вязкой гадости, которую они таскают в своих косметических наборах? Вряд ли. Я ей лицо до костей сотру.

Перевозка девушки без оказания первой помощи могла стать смертельно опасной; но как ее оказать, эту помощь? Сама она наверняка знала; каждый пациент астероида знал. Все они являлись экспертами по своим болезням и могли детально изложить предписания, диеты, физические упражнения и точный перечень того, что им надлежит делать для сохранения здоровья.

Джордан осторожно встряхнул девушку. Она не отреагировала. Тогда он встряхнул сильнее. Девушка пошевелилась, захлопала ресницами и что-то прошептала.

— Спроси, кто она, — велел Доччи, но это оказалось невозможно. У девушки уже кончились силы, и она опять потеряла сознание.

— Не отвечает, — беспомощно произнес Джордан. — Она прошептала одно слово — «пища». И все.

Пища. Дочки опустился на колени рядом с бесчувственным телом, чтобы проверить свою догадку. Вблизи он увидел, что кожа у нее необычайно гладкая и блестящая. Лицо, руки, ноги, даже ладони, а если снять одежду, то и там они увидят то же самое. Состояние кожи и упоминание пищи подсказали Дочки все, что требовалось знать. Перед ними лежала Джерианн, первая девушка, добровольно заменившая Нону — и первая пострадавшая.

Он достаточно точно мог представить себе, что случилось. Когда Кэмерон понял, кто она такая, ее посадили под стражу и оказали медицинскую помощь. Как только возобновились поиски, и охранников отослали, она сумела убежать и спрятаться. Но пряталась слишком долго и выбилась из сил, очевидно, пытаясь добраться до госпиталя.

Голодный обморок, вот и все, но в ее случае он мог иметь губительные последствия. Без пищеварительной системы Джерианн всегда находилась в двух шагах от голодной смерти.

— Поднимай ее. Джерианн это не повредит, — сказал Дочки. — И давай быстро в амбулаторию.

Джордан погрузил бесчувственную девушку на верхнюю панель ремонтного робота, обернул щупальцами и закрепил их, чтобы Джерианн не свалилась. Сам уселся рядом, нажал на пульт управления и включил повышенную скорость, выжимая все из импровизированной кареты скорой помощи.

Дочки не успел сильно отстать и появился в госпитале вскоре после Джордана с его пассажиркой. Амбулатория располагалась на первом этаже, так что робот подкатил прямо к двери. Джордан слез и взял Джерианн на руки.

В амбулатории на самом деле почти ничего не сломали. И это поражало, учитывая то, насколько тщательно охранники обыскивали женщин. Но некто с черным чувством юмора разбросал все медицинские препараты, и они валялись на полу в полном беспорядке. В сложившейся ситуации это оказалось даже хуже, чем переломанное оборудование.

Дочки посмотрел на этот хаос, потом на Джерианн, и лицо его исказилось.

— Оно должно быть где-то здесь, — сказал Джордан.
— Но как нам его быстро найти?

— Посмотри, есть на них надписи или символы.

Склонившись, Джордан начал быстро, но очень осторожно, перебирать лекарства. Они не знали, для чего предназначались эти препараты, но каждый являлся драгоценностью. Кто-то мог и должен был его употребить, и в конце концов они разобрались бы, кому что прописано.

— Никаких имен, — сообщил Джордан, продолжая искать.

Этого Дочки и боялся, но взял себе на заметку на будущее: на лекарствах должны быть имена, чтобы в случае такого вот беспорядка знать, кому они предназначены. Должно быть, в этом госпитале привыкли к расхлябанности.

— Как насчет символов? — быстро спросил он.

— Кажется, что-то есть. Не пойму, что они обозначают. — Тут Джордан просиял. — Можно посмотреть в папках с документами.

Дочки нагнулся. Он уже заметил, в каком состоянии документация.

— Без толку. Папки тоже повсюду разбросаны. — Со стороны охранников это было проявлением бессильной злобы, но не помогло им отыскать Нону.

Джордан перестал рыться в кучах бутылочек, капсул и склянок.

— Значит, нужно отправляться за помощью, — медленно произнес он. — Должен же кто-то знать, как выглядит то, что она принимает.

Он не мог сдаться просто так и приговорить девушку к смерти. А без оказания помощи уже через несколько минут ей грозила гибель. Существует грань, за которую тело не способно переступить, не получив серьезных или смертельно опасных повреждений. Когда друзья нашли девушку, она уже находилась подле этой грани. Дочки принялся лихорадочно перебирать все, что знал о Джерианн, и понял — знает совсем немного. Инвалидов насчитывалось около тысячи, знать подробности обо всех он не мог.

Во-первых, она никогда не пила и не ела. Все необходимое Джерианн получала медицинским путем. Поэтому кожа у нее такая чистая и ухоженная. Это не отражение внутреннего состояния организма, а необходимое условие способа введения питательных веществ. *Оно может подсказать, что делать.*

Какой-нибудь пациент мог бы понять все сразу. Но инвалиды отличались друг от друга, делились на груп-

пы и подгруппы с характерными недугами. Заболевания варьировались столь широко, что очень немногие могли знать о чужих нуждах. Джерианн в каком-то смысле была уникальна.

— Кажется, мы сумеем определить, что ей нужно. Ищи самые большие капсулы, — сказал Доччи.

— Понимаю, о чем ты думаешь, но это невозможно. — Джордан развел руками, показывая, насколько непосильна поставленная задача. — Она таким образом получает всю необходимую пищу и воду, значит, и упаковка должна быть самой большой. Но которая? Некоторые препараты действуют на протяжении недель. Они могут содержаться даже в больших капсулах, чем ее питание.

— Все проще, чем тебе кажется. Не знаю, что ей назначено, но она должна принимать это по крайней мере пять раз в день, и объем будет солидный. Не могут же ей вводить пищу путем инъекций — это слишком больно, да и неудобно.

— Капсулы поглощения, — объявил Джордан. — Почему бы не остановиться на них? Тогда наша задача упростится.

— Не будь таким уверенным. Их применяют и для других пациентов, — предупредил Доччи.

Джордан расчистил вокруг себя место и уже отбирал препараты. На первый взгляд могло показаться, что препараты абсорбции содержатся в обычных капсулах, но это оказалось не так. Они не имели правильной формы и на ощупь были мягкими, как человеческая плоть. Фактически, ею и являлись. При правильном применении препараты растворялись в теле пациента.

Далее, с одной стороны у них имелась тонкая пленка. После ее удаления открывшееся вещество прикладывали к коже, а потом уже только хирург мог его удалить.

Джордан с сомнением рассматривал отобранные им абсорбционные капсулы, лежавшие возле Джерианн.

— Какие же из них? — с досадой спросил он. — Выглядят все одинаково.

На самом деле капсулы слегка различались по форме и размеру, а человек, их применяющий, смог бы узнать свой препарат. Какой-нибудь пациент мог подсказать, что именно принимает Джерианн, потому что в подобных вопросах они наблюдательны. Но рядом никого из знакомых девушки не оказалось, и сожалеть об этом толку не было.

— Надо продолжать поиски, — вздохнул Джордан, разворачиваясь к груде лекарств, которую уже перебрал.

Все оказалось не так просто, как они рассчитывали, но об этом они могли заранее догадаться. Абсорбционные капсулы считались вещью дорогостоящей и трудоемкой в изготовлении, производили их в ограниченном количестве по мере необходимости. На астероиде, быть может, не было другой такой зависимой пациентки, как Джерианн, так что среди отобранных препаратов должна была находиться хотя бы одна доза из пяти суточных.

— Ничего ты в этой куче не найдешь, — резко сказал Доччи. — Ты ее уже всю перебрал, я сам видел.

Джордан остановился; он не спорил.

— И что будем делать?

— Упрощать. Перебери то, что отложил, оставь штук пятнадцать. — Дочки подумал, что в своем нынешнем состоянии Джордан успеет окинуть взглядом десятка полтора препаратов, не больше. Может, увидит то, что ей надо, а нет — так нет.

Джордан перебрал лекарства, осторожно перекладывая их с места на место и внимательно осматривая.

— Вроде так, — сказал он Дочки, закончив.

— Оно должно быть среди них, — вымолвил Дочки. Он очень на это надеялся. И Джордан тоже. Капсулы лежали возле Джерианн. Некоторые размером с кулак взрослого мужчины, и все равно казалось удивительным, что в них находится все необходимое для жизнедеятельности человеческого организма. Может, на четверть суток или на шестую их часть. Должно быть, она постоянно испытывает чувство голода, подумал Дочки. При ней не стоит говорить о еде.

Джордан осторожно посадил девушку, придерживая, чтобы она могла увидеть капсулы, и, взглянув на Дочки, принялся слегка похлопывать ее по щекам. Джерианн пребывала в глубоком обмороке. Он ударил сильнее; девушка судорожно вздохнула.

— Которая из них? — быстро спросил Джордан, как только она открыла глаза.

Ему показалось, что Джерианн сделала знак глазами в сторону одной из капсул, и Джордан сразу схватил ее.

— Эта?

Но девушка уже уронила голову, не отвечая. Джордан снова уложил ее и вытер ладонь о свой наряд.

— Она посмотрела на это, — произнес он, не глядя на Дочки.

Так и было, но означал ли взгляд узнавание или что-то еще?

— Я видел. Давай, используем его.

— Мне его стерилизовать или что-то еще?

Джордан тянул, потому что не чувствовал уверенности. Но откладывать введение препарата они уже не могли, даже если ошиблись в выборе. Может выйти так, что человек в диабетической коме получит сахар, и это просто быстрее прикончит его. И все-таки приходилось идти на риск. На самом деле друзья нашли Джерианн не так уж давно, пять или десять минут назад. Весь вопрос в том, как долго она там пролежала.

Отрицательно покачав головой, Доччи пояснил:

— Капсулы поглощения применяются в любых условиях. Без прокалывания и впрыскивания вирусы не могут проникнуть и причинить вред. Капсулы самостерилизуются.

— Я забыл, — признался Джордан. — Куда ее приложить?

— Куда угодно. Хотя, возможно, на бедро. Быстрее всосется, Джерианн долго не получала питания.

Задрав девушке юбку, Джордан осторожно снял пленку с одной стороны капсулы, стараясь не коснуться содержимого. Без защитного покрытия оно принялось сокращаться, ритмично пульсируя. Изменилась и форма препарата; больше всего теперь он напоминал гигантскую амebu. Джордан быстро приложил дрожащую влажную субстанцию к бедру Джерианн. Вроде бы не живое, содержимое капсулы обладало способностью двигаться; оно переместилось на четверть дюйма, приклеилось и замерло, став одним целым с Джерианн, ее

плотью. Теперь они уже не смогли бы избавить девушку от этой субстанции, независимо от того, правильный сделан выбор или нет. Вещества из псевдотела проникли в организм Джерианн через бесчисленные поры безо всякого прокалывания. Неудивительно, что кожа ее сверкала — пять раз в день питательные вещества поступали через участок площадью в десять-пятнадцать квадратных дюймов. За короткий период времени вся кожа обновлялась. Но безукоризненно чистые кожные покровы дались Джерианн дорогой ценой. Очень дорогой ценой.

Джордан вытер пот со лба.

— Мы заметим какой-нибудь результат? — спросил он озабоченно.

— На это потребуется время, — ответил Доччи. — Пока препарат попадет в кровь, дойдет до мышц, желез и мозга. Но если в течение минуты не увидим положительных сдвигов, можно считать, что ошиблись.

И они стали ждать.

8

Доччи плюхнулся в кресло, обводя лабораторию удовлетворенным взглядом. Переучет медикаментов шел полным ходом; один за другим препараты идентифицировались, проверялись имевшиеся в наличии запасы. Все оказалось не так уж плохо, как поначалу казалось. Инвалиды были почти полностью обеспечены.

Подошла еще одна проверяющая. Доччи смутно помнил ее — видел раньше, и только. Не знал, кто она и чем занимается. Если только он не ошибался, руки у

женщины имелись свои, ноги тоже — несколько тяжеловатые, но достаточно стройные. Если где и применили пластиковые ткани, то, очевидно, только на ее лице — оно обладало каким-то неестественным мрачным очарованием, выражение его не менялось. Должно быть, пластические хирурги оказались бессильны или перестарались.

— Мы закончили, — произнесла женщина ровным гортанным голосом. Он тоже казался мрачным, и чувствовалось, что это ее обычный тон.

— Что? — переспросил Доччи. — Ах, да, вы перебрали биопрепараты. Все идентифицировали? — Он вспомнил ее имя — кажется, Морин.

— Все, что определили. Осталось несколько упаковок; никто не знает, что это такое. Думаю, они бесполезны или еще хуже. Их надо уничтожить.

В любое другое время такое заявление Доччи считал бы правильным. Но сейчас следовало сохранить препараты даже неизвестного назначения.

— Берегите их, Морин. Рано или поздно они могут кому-то пригодиться.

— Все уже здесь побывали. Вы просто не знаете, как они бросились сюда, услышав, что охранники разорили амбулаторию. — Она слегка презрительно улыбнулась.

Доччи засомневался, что выражение ее лица объясняется пластическим вмешательством; если так, то его все-таки провели, и очень искусно, раз она безо всякого труда способна улыбаться. Хотя выражение кажется достаточно унылым. Интересно, как долго она может носить эту хмурую маску?

— Будьте снисходительны, Морин. Конечно, люди озабочены. Одним медикаменты нужны, чтобы лучше жить, другим — чтобы жить вообще.

— Знаю, — ответила она. — Я лично контактирую со всеми дефектными.

Морин разбирается в вопросе лучше него, это Дочки понял. Среди инвалидов сложились своеобразные братства по заболеваниям, а среди них — группки по степени их тяжести. Пациентов объединяла общая природа их недугов. Возможно, Морин относилась к одной из таких групп или знала кого-то, к ней принадлежащего. Последнее казалось более вероятным, как так выглядела она вполне нормальной.

— Как вы можете объяснить тот факт, что некоторые препараты оказались невостребованными? — спросил Дочки — Если все здесь побывали, ни одного безымянного лекарства не должно остаться.

— Они постоянно экспериментировали, — сообщила Морин.

— Кто?

— Врачи. Они проверяли на нас свои идеи, и если мы выживали, использовали новые лекарства для нормальных людей.

В ее словах, несомненно, содержалась доля истины. И это горько было осознавать, хотя Земля и все связанное с ней осталось далеко позади.

— Не вините их, — сказал он с легкой укоризной. — Им приходилось заниматься этим.

— Вы ничего не знаете, — возразила Морин. — Ладно, я всего лишь сообщаю, что остались препараты, и нам неизвестна область их применения. В любом случае,

они заменяют те лекарства, которые использовались до недавнего времени. Только мы не знаем, для кого каждое из них предназначено.

Дело принимало гораздо более серьезный и даже опасный оборот. Дочки поднялся.

— Значит, у нас не хватает опознанных биопрепаратов. Сколько именно?

— Мы точно не подсчитывали. Тридцать или сорок.

Небольшое количество от общего числа. *Но тридцать или сорок инвалидов?* Некоторые из них серьезно больны, зависят от лекарств, которые теперь неизвестно, к кому применять. У людей, организм которых не способен самостоятельно усваивать кальций, возникнут проблемы, хотя не так быстро, как у тех, кому не хватает, например, железа.

— Мы все разузнаем, — заявил Дочки с напускной уверенностью. — Здесь должны быть записи, там и посмотрим. — Записи велись, возникал только один вопрос: насколько они полные после погрома, устроенного охранниками? — Вы знаете, где они хранятся?

Женщина покачала головой, на лице снова появилась мрачная улыбка.

— Хотелось бы знать, — горько ответила она.

Дочки поразился ее тону.

— Почему? — Ему тоже требовалось знать, но он пока не испытывал таких сильных эмоций.

— А вы разве не поняли? Я одна из них.

Дочки не сразу понял и хотел переспросить, но тут до него дошло, что Морин тоже относится к дефектным, и в ее теле отсутствуют какие-то физиологические эле-

менты. Более того, она относилась к тем пациентам, биопрепараты которых не были идентифицированы.

— Не волнуйтесь. Потребуется время, чтобы разобраться, но в течение нескольких дней все наладится.

— Вы уж постарайтесь. — В голосе ее звучала не то что угроза, но какой-то намек, пока недоступный пониманию Дочки.

Он не успел остановить женщину, когда она начала стягивать платье. Первое, что он понял — она не дышит, и никогда не дышала. Платье вздымалось, как при дыхании, воздух поступал и выходил тела независимо от того, спала она или бодрствовала, но не через легкие, которые у Морин отсутствовали, а благодаря механизму, спрятанному в груди. Именно он снабжал кровь кислородом. Устройство как-то связали с речевыми центрами, чтобы часть воздуха по сигналу нервных окончаний поступала в гортань. Вероятно, этим и объяснялся странный гортанный тембр ее голоса.

Морин показала на одну из вибрирующих трубок.

— У меня не только легких не хватает. Всякий человек, мужчина или женщина, вырабатывает и мужские, и женские гормоны, только в разных количествах. Кроме меня. Я не производжу мужских гормонов.

Пристально глядя на Дочки, она продолжила высоким голосом, в котором смешались ужас и еще что-то:

— Вы понимаете, что это значит? Без инъекций я через несколько месяцев полностью стану женщиной. Стопроцентная женщина — и больше ничего.

Дочки показалось, что она становится все более женственной прямо у него на глазах, и он поспешно отвел взгляд. Теоретически, существо с таким перекосом в

гормональной сфере должно выглядеть отталкивающе, но Морин это не касалось. Скорее, она вызывала трогательные чувства.

Если организм будет вырабатывать только женские гормоны, это убьет ее. Но за какой срок? Ее оценку — несколько месяцев — Дочки мог считать произвольной. Разыгрывая перед ним сцену, Морин назвала первое, что пришло в голову, стараясь вызвать жалость.

— Тебе повезло, Морин, — сказал Дочки, поймав себя на том, что снова против собственной воли смотрит на нее. — Здесь хватает народу, и мужчин, и женщин, которые могут стать твоими донорами. Должен существовать способ извлечения нужных тебе гормонов из крови. Может, наша медицинская техника и не совсем совершенна, но мы справимся. Запомни это.

— Я запомню, а ты? — произнесла она, приоткрыв губы, словно хотела вздохнуть.

У Дочки появилось неприятное чувство, что она имеет в виду нечто совсем другое, не имеющее отношения к его словам. Похоже, Морин вообще его не слушала. Чисто мужская или женская особь просто не может существовать, но если существует, то это уже не человек. Для человека важны жизнь или смерть, а для абстрактной чисто женской особи имеет смысл только одна важная вещь.

Он поднял взгляд и увидел, что Морин стоит совсем близко.

— Мне страшно, — произнесла она и прижалась к нему, стараясь не пережать трубку, через которую входил и выходил воздух. — Я не хочу стать такой, — прошептала Морин. — Но если это случится, пожалуйста, по-

моги мне. — Близость к ней ошеломила и ужаснула Дочки.

Наконец Морин отстранилась. Из ее глаз исчез страх, сменившись каким-то другим выражением. Дочки вдруг понял, что в глубине души она уже обдумывает тот момент, когда перестанет быть человеком. Наверное, это подобно смерти — из мыслящей рассуждающей личности превратиться в существо, способное реагировать только на один раздражитель.

— Мы позаботимся, чтобы с тобой ничего не случилось, — не очень уверенно сказал Дочки. — Возможно, придется подождать, но не долго. Мы найдем решение.

Морин пристально смотрела на него, и Дочки понял, что его слова женщину не убедили. Он прочистил горло.

— Ты знаешь это место, как никто. Осмотрись здесь, попробуй найти дубликаты медицинских карт. Может, в них найдется ключ к использованию новых препаратов. — Пока он говорил, лицо Морин обрело осмысленное выражение. Потом оно снова исчезнет, и так будет повторяться с сокращающимися интервалами, пока они не скорректируют гормональный баланс. Дочки не знал, насколько глубоко она может погрузиться в сумеречное состояние без вреда для рассудка, да и не хотел знать. — Никуда не уходи, пока я не вернусь. Ты поняла?

Она игриво улыбнулась в ответ, словно намекая, что все поняла. Дочки подумал, что прежняя маска мрачного очарования не имела отношения к пластической хирургии, и по-настоящему испугался: только что Морин казалась почти нормальной. Эта женщина ничего

не могла поделаться со своими импульсами. Он поспешно вышел, на ходу подумывая, не запереть ли дверь.

Замок на двери отсутствовал. Доступ в госпиталь был открыт круглосуточно, для этого его и строили. Да и закрывать Морин нельзя. Ограничение свободы может вызвать непредсказуемую реакцию.

Дочки опустил жалюзи, чтобы амбулатория казалась пустой, и зашагал прочь. Оставалось только надеяться, что Морин не взбредет в голову покинуть здание.

На некотором расстоянии от госпиталя начали встречаться жилые здания. Построенные по проекту или самочинно, индивидуальные обиталища или спальные общежития за долгие годы постепенно окружили три главных центра астероида. Скопления построек образовали деревеньки, которые мало чем отличались друг от друга, разве что расстоянием до госпиталя. По сути, каждое жилое здание представляло собой очень большой робот-автомат, который кормил, купал своих зачастую беспомощных обитателей и старался удовлетворить их интеллектуальные потребности. В целом жилища инвалидов очень напоминали обычные комфортабельные дома на Земле.

В третьей деревне Дочки нашел дом, взглянул на маленькую лампочку над дверью. Она горела — хозяйка оказалась дома. Высветившаяся цифровая комбинация означала, что она бодрствует, но находится в постели. На астероиде такая информация считалась необходимой: многие жильцы страдали внезапными приступами и без нее могли оказаться в трудном положении. Дочки прижался к кнопке, и она загорелась, разрешая войти.

Джерианн сидела в постели и выглядела свежей и здоровой.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Дочки, подтягивая ногой стул поближе к кровати.

Она скривила личико и улыбнулась.

— Чудесно.

— Прошу тебя, не надо формальных ответов. Нет настроения поработать?

— Сейчас, когда ты здесь, нет. — Она рассмеялась его смущению. — Может, теперь ты согласишься, что я в порядке. Верить?

Не дожидаясь ответа, Джерианн разгладила простыни вокруг себя.

— Это ты нашел меня?

— Нашел Джордан. А я оказался рядом.

Джерианн не благодарила; такой поступок считался естественным. Никто не знал, когда наступит его черед.

— Наверное, раздумываешь над тем, почему я оказалась там без своих капсул.

На самом деле Дочки думал не об этом. Но не прочь был узнать, если, конечно, у нее есть желание поговорить.

— Мне показалось странным, что ты могла о них забыть. Все тогда сбились с ног.

— Только не я. Я точно знала, что делаю. Убегала от какого-то верзилы, он гонял меня по всему куполу. Знал, что я не Нона; я кричала, чтобы он оставил меня в покое. Наверное, тогда и потеряла абсорбики — еще до того, как он поймал меня.

— Если тебе неприятно, можешь дальше не рассказывать, — спокойно предупредил Дочки.

— Ты что подумал? — В голосе Джерианн явно угадывалась насмешка. — Решил, что я *ему* позволила бы? Я велела ему уматывать, иначе сниму лицо. Его стошнило прямо там, и он убежал.

Дочки улыбнулся ее запальчивости.

— Хорошо, что он тебе поверил и не пришлось снимать грим.

— Спасибо, добрый сэр. Зато я теперь знаю, что симпатичная. — Хорошие манеры взяли верх над показной храбростью. — Так я и попала туда. Энергии потратила больше обычного, а восполнить нечем. Не сумела добраться до госпиталя.

— Мне были неизвестны детали, но примерно так я все себе и представлял. Повезло еще, что мы тебя нашли. А больше всего повезло, что сумели в этой неразберихе найти твой абсорбик.

— В обоих случаях ты прав, но вы нашли не мою капсулу. Моих там нет и никогда не было. За ними я обращалась напрямую в лабораторию. Само собой, вы об этом не знали.

— Тогда почему ты выжила? — спросил Дочки, нахмурившись. — Чужое лекарство должно убить тебя.

— Видишь ли, я не настоящая дефектная. Мои железы не отказываются вырабатывать нужные вещества. Чего мне не хватает, так это пищи и воды. Любой препарат мне подходит, если в основном состоит из пищи и воды и может быть ассимилирован через кожу. Когда вы шлепали меня по щекам, я раскрыла глаза и увидела чужую капсулу, но поняла, что она мне сгодится. У того пациента проблемы с сахаром в крови. Препарат

не совсем диетический, там какие-то примеси, но он вывел меня из голодного обморока.

Конечно, она упала и не смогла подняться не из-за обычного голода, а из-за острой недостаточности, поразившей весь ее организм. Постоянно осознавая свою уязвимость, Джерианн внутренне была готова к подобной ситуации. Дефектные знали друг друга и свои недуги лучше, чем члены любой другой группы. Они постоянно прикидывали, чей препарат, в крайнем случае, может заменить их собственный. Обычно так не делали, но в данной ситуации дополнительные знания выручили Джерианн.

Дочки сидел и смотрел на нее, а дом полнился тиканьем. Часы являлись еще одной особенностью жилища Джерианн наряду с отсутствием кухни и комнаты для приема пищи. Они ей не требовались, и их просто не построили. Голода она не чувствовала, но боялась его. Если бы Джерианн решила умереть, это получилось бы легко. Поэтому, чтобы укрепить волю к жизни, для нее составили жесткое расписание дня. Но любое расписание не имеет смысла без соблюдения временных рамок. Часы напоминали о том, что организм проголодался, и пора принимать пищу.

Часы висели по стенам — большие и маленькие, от неприметных циферблатов до дизайнерских механизмов, встроенных во внутреннюю отделку комнаты. Даже на потолке размещался огромный круглый хронометр; в узор на полу присутствовали мотивы с песочными и солнечными часами. Все они на самом деле работали. По ночам, спала Джерианн или нет, специальное устройство вызывало слабую периодическую виб-

рацию здания, которую она привычно ощущала в любом состоянии.

— Проклятье, — проворчала Джерианн, почувствовав, что вибрация в какой-то момент стала сильнее. Она собиралась что-то сказать Доччи, но мысли спутались, и девушка не смогла сконцентрироваться. — Не обращай на меня внимания, — попросила она, грустно улыбаясь. — Я к таким вещам привыкла. Кажется, они считают, что мне пора принимать препарат.

— У меня в голове тоже есть часы, — продолжала Джерианн. — Само собой. Они есть у каждого, но у меня особенные. Любой естественный звук, даже биение моего собственного сердца, постоянно напоминает о необходимости быть начеку, даже если я про это не думаю, но дом еще более эффективен. Они сказали, что я должна смириться с этим, если собираюсь жить дальше.

Доччи понимал, о ком идет речь — о психотехниках, имевших дело с Джерианн после несчастного случая. Они сказали правду, но Доччи видел, что и правда может вызывать раздражение.

Тиканье становилось все громче, дом трясся, и хотя Джерианн пыталась не обращать внимания, сигналы тревоги не прекращались.

— Время, — без слов напоминал дом, — время, время, время. Доччи сигналы казались приглушенными и ненавязчивыми, но Джерианн, похоже, воспринимала их по-другому.

— Ладно, — крикнула она своим мучителям, выбираясь из постели. Джерианн побежала в смежную комнату, схватила с полки у двери незаметно лежавшую там капсулу. Некоторое время она отсутствовала, так что

Дочки начал даже беспокоиться, но потом вернулась в спальню.

За это время она успела переодеться в уличный костюм и совершенно успокоиться. Напряжения как не бывало.

— Я чувствую себя лучше, — весело сообщила она. — Завтрак, какой-никакой, да и душ.

Джерианн уселась напротив Дочки.

— Наверное, гадаешь, как я могла принимать душ, если не включала воду. Это специальный душ. Ты о нем не спрашивай.

Дочки и не собирался, хотя думал как раз про это. У него имелись собственные приспособления для одевания, но никто насчет них не любопытствовал.

— Ты пришел сюда с какой-то целью, — сказала Джерианн. — Спасибо за то, что проявил такт и поболтал с пациенткой, но теперь можешь сказать, в чем дело.

Он размышлял о том, вправе ли просить чьей-то помощи. Задача стояла трудная, слишком сложная, чтобы объяснить ее Ноне. Анти, подходившая лучше всех, не могла покинуть бассейн. И Джордан не годился. Оставалась только Джерианн, если только она полностью оправилась.

— Ты знакома с Морин? — спросил Дочки.

— Да. Хочешь, угадаю, что с ней сейчас происходит? — сухо поинтересовалась Джерианн.

— Думаю, твоя догадка верна, просто мне не хочется, чтобы этот процесс зашел слишком далеко. Я хочу быть уверенным, что с ней этого не случится. — Он задумался над репликой Джерианн. — С ней это не в первый раз?

— Конечно же, нет. Она всегда ищет способ увильнуть от приема лекарств. Давно, еще до твоего появления здесь, она сумела выбросить препараты, а сама делала вид, что принимает их. Ей удавалось обманывать врачей три недели, а потом они все узнали.

Дочки об этом даже краем уха не слышал. Он был слишком занят хлопотами по предоставлению инвалидам нового статуса и не обращал внимания на сплетни. И не знал здешних жителей так хорошо, как Джерианн. Он подумал, что можно получить у нее детальную информацию.

— На этот раз ей не нужно увильвать. Мы не можем найти рецепт Морин.

— Ерунда, — резко объявила Джерианн. — Я помню, что в ту долю секунды, когда в лаборатории ко мне вернулось сознание, в голове промелькнула мысль: если бы на моем месте оказалась Морин, то была бы на седьмом небе от счастья, что привлекла столько внимания.

С грустью глядя на нее, Дочки понимал, что наверняка ничего подобного она не думала, но в голосе Джерианн сквозила горечь. Девушка не понимала, что по сравнению с некоторыми опасно травмированными пациентами ее можно считать счастливницей.

— Ты не могла бы сходить в лабораторию и поискать? — Спросил он. — Морин утверждает, что рецепта нет. Мне известно, что в госпитале иногда проводили эксперименты. Новые лекарства в недавней сумятице могли куда-нибудь задвинуть, или они значатся под другим наименованием, и Морин не может их идентифицировать. — Судя по тому, что рассказала Джерианн,

Морин увлеклась идеей превращения в самую женственную из женщин. Эта мысль, очевидно, действовала на нее, как болеутоляющее, позволяя забыть о разочаровании и о том, что все идет не так.

— Конечно, я схожу, — ответила Джерианн, подошла к комоду и принялась доставать вещи. Надела на запястье часы; еще одни крепились на достаточно широком поясе с кармашками, в которые она положила несколько капсул с абсорбиками. — Обед, питье и один про запас, — коротко пояснила девушка.

— Я думал, тебе требуется больше жидкости.

Джерианн посмотрела на него как-то странно.

— Правильно, если бы у меня протекал обычный метаболизм. Но для процессов пищеварения мне не требуется жидкость. И потом, для дальнейшего снижения объема дозы они включили в то, что я принимаю, антиперсперант.

Он прошел за Джерианн к двери; там она обернулась и окинула взглядом свое жилище. Уютная, любопытная обитель, полностью приспособленная под нужды такой пациентки, как она.

— Ты пойдешь в госпиталь со мной?

— Нет, здесь неподалеку у меня дела.

— Ладно, тогда спасибо, что спас мне жизнь. — Джерианн обняла его и поцеловала — быстро, но от души. Губы у нее были прохладные и сухие. Очень мягкие, но сухие; поцелуй напоминал касание шелка. И Доччи подумал, что это все из-за кожи.

Улыбнувшись, она отворила дверь.

— Увидимся, — бросила Джерианн на прощание. Уходя, она не стала оглядываться, и Доччи порадовался

этому, так как она могла помахать рукой, а он не сумел бы ответить.

Второй раз за последний час он шагал и думал на ходу. Морин, конечно, следует удалить из амбулатории; она слишком остро реагирует на все, что хотя бы отдаленно напоминает мужчине. С Джерианн дело обстоит иначе: она относится к нему по-другому, и ее отношение приятно Доччи.

У них изменились условия обитания. Теперь, когда на астероиде не осталось нормальных людей, с которыми их можно сравнивать — и вовсе не в пользу инвалидов, — жизнь претерпевала заметную трансформацию. Они начинали вести себя, как здоровые и разумные люди. Прекрасно, что Джерианн его поцеловала, а ему это понравилось. Это первое проявление свободы.

Второе проявление, происходившее в данный момент, обещало быть более трудным. Предстояло установить некие границы достигнутой свободы — только тогда она будет что-то значить. Доччи озабоченно хмурился, раздумывая о том, что сейчас предстоит.

Он опоздал. За исключением Анти, отсутствующей, как всегда, здесь собрались все, кого он знал. Да еще другие, с которыми Доччи никогда не встречался. Это хорошо, думал он, что все пришли пообщаться; некоторые раньше вообще не выходили из дома. Заметив Джерианн, но не увидев свободного места возле нее, Доччи сел в задних рядах.

Молчание нарушил Джордан.

— Есть у кого-нибудь вопросы?

В переднем ряду поднялся мужчина. Доччи познакомился с ним много месяцев назад. То ли Джек, то ли

Джед Веббер. Кажется, Джед, тихоня с бледно-голубыми глазами и почти бесцветными светлыми волосами. Дочки никогда не слышал, чтобы он подавал голос, но сейчас Джед вышел из добровольного заточения и решил выступить.

— Есть, — сказал Вебер. — Я хочу знать, куда мы направляемся.

Джордан оборвал его.

— Вопрос не по повестке. Не по теме собрания. В любом случае, данный вопрос неважен.

— Мне так не кажется, — возразил мужчина, неловко двигаясь. Движения казались неточными, потому что тело Джеда было перерублено почти по продольной оси. За исключением головы, он представлял собой полчеловека-полумашину. В отличие от пациентов, не поддающихся регенерации, он мог достаточно ловко использовать свое композитное тело, потому что движение уцелевших руки и ноги координировались с механической половиной. Получалось не очень хорошо, потому что Джед мало практиковался. В прошлом его сильно мучило зрелище нормальных человеческих тел. — Вы не знаете, куда мы летим, — настаивал Джед высоким голосом. — Мы просто движемся, но вы не знаете, куда.

С места встал Дочки.

— На этот вопрос могу ответить я. На него необходимо ответить. Мы летим к Центавру, к Альфе или Проксиме, какая больше подойдет. Или есть другое место, куда вы хотите попасть?

Ответ утонул в поднявшемся ропоте присутствующих, но Веббер проявил упорство и ждал, пока шум уляжется. Качнувшись на ногах, он указал на Нону.

— Я полагаю, надо спросить об этом ее, — сказал он. Все посмотрели в сторону Ноны; девушка мечтательно улыбнулась.

— Нет. Это было бы смешно. Мы никого не хотим обманывать. Напомню, если вы забыли, что у нас есть телескоп.

— Маленький, любительский, — напомнил Веббер. Голос его звучал неуверенно и дрожал, как и тело.

— Это правда, но он лучше, чем труба Галилея. — Дочти надеялся, Веббер не станет уточнять, что Галилей не собирался совершать космическое путешествие со своим прибором.

На самом деле немногие наблюдения, произведенные Дочти, выявили нечто странное. Он реконструировал, насколько возможно, пройденный путь, что оказалось непросто, поскольку никаких записей не делалось. В тот момент, когда они покидали Солнечную систему, их курс не лежал напрямую к Центавру. Должно быть, Нона использовала движение по касательной, чтобы быстрее покинуть систему, а потом сделала петлю и легла на прежний курс. Схематические карты, имеющиеся в распоряжении Дочти, говорили о том, что астероид направляется к Центавру с отклонением в несколько градусов; на большую точность с таким телескопом рассчитывать не приходилось. В самих звездах он заметил некоторые изменения и не смог их объяснить.

На дальнем краю поднялась женщина. Джордан кивнул ей.

— Моего мнения обо всем этом не спросили, — вызывающе воскликнула она. — Мне затея не нравится. Я хочу вернуться.

Джордан смешно склонил голову набок.

— Надо было сказать про это охранникам, пока они не улетели. Тебя с радостью взяли бы с собой.

— Они не пустили бы меня на корабль, — озадаченно ответила женщина. — Вы же знаете, как они себя здесь вели.

— Боюсь, тебе не повезло. Из-за тебя мы не можем вернуться.

— Только не надо меня дурачить, — яростно заспорила женщина. — Здесь осталась пара разведывательных кораблей, разве не так? Почему мы не можем использовать их для возвращения на Землю?

— По той же причине, по которой военные их оставили, — терпеливо объяснил Джордан. — Дальность полетов таких кораблей ограничена, на них нельзя добраться до Земли, тем более теперь.

— Тьфу. Тебе бы только поспорить, — сердилась женщина. — Дочки говорил, что на любом корабле можно без особого труда перенастроить гравитационную тягу. Заложить в компьютер небольшую энциклопедию, что-то вроде того. По-моему, так он сказал.

Дочки вздрогнул. Разве он говорил такое? Наверное, говорил, раз женщина вспомнила. А ведь не следовало, тем более что это не так. Некоторые решили, что вернуться на Землю будет несложно.

И еще по одной причине Дочки жалел о поспешном высказывании: он мог ненамеренно выболтать секрет

действующей гравитационной тяги. То есть наговорить лишнего.

— Я не одна такая, — настаивала женщина. Он почувствовала себя уверенно и не собиралась сдаваться. — Многие думают также и выступили бы, если б не боялись. Кому охота вечно лететь неизвестно куда? Может, мы никуда и не доберемся.

— Взгляни на звезды, — ответил ей голос из передних рядов. Говорил Веббер, обычно молчаливый кроткий человек.

— *Не хочу* на них смотреть, — яростно отрезала она. — *Никогда* не хотела ничего видеть, кроме Солнца. *Нашего* Солнца. Оно всегда светило человечеству, и я не вижу причин что-то менять.

— Это потому, что ты ничего не понимаешь, — уверенно заявил Веббер. — Тебе страшно, а бояться нечего. Когда я предложил посмотреть на звезды, то имел в виду следующее: те, что впереди, кажутся ярче, чем оставшиеся позади. Понимаешь, что это значит?

Дочки внутренне возликовал: у них появился астроном. Он сам заметил изменения в светимости звезд, расположенных по курсу движения астероида, не догадался только развернуть телескоп в обратную сторону. Тот факт, что система Центавра светилась ярче, имел огромное значение, но этого он тогда не сумел понять. А теперь понял. И подивился тому, какую мощь сумели развить гравитационные установки.

— Мы приближаемся к скорости света, — объявил Веббер. — Нам не потребуется лететь много десятилетий до нашей звезды. Мы будем там через несколько лет.

Повернувшись в сторону астронома, спорщица уставилась на него, но не знала, что сказать. Веббер ее не убедил, но женщине пришлось сесть, скрывая замешательство. Люди вокруг принялись шушукаться, голоса их становились все громче от возбуждения. Они прожили на окраине Солнечной системы достаточно долго, представляли себе, что такое межзвездные расстояния и что значит для них околосветовая скорость.

Пришлось Джордану призвать собравшихся к тишине.

— Я пытался втянуть вас в дискуссию по повестке дня, но вы совершенно устарились. Вынужден открыть голосование без обсуждения.

Как бы там ни было, голосование состоялось. Сам Доччи не мог понять, за что голосуют, и воздержался. После подсчета голосов Джордан резко стукнул молотком по столешнице.

— Принято. На этом все. Собрание закончено.

Доччи собирался запротестовать, но народ уже поднялся, толпа хлынула к заднему ряду, унося его с собой. Он пробился к стене и стоял, дожидаясь, пока поток людей ослабеет, потом направился к Джордану, который о чем-то весело болтал с Джерианн.

— Мы это сделали, — сказал Джордан, радостно улыбаясь Доччи.

— Что сделали? Я слышал только жалобы людей. Нам повезло, что в зале нашелся человек, сумевший их убедить. Мне кажется, целую кучу важных вопросов просто не затронули.

— А мне кажется, что обсудили все, и ты знал бы об этом, если бы не опаздывал, — возразил Джордан, про-

должая ухмыляться. — Это идея Джерианн. Вот за что мы голосовали.

Склонив голову, Доччи прочитал то, что написано на листке, который разложил перед ним Джордан. По стилю изложения итоговый документ напоминал резолюцию. Он прочел его раз и начал читать снова, прежде чем до него дошло содержание.

— Оклады, правда, невысокие, — пошутил Джордан. — Но если справимся со своей работой, то все выживут, и наоборот. Другими словами, нам доверили продолжать то, что мы и так делали. — Он взял листок и прочитал: — Поскольку мы связаны единой судьбой и общей целью — разве не красиво? — и имеем общий план... — Джордан поднял взгляд. — Так как именно тебя они выбрали главой комитета по планированию, может, ты, наконец, расскажешь про этот чертов план?

Прежде, чем их мир станет самодостаточным, предстояло достичь множества мелких промежуточных целей, и Доччи до какой-то степени был способен обобщить их. Но когда дойдет дело до заявления об окончательной цели их путешествия... Здесь оставалось только гадать. Доччи и сам не представлял себе, чем все закончится.

9

В кабинет вошла Джерианн.

— Удалось сократить до двадцати, — бодро сообщила она.

— Что? — с отсутствующим видом спросил Доччи. Он пытался вникнуть в незнакомые ему управленческие

функции, но пока получалось не очень. Записи привели в порядок, но некоторых не хватало. — Ах, да. — Биопрепараты для дефектных. — Хорошо. Как тебе это удалось?

— Я всех расспросила.

— И они ответили? Удивительно. Можно было ожидать, что они хорошо знакомы со своим прежним лечением. Но не с чем-то совершенно новым?

Джерианн снисходительно улыбнулась.

— Все не так уж сложно. Я узнала, что они принимали раньше, а потом порылась на складе и нашла запасы препаратов. Они пользовались ими прежде, смогут принимать и дальше.

Об этом Доччи не подумал, ведь он еще не привык рассуждать, как врач. Любой подготовленный доктор знает, что изобретение пенициллина не отменило использование сульфатов, а пенициллин не перестали применять с открытием необиотиков. Доччи исподтишка посмотрел на Джерианн. Она оказалась не только симпатичной, но и сообразительной женщиной.

— Из оставшихся двадцати, для которых биопрепаратов нет в наличии, мы сможем изготовить лекарства для одиннадцати.

Оставалось всего девять. Замечательное достижение — всего несколько дней назад без лекарств числились сорок два. Пока что они ничего не могут сделать для девятерых. Странно, чем меньше их становится, тем сильнее они беспокоят Доччи. Может, потому, что теперь он их всех знает в лицо?

— А Морин? — поинтересовался он.

Джерианн инстинктивно коснулась своего пояса, который служил ей не только украшением.

— Боюсь, я ее недооценила. Не могу найти ни одного препарата Морин.

— Ты уверена, что она уничтожила все? Что ей прописали?

— Не вижу разницы, уничтожила или нет, если у нас для нее нет лекарств, — ответила Джерианн. — Хотя вряд ли, у нее просто не хватило бы знаний, чтобы отслеживать и изымать все поступления, касающиеся ее.

— Ладно. Я с тобой согласен. — Он посмотрел на список, принесенный ему Джерианн. Цифры на бумаге не внушали такого же оптимизма, как устное сообщение девушки. — Погоди. Ты говорила, что из двадцати пациентов мы можем синтезировать биопрепараты для одиннадцати.

Джерианн села.

— Именно так. А как еще мы их получим? Оборудование у нас имеется. По значительной части ассортимента биопрепаратов астероид никогда не зависел от Земли.

Он смутно представлял себе, как функционирует лаборатория. Наверное, как пищевые синтезаторы.

— У нас нет людей с опытом.

Вздохнув, Джерианн пожала плечами.

— У меня нет технического образования, но от нечего делать я привыкла помогать в лаборатории. Могу этим заняться.

На столе у Дочки замигала лампочка, он не обратил внимания.

— Ты понимаешь, во что может вылиться даже мельчайшая ошибка? — задал он вопрос.

— Конечно. — Его поразило спокойствие девушки. — Одна неправильная атомарная связь, и препарат из лекарства превратится в смертельный яд. Я переговорила с дефектными. Они согласны. Понимают, что таким образом у них появится хотя бы шанс.

— Вот что мы сделаем, — решил Доччи. — Отбери самых тяжелых и приготовь препараты для них. Только предупреди меня перед тем, как дашь им лекарства.

— Я уже выбрала, — сказала Джерианн. — Четыре крайне тяжелых случая. Они, конечно, не умрут сегодня или завтра. Даже через неделю не умрут, наверное. Но затягивать нельзя.

— Согласен. — На столе настойчиво продолжал мигать огонек. Еще один жалобщик. Доччи кивнул Джерианн, чтобы нажала кнопку, и посмотрел на экран. — Что-нибудь случилось? — поинтересовался он.

На связь вышел Веббер.

— Ничего особенного. Мы с Джорданом встретили старого знакомого. Думаю, нам лучше привести его к тебе.

Веббер сделал шаг в сторону, чтобы стало видно прячущегося за ним человека.

— Кэмерон! — воскликнул Доччи.

Небритый доктор в растрепанной одежде выглядел спокойно и вел себя уверенно.

— Кажется, теперь вы здесь командуете, — сказал он. — Мне хотелось бы с вами поговорить.

Доччи не стал ему отвечать.

— Где вы его нашли, Веббер?

— Он жил на открытом воздухе возле ручья, наверное, чтобы не удаляться от воды. Мы осматривали тех-

нику, не повредили ли ее охранники, и заметили доктора. Увидели, что кусты колышутся, и подошли посмотреть — может, рон заплутал. А там наш приятель.

— Он не доставил вам неприятностей?

Веббер пожал плечами.

— По-правде говоря, доктор не сильно обрадовался, увидев нас. Но он же понимает, что долго прятаться здесь негде, поэтому не пробовал убежать.

— Это ваша интерпретация, — вмешался Кэмерон. — А правда в том, что я хотел удостовериться, что вы не отошлете меня вместе с генералом и его подчиненными. И мне пришлось выжидать.

Откуда-то с боку экрана донеслось фырканье Джордана.

Кэмерон заговорил снова.

— Я не видел смысла возвращаться на Землю. Не то чтобы моя карьера рухнула, но вообразите себе трудности, которые меня ожидали. В любом случае, меня готовили для оказания помощи самым сложным пациентам, и я решил, что здесь их достаточно. Жаль только, что меня нашли. Это испортило эффект от моего добровольного появления, которое я готовил.

По лицу Джерианн угадывались ее чувства. Облегчение и, кажется, что-то еще. Неприятно думать, что она, может быть, радуется появлению хоть одного нормального человека, мелькнуло в голове Дочки. Вернулась эта убийственная возможность сравнивать.

Но не только она. Вернулось нечто гораздо большее. Насколько большее — предстояло выяснить ему, Дочки. Он постарался отодвинуть эмоции в сторону. Не хватало еще показывать Кэмерону, что он чувствует.

— Что ж, здесь работы хватает, если вы про это. Приходите, как только сможете.

Кэмерон вскинул голову.

— Приду, если они отпустят.

— Отпустят. — Доччи выключил экран, посмотрел на Джерианн и увидел, что она встает.

— Не уходи. Я хочу, чтобы ты его проверила.

— Что мы должны проверять? — удивленно спросила она.

Еще одна, кто судит о докторе по озвученным им намерениям. И таких будет много. *Может быть*, Кэмерон остался по тем причинам, которые назвал. Если так, это легко проверить.

— Разве я сказал, что нам нужно за ним следить? Я имел в виду другое. Кэмерон здесь, и мы собираемся использовать его. В то же время нельзя исключать, что он может находиться в плену стандартных идей. Мы должны придать его работе нужный нам уклон.

Джерианн снова села.

— Не хочу мешать тебе или ему.

— Ты не помешаешь. — Пока они ждали, Доччи сделал вид, что занят документацией. Требовалось узнать, не беспочвенны ли его подозрения. Возможно, Кэмерон придерживается лучших медицинских традиций. Но в медицине развились и традиции куда менее благородные, и он может оказаться их приверженцем.

Лучше ничего не говорить Джерианн. Она уважает доктора, но ее не проведешь. Любой обман девушка сразу заметит. И она привлекательна. Быстрее, чем кто-либо другой — за исключением Ноны, но та не может

говорить — Джерианн поймет истинные мотивы Кэмерона.

Дочки поймал себя на том, что разглядывает девушку. Не надо ей так волноваться. И не надо так восторженно относиться к появлению доктора.

Кэмерон покачал головой.

— Вы не растеряли энтузиазма. Я могу помочь вам с дефектными, но если говорить о разработке новых методов лечения, то, вероятно, придется рассчитывать на те идеи, которые у вас уже есть.

— Что насчет списка? Мы сможем синтезировать препараты для них?

— Я его еще не изучил и не знаком с их медицинской историей. Из одиннадцати знаю троих, отобранных Джерианн, и по каждому она совершенно права. Весь вопрос в тестировании препаратов. Я готов проверять их, но уверен, что она и сама может справиться с этой работой.

Приятно было слышать, что они все делали правильно и могли бы справиться без доктора. Конечно, он поможет, но и без него они бы справились.

— Вы можете сделать что-нибудь для Морин? — спросил Дочки.

— Я ее не помню. Мне нужно посмотреть.

— Записи не в лучшем состоянии.

— Охранники? — Дочки заметил, как нахмурился Кэмерон. То ли искренне, то ли делал вид. — Я пытался убедить генерала, чтобы приструнил их, но Джадд не стал слушать.

— Кажется, вреда они причинили не так много, — сказал Доччи. Ему хотелось забыть о тех событиях как можно скорее. — Во всяком случае, я могу рассказать, в чем проблема Морин. Ее организм не вырабатывает мужских гормонов.

— Вспомнил. — Кэмерон задумался. — Я ею совсем не занимался. Большая часть ее лекарств поступала прямо с Земли. Даже не знаю, что сказать.

— Большая часть желез — парные. Можете пересадить ей одну или хотя бы ее часть от кого-то из нас? Мы найдем доноров.

— Сразу могу сказать, что если бы такое признали возможным, то давно бы сделали. По непонятным пока причинам трансплантация не всегда эффективна. Иногда организм растворяет чужую ткань или, если возникает воспаление, вырабатывает вокруг нее новообразование.

— Поэтому она до сих пор дефектна?

— Это всего лишь мое предположение. Думаю, ей пытались сделать трансплантацию, но неудачно. — Кэмерон повернулся к Джерианн. — У нас есть оборудование для синтеза гормонов?

— Может быть. Я их никогда не изготавливала.

Доктор перегнулся через стол и поискал в папках, пока не нашел нужную.

— Результаты тестов на животных. Судя по всему, информации маловато, — сообщил он, коротко ознакомившись с документами. — Кое-что я смогу сделать, чтобы успокоить Морин, пока не рассчитаю формулу заменителя.

— Никаких экспериментов на нас, Кэмерон.

Криво улыбнувшись, доктор ответил:

— Вся история врачевания — длинная серия экспериментов. Если бы не они, мы жили бы еще в каменном веке. В смысле медицины.

Дочки пожал плечами.

— Это ваша точка зрения. Просто сделайте все, что можете, для Морин.

— А что насчет Анти?

— У нас не было времени подумать о ней.

— Я посмотрю, что можно сделать. Если натолкнусь на плодотворную идею, дам знать. — Кэмерон повернулся к двери, и Джерианн вышла за ним.

Дочки сидел и смотрел им вслед. Доктор стал дополнительным ресурсом, на который они не рассчитывали. Его присутствие поможет успокоить недовольных, кто соглашался на собрании с выступавшей женщиной, но пока не выражал своего мнения. У Дочки с друзьями будет хотя бы временное преимущество.

Но сомнения оставались. Кэмерон мог спрятаться по приказу генерала. Несколько серьезных заболеваний, чья-то смерть — и людей можно будет убедить, что надо поворачивать обратно. Но Дочки почему-то не верилось, что у доктора такие намерения.

Тогда что он задумал? Возможно, Кэмерон остался с очень, очень дальним прицелом. Рискованное предпринятие, но доктор по натуре своей склонен к риску.

Дочки терзали не только сомнения в адрес Кэмерона. Ему очень хотелось задержать Джерианн под каким-нибудь предлогом. А она ушла и даже на прощание не посмотрела в его сторону.

— Что это за штуковине? — спросила Анти, мягко покачиваясь в кислоте.

— Моя идея, — с гордостью сообщил Джордан, осторожно опуская кольца змеевика в кислоту.

Анти оценивающе наблюдала за ним.

— Может, в другой раз придумаешь что-нибудь получше.

— Не будь такой брюзгой, — произнес Джордан, наблюдая, как спираль скрывается под поверхностью кислоты и опускается на дно. — Кэмерон считает, что все получится.

— Моя вера поколеблена.

— Вера здесь не причем. В любом случае, Кэмерон, как доктор, — лучший из тех, кто здесь работал. — Устройство, наконец, достигло дна. Снаружи остался только кабель, свисавший с бортика бассейна. Джордан вытирал руки травой. — Эта идея пришла мне в голову, когда я размышлял о применении облучения.

— Трудно поверить, что когда-то я была молодой и так и лучилась счастьем.

— Я не о том.

— А я о том. Не надейся, что я прекращу брюзжать.

— Не стоит, — сказал Джордан. — Идея принадлежит мне, а не доктору. Кэмерон ее просто одобрил.

— Ну, тогда обязательно работает.

Джордан выбросил пучок травы в бассейн. Тот беззвучно вспыхнул и исчез. Смирившись с происходящим, Анти закрыла глаза.

— Да не волнуйся ты так — получится или нет, — а то ты даже не слышишь, что я говорю. Неужели неинте-

ресно, что именно тебя вылечит? Я с ног сбил, собирая это устройство.

— Фигура речи, — заметила Анти.

— Фигура речи, — согласился Джордан. — Начнем с того, что мы заметили, когда ты вышла в открытый космос. Холод заставил грибковую плоть отмирать быстрее, чем она росла. Правильно?

— Этот грибок родом с Венеры, — напомнила Анти. — Естественно, он плохо растет на холоде.

— Происхождение тут не причем. В нормальных условиях он не разрастается в плоти, ему приходится идти на уступки человеческому организму, и самая значимая из них — приспособление к температуре тела. В то же время, клетки человека стараются обогнать грибок в росте, но чем быстрее они делятся, тем больше у грибка питательной среды. Что-то вроде враждебного симбиоза.

— Если можно представить себе враждебный симбиоз, — перебила Анти. — Я не могу.

— Просто ты плохо старалась. В любом случае, похоже, что в одной соединенной массе должно быть какое-то соотношение между количеством грибка и энергией. Чем его больше, тем быстрее он растет, и наоборот.

— Какое симпатичное название, — произнесла Анти. — Масса. Весьма точное описание моей внешности, хотя я могу предложить и получше. Куча. — Разбрызгивая кислоту, она тяжеломерно подплыла к краю бассейна. — Ты хочешь сказать, что если удастся снизить вес до определенной отметки, то тело сможет держать грибок под контролем?

— Именно.

— А что не так с лечением, которое мы открыли? Дайте кислородный шлем, привяжите меня к тросу и выпустите за пределы купола.

— Ты не сможешь там плавать, когда включена гравитация. Кроме того, мы сделаем даже лучше. В космосе ты теряешь тепло только через излучение. Количество излучения зависит от площади тела. Чем крупнее тело, тем больше его поверхность.

— Ты имеешь в виду конвекцию, — заметила Анти. — Кислота помогает, но *холодная* кислота — это уже лечение.

— Очень холодная кислота. Сверххолодная.

Сначала Анти согласно кивала, потом перестала.

— Прекрасный образец обоснования, за исключением одной вещи. Когда понижается температура, замедляются химические реакции.

— В этом вся изюминка моего изобретения, — триумфально объявил Джордан. — Спираль не просто змеевик хладагента, но и электронное устройство, усиливающее ионизацию по мере понижения температуры. Мы в полном объеме сохраняем эффективность.

Анти беззвучно погрузилась в кислоту и некоторое время находилась под поверхностью. Когда она вынырнула, по ее лицу стекала едкая жидкость.

— Мне нужно подумать. Прошло столько времени с тех пор, как я перестала надеяться, — сказала она. — Когда я смогу ходить?

— Я не говорил, что ты сможешь ходить, — поспешно заявил Джордан. — Может оказаться, что существует предел, дальше которого проведение лечения холодной кислотой становится опасным.

— Тогда какая в этом польза? — спросила Анти. — Меня не интересует простое уменьшение веса. Я все равно останусь огромной, как дом. Мне хочется побродить по округе.

— Это первый шаг, — терпеливо объяснил Джордан. — Если добьешься успеха, придумаем что-нибудь еще.

— Какие перспективы... — проворчала Анти. — Первый шаг, который я еще даже не сделала. Вы не можете отключить гравитацию?

Это создало бы массу неудобств для всех остальных, а их насчитывалось около тысячи человек. Конечно, можно было бы найти компромисс — короткие промежутки невесомости с интервалами. Никому бы это не понравилось, но могло приободрить Анти.

Кроме того, Джордан не знал, смогут ли они отключить гравитационное поле, не останавливая работу тяги. Астероид продолжит движение по инерции и на той же скорости, но разумно ли вмешиваться в работу механизма столь важного и работающего без перерыва?

Джордан покачал головой.

— Я сказал, что мы придумаем что-нибудь еще. Так и будет. Приступай к лечению и следи, как снижается твой вес.

— Не думай, что отделаешься шуточками, — сказала Анти. — Как вы сумеете меня взвесить, если я все время нахожусь в бассейне?

— Так же, как взвешивал Архимед, — по вытесненной жидкости. Я собрал шкалу, так что можешь отслеживать процесс. — Джордан не стал говорить ей, как откалибрована шкала. Абсолютные цифры могли поверг-

нута в уныние. И только движение вперед имело значение.

Анти посмотрела на циферблат, закрепленный на бортике бассейна.

— А я думала, что это за еще одна штуковина. — Джордан не ответил, и Анти поискала его взглядом. — Эй, не оставляй меня одну мерзнуть в этой гадости.

— Ты не мерзнешь, и сама об этом знаешь. Ты вообще ничего не чувствуешь.

— Не будь таким жестоким, — принялась канючить Анти. — Никто не приходит со мной поговорить. А я люблю компанию.

— Мне тоже хотелось бы остаться, но надо работать над следующей идеей. — Никакой идеи у Джордана не было, но говорил он глубокомысленно, и это возымело эффект.

— Похоже, мне тебя не остановить, — вздохнула Анти. — Скажи кому-нибудь, чтобы навестили меня.

Она бросила на шкалу долгий взгляд. Тот факт, что она ушла не так уж далеко от средних параметров своего веса, приятно удивил Анти. Джордан считался замечательным механиком, и, хотя его изобретения работали не всегда, психологические опыты поражали остроумием.

Например, эта шкала.

Анти представилось, что она сможет почувствовать, как холод начинает пощипывать кончики пальцев на ногах — если таковые у нее еще есть. Вскоре они должны показаться из-под напластований пораженной грибком плоти. Анти чувствовала, что уже начинает линять.

Как они добиваются того, что все кажется возможным? Джордан — временами прекрасный техник и изобретатель. Дочти — талантливый инженер, но не более того. Лично в своих дарованиях не уверенный, но нетерпимый к проявлениям неравенства. А теперь еще и Кэмерон, хороший врач, пытающийся пересмотреть свои принципы. Неизвестно, стал бы он этим заниматься, если бы не мощный магнит, привлекающий его внимание. Бог знает, что доктор увидел в Ноне или она в нем.

И, наконец, сама Нона, которой легче совершать большие чудеса, чем маленькие. Есть в ней какое-то хрупкое, уязвимое величие, но она совсем ничего не знает о человеческом теле, особенно своем.

Вот на кого возлагаются все надежды. Ошеломляюще мало для противостояния со всеми силами Земли, которая их отвергла. И все же вполне достаточно. Инвалиды не сдаются.

Не имеет значения, какие у них ресурсы, пока дело движется в правильном направлении. Анти не располагала цифрами о победе над раком, но эта болезнь, некогда считавшаяся бичом человечества, была бы побеждена гораздо раньше, если бы на борьбу с ней пустили средства, выделенные на одну-единственную политическую авантюру.

Может, ответ заключается в следующем: они борются не за то, чтобы сделать красивых мужчин и женщин еще красивее, но чтобы восстановить в правах далеко не совершенных, но все еще способных (особенно с их точки зрения) приносить пользу людей.

Лампы под куполом заметно потускнели. Из-за удлиняющихся теней Анти показалось, что стрелка на циферблате вздрогнула и поползла вниз.

Джордан ехал на ремонтном роботе прочь от бассейна. Они сделали для Анти все, что возможно, но этого было недостаточно. Масса тела снизилась на пятьдесят процентов, а она до сих пор не в состоянии ходить. Надо посоветоваться со всеми, у кого могут быть новые идеи. Надеяться особо не на кого; никто иной, как сам Джордан, излагал перед Анти свои замыслы.

Механизм, на котором он перемещался, работал с перебоями. Ничего определенного, просто Джордан констатировал факт. У него хватило наблюдательности, чтобы отметить это, хотя голова была занята другими заботами. Робот замедленно реагировал на его команды. Этого следовало ожидать: есть масса неработающей техники, ранее считавшейся надежной, и вечных машин, уже отправленных в утиль.

Раньше он мог винить техников за то, что не следят за механизмами должным образом. Теперь винить некого, потому что единственный техник — сам Джордан. Нона управляется с огромными установками, Дочки разбирается со всеми остальными вопросами по мере их возникновения. Но небольшие машины тоже важны, а это — его вотчина. Ремонтные подразделения роботов могут самостоятельно справляться с серьезными поломками, но они не способны определять дефекты в основном ремонтном контуре. Это его зона ответственности.

Остановив приземистого робота, он открыл блок управления. Вроде все в порядке. Как-нибудь в другой

раз он его внимательно проверит. Взобравшись обратно, Джордан взялся за рукоятку управления, которую установил специально для себя.

Сначала робот никак не отреагировал, потом выдвинул из корпуса извивающееся щупальце. Такой команды Джордан не отдавал. Он перевел рукоятку в обратное положение; щупальце не исчезло, но гусеницы машины пришли в движение. Робот заурчал и поехал на скорости выше обычной. Джордан чуть не свалился, но манипулятор поддержал его.

Он очень удивился; такая реакция не закладывалась в функции механизма. Его построили, чтобы ремонтировать другие машины и, до известной степени, самого себя. Об уязвимости человеческого тела робот не имел никакого представления. Некоторое время Джордан обдумывал это происшествие, потом полностью забыл о нем.

Машина сильно виляла и едва не столкнулась с одной из колонн, поддерживающих купол. Столкновение на такой скорости... Что ж, колонна сильно не пострадает, но робот?

Поспешно протянув руку, Джордан собрался остановить механизм. Снопом брызнули искры, ручка раскалилась так, что затрещала. Потом вспыхнула и прямо на глазах превратилась в огарок металла.

Робот больше не спотыкался и теперь двигался уверенно. Нельзя сказать, что Джордану грозила какая-то опасность. Он мог соскользнуть и свалиться с машины. Но следовало остановить механизм, прежде чем он повредит купол или, что еще хуже, себя.

Купол накрывал значительную часть астероида, но где-то заканчивался, упираясь в грунт и соединяясь с ним гибким уплотнителем. Конечно, купол мог сопротивляться механическому воздействию, и, само собой, это сопротивление не являлось полным. Естественно, вышедший из-под контроля робот прорвет мембрану. Машину трясло и покачивало, и Джордан ухватился за щупальце. До места столкновения со стенкой купола оставалось несколько миль. Он вполне успеет обездвижить механизм.

Понадежнее устроившись на спине робота, Джордан потянулся к блоку управления и открыл крышку. Сунул внутрь руку, и тут щупальце ударило по крышке; та хлопнулась, ударив Джордана по пальцам. Он закричал и отдернул ладонь; часть кожи так и осталась в блоке управления. Крышка затворилась наглухо.

Джордан уставился на машину. Хаотично двигающееся щупальце случайно угодило по крышке, когда он засунул туда руку. Такие случайности не нравились Джордану; они очень напоминали целенаправленные действия.

Есть ли необходимость выводить робота из строя — вот о чем раздумывал Джордан. Машина относилась к ценному оборудованию; взять такую им неоткуда, ей бы еще служить и служить.

— Я с тобой легко управлюсь, — пробормотал Джордан и потянулся за лучевым пистолетом, но оружия на месте не оказалось. Скорее всего, оно вывалилось из кармана одежды при очередном толчке. Робот украсть его не мог — он не умел мыслить сложными понятиями.

Или умел? Джордан осмотрел корпус машины, увидел следы разреза лучом и понял, кто нанес эти повреждения роботу. Похоже, это тот самый механизм, который он вывел из строя, когда вместе с Доччи угонял ракету. Робота стремонтировали, а техник, занимавшийся этим, перекинул роботу цепи.

Становилось ясно, что робота необходимо остановить, пока механизм не причинил серьезного ущерба. Но теперь Джордана опутывали несколько щупалец. Он не только упасть не мог — не мог свалиться, если даже захочет.

Сейчас он мечтал о том, чтобы кого-нибудь встретить. Не хотелось в этом признаваться, но ему требовалась помощь. Увидев вдали людей, Джордан закричал. Они узнали его — тот парень, который ездит верхом на роботе... Ему махали, весело, но неразборчиво кричали в ответ, пока он проносился мимо. Джордан понял, что они не заметили ничего необычного, и почувствовал сильное раздражение.

Впереди замаячил край купола. Они ехали дольше, чем казалось Джордану. Он начал извиваться — давно следовало спрыгнуть и придумать что-нибудь, только бы остановить испорченный механизм. Если бы удалось найти рона, тот смог бы нагнать и вывести ремонтного робота из строя. Единственным оправданием Джордана служило его нежелание уничтожить ценную машину.

Используя свои невероятно развитые руки, страшным усилием Джордан оторвал от себя щупальца, бросился вниз с робота, прикрывая голову ладонями, и по-

катился по грунту, как туго накачанный мяч. Он был свободен.

Но ненадолго. Гусеницы закрутились в другую сторону, робот развернулся и, проносясь мимо Джордона, подхватил его щупальцами и усадил обратно на спину. Не останавливаясь, машина направилась прямоком к стенке купола. «Сам виноват», — подумал Джордан. После того, как робот прорвет мембрану, она снова запечатается; купол потеряет незначительное количество воздуха и одного хорошего механика.

Как оказалось, машина не собиралась врезаться в изогнутую поверхность гигантской полусферы. Подъехав к прозрачной мембране, робот обследовал ее щупальцами и, изменив направление и скорость, покати вдоль стены. Чувство самосохранения оказалось развито у него лучше, чем у остальных механизмов этого типа.

Следуя вдоль стены, робот то и дело касался ее щупальцем. Ничего примечательного в самой мембране не было — гладкая, прочная, слегка изогнутая. Машина выдвинула еще один манипулятор; на его конце зажегся прожектор, и робот направил его за пределы купола.

Снаружи раскинулся странный мир. Джордан нечасто смотрел на него; очень немногие приходили к стене, чтобы бросить взгляд за пределы купола. Когда астероид находился еще в Солнечной системе, в ярком свете Солнца сверкали острые края изломанных скал. Но теперь ландшафт всегда окутывала тьма — за исключением тех редких случаев, когда какому-нибудь любопытному не приходила мысль посмотреть, как выглядит остальная часть мира, в котором он живет. В свете про-

жектора поверхность казалась скомканной и какой-то изорванной, словно некогда здесь спал гигант, а потом проснулся и, поднимаясь, раскидал пласты породы и камни. Но не вся местность смотрелась такой изрытой: то здесь, то там виднелись ровные участки, словно спланированные какой-то мощной техникой; а может, тот самый великан перед тем, как уходить, расчистил их взмахом своей руки.

Робот погасил прожектор и сделал поворот. Увидев, куда он направляется, Джордан облегченно вздохнул — они свернули к центральному ремонтному депо, которое периодически посещали все роботы. Машина заедет в свое стойло и остановится. Джордан сможет слезть. А там уж он тщательно осмотрит механизм, прежде чем снова использовать его.

Входной проем сделали очень широким, но низким; строители не предусмотрели, что на роботах станут ездить пассажиры. В мозгу у Джордана мелькнула мысль, что его просто соскребет со спины машины. Но подобный вариант его не устраивал, да и робот должен был скоро остановиться. Джордан распластался на его спине, почувствовав, как кирпичная кладка сверху проема цепляется за одежду.

Они оказались в крупном ангаре с боксами, в которых размещались остальные роботы. В центре здания высились контейнеры с запчастями. Джордан подал голос, не слишком рассчитывая, что его кто-нибудь услышит. Отсюда роботов вызывали по радиосвязи; у них не было устройств реагирования на человеческий голос.

Машина двинулась к боксу в самом конце ангара. Здесь, вдали от входа, лампы давали мало света. Джор-

дан удивился, что они вообще здесь горят — роботам свет не нужен. Немного подумав, он решил, что это ошибка несовершенной человеческой природе со стороны машин. Вопреки ожиданиям Джордана, робот не стал останавливаться. Прогромыхав между стенок, машина свернула под острым углом, но оказались они не в парковочном боксе, а в узком и очень плохо освещенном проходе. То, что здесь висели лампочки, указывало на искусственное происхождение тесного коридора. Это не была естественная щель или разлом; просто его построили очень давно и забыли.

Дело принимало серьезный оборот. Куда направляется машина и где остановится? Джордан надеялся, что остановится. Выходы породы над головой опускались все ниже и ниже; он прижался к корпусу механизма. Острый каменный выступ оцарапал ухо. Туннель петлял сквозь сплошную скалу. К тому времени, когда коридор кончился, Джордан окончательно потерял ориентацию.

Настоящих направлений на астероиде не существовало. В сторону Солнца или от него; по направлению к госпиталю или ракетному куполу — таковы были основные ориентиры. Главный из них, Солнце, остался где-то позади. Джордан не представлял, где находится, знал только, что где-то под куполом. Потому что он до сих пор не умер — здесь был воздух.

Туннель закончился просторным гротом. Увидев его, Джордан расслабился. Тут располагалась лаборатория, совмещенная с мастерской, и он сразу догадался, кто ее устроил. Только один человек мог разобрать девятерых ронов и аккуратно разместить их головы на каменной

плите. Когда Джордан проезжал мимо на своей машине, головы медленно поворачивали глаза по ходу его движения, глядели вслед. Он оглянулся: их взгляды казались такими пристальными, что ему стало не по себе. Джордан не знал, давно ли Нона пользуется этой мастерской. Наверное, здесь она пряталась от охранников.

Машина катилась на гусеницах по гроту, и за ним следили девять пар глаз. Разглядывая головы ронов, Джордан заметил, что они не просто расположены в ряд, но соединены друг с другом сложной электронной схемой, в которой угадывается некая трудноуловимая последовательность. Назначение ее осталось непонятным.

Ремонтные роботы за пределами собственной компетенции оказывались полными идиотами. Роботы общего назначения, роны, относились к высшему типу и по сравнению с ремонтными могли считаться дебилами. Могут ли девять дебилов быть умнее одного? В случае с людьми — не обязательно; обычно в собрании умственно неполноценных коллективная глупость лишь усугубляется. Но в случае с электронными мозгами путем применения вычислительных модулей можно создать комбинацию, способную заменить систему оценки точных данных.

Джордан слишком круто повернулся, чтобы лучше видеть головы на плите, и свалился с машины, удерживавшей его в плену. Он был свободен.

Первым импульсом стало желание немедленно бежать отсюда. Но прикинув, сколько ему придется тащиться по запутанному лабиринту, он решил обождать. Может, подвернется что-нибудь получше. Поднявшись,

Джордан стер со щеки каменную крошку. В нос набилась пыль, и Джордан чихнул. На него сразу уставились восемнадцать глаз.

Ремонтный робот больше не обращал на него внимания. Занес куда-то, не хотел отпускать, а теперь не замечает. На лабораторном стенде лежало нечто, интересовавшее робота гораздо больше. Очевидно, он получил твердую установку и намеревался выполнить ее. Заниматься он мог только техническим устройством, которое требовалось либо отремонтировать, либо собрать.

Что же там лежало? Какой-то механизм. Робот выдвинул визуальный стебель и просканировал предмет на стенде. Вытянув шею, Джордан попытался рассмотреть поверхность стола. Тщетно. А робот выдвинул еще несколько манипуляторов и взялся за работу.

Любопытство Джордана усилилось. На руках он перекинул тело поближе к стенду, ухватился за край и подтянулся. Поверхность стола покрывали детали разобранных ронов и всякие электронные детали. Передвигаясь на локтях, Джордан медленно влез повыше, чтобы лучше видеть, над чем корпит его робот, яростно щелкающий микродатчиками.

Увиденное разочаровало Джордана. Он ожидал обнаружить сложную машину, но там ничего не оказалось, кроме ленты, сплетенной из тонких кабелей, причем с прямоугольным куском металла на одном конце. Какой-то ремень с пряжкой. И эта штукавина просто заворожила ремонтного робота.

Джордан подполз поближе. Робот гудел, дрожал, щупальца двигались в раскиданных деталях, сортировали, раскладывали их и пододвигали к тонким манипулято-

рам, присоединявшим новые элементы к узкой проводочной полосе. Время от времени замирая, робот принимался озадаченно жужжать. Ничего не происходило, и машина возобновляла трудовой процесс. Джордану все стало ясно: ремень не функционировал надлежащим образом, и робот его ремонтировал.

Постепенно движения машины замедлились, а остановки становились продолжительнее. Он клацал и гремел, щупальца двигались беспорядочно, пока не замерли. Задание выполнить не удалось. Робот жалобно взвыл и замер, больше не подавая никаких звуков.

Джордан протянул руку к предмету, в любой момент готовый отдернуть ее, если возникнут возражения. Не возникло. Он внимательно рассмотрел изделие и понял, что ЭТО НЕ ПОЯС. И металлический прямоугольник не пряжка, хотя вполне может ее заменить. На самом деле ремень являлся электронным устройством, хотя Джордан понятия не имел, для чего оно нужно.

Один из экспериментов Ноны. В этом не было сомнений. И состоял пояс не из проводов, а из мельчайших деталей, соединенных вместе, образуя затейливый узор. Джордан фыркнул: робот не сумел разобраться с устройством, изготовленным Ноной.

Он еще раз внимательно исследовал изделие. Нашел место, от которого робот начал добавлять детали. Джордан постепенно и аккуратно удалил эти элементы. Если бы Нона решила, что они здесь нужны, то присоединила бы их сама. Им тут не место.

Вернув устройству первоначальный вид, Джордан недоуменно воззрился на него. Вещь вполне годилась для

использования в качестве пояса. Он застегнул его под грудью и коснулся выступа на пряжке.

И тут же понял, для чего и для кого предназначено изделие. И не удивился, что оно прекрасно работает.

Он не ошибся в ожиданиях. Нона редко терпела неудачи. Чего Джордан не заметил — а на его месте не заметил бы никто — так это три мельчайшие детальки, добавленные роботом, слишком маленькие для человеческого глаза. Эти три элемента были совершенно необходимы. Без них пояс не смог бы функционировать. Их отсутствие заставило Нону отказаться от задумки, как бесперспективной.

10

В кабинете с шумом появился Джед Веббер. Он тяжело ступал левой ногой, а левая рука раскачивалась сильнее правой. В остальном почти ничего не напоминало о прежнем робком и неловком мужчине, каким он был несколько недель назад.

Дочки поднял взгляд.

— Мои расчеты верны?

— Я так и думал, что верны, просто хотел удостовериться. Это одна из звезд Центавра. — Веббер улыбнулся.

— Настолько близко, что вы решили прийти?

— Судя по показаниям этого телескопа, да. У него сильная прецессия. Кстати, кто его изготовил?

— Я.

Веббер снова ухмыльнулся.

— В таком случае, получилось очень даже неплохо. — Веббер с трудом удерживался от желания посмотреть вниз, но Доччи видел, что настоящая нога у него подгибается.

— Благодарю. Вы прикинули скорость?

Веббер крякнул.

— У нас нет спектроскопа, а без него не измерить световое смещение. — Он нерешительно потер подбородок. — Если только вы и спектроскоп не собрали и не припрятали до поры до времени.

— Не припрятал. Телескоп я собрал, когда еще только попал сюда. Потом понял, что даже мне он не нужен, и на этом остановился. — Доччи ненадолго задумался. — В медицинской лаборатории есть анализатор. Можете его позаимствовать, только не вносите никаких изменений. Мы не можем рисковать единственным прибором для проверки синтетиков.

— Нам не нужно знать, с какой скоростью мы движемся. Долетим достаточно быстро. После рабочей смены посмотрю анализатор. Есть вероятность, что он справится с поставленной задачей.

— То, чем вы заняты, и есть работа. Вы не должны работать больше, чем кто-нибудь другой.

Веббер криво улыбнулся.

— О, я такой же лентяй, как и все. Но у нас не хватает рук для тяжелой работы. Я думал, пойду, помогу хоть немного.

Доччи ожидал от Веббера подобного прозрачного намека.

— Хотите сказать, что люди жалуются на нехватку ронов?

— Я ничего не хочу сказать, но да, жалуются.

— Мне это известно. Вы не открыли для меня ничего нового. — Дочки откинулся на спинку кресла. — Вы считаете это несправедливым, но мне так не кажется. Никто не сделал для нашего общего дела больше, чем Нона. Я ей ни в чем не отказываю, дам вдвое больше ронов, если потребуется и если они у нас будут. А отдачу получим такую, о какой и мечтать не смеем.

— Согласен. Но не все так думают.

— Это ничего. В трудные времена все жалуются. И они могут обращать недовольство на нее. На самом деле это показатель ее важности, а обвинения настолько бездоказательны, что люди сами в них не верят.

Веббера слегка качнуло. Впервые со времени его прихода нарушилась координация между механической и мускульной частями тела.

— Вы правы. Я думаю, что если бы мне было что им сказать, все успокоились бы.

— Возможно, на некоторое время. У меня нет секретов. По правде говоря, я сам не знаю, как она их использует.

Если это объяснение и не полностью убедило Веббера, то только потому, что он сам не хотел верить. Некоторые придерживались того же мнения. Дочки никого не винил за желание использовать каждую единицу техники на астероиде. Такое отношение к делу он считал нормальным. Недовольство, настоящее или надуманное, не опасно, пока высказывается в открытую. Хуже будет, если Веббер, например, начнет скрывать свое мнение. Дочки проводил астронома взглядом и снова склонился над работой.

Через несколько часов заглянул Кэмерон, чтобы утрясти некоторые рабочие вопросы.

— Требуется пара работников в лабораторию, — сообщил он с порога.

— Я думал, Джерианн справляется.

— Она неоценима. Но так продолжаться не может. Вдруг она заболит? Я хочу, чтобы она обучила синтезу еще кого-нибудь. Слишком много Джерианн взвалила на свои плечи.

Дочти уперся коленом в край столешницы и откинулся в кресле.

— Звучит разумно. У вас есть кто-то на примете?

— Джерианн рассказала, что с ней раньше работали две женщины. С ними не придется начинать с нуля. Она сообщит вам их имена. — Кэмерон взял карточку, кратко записал на ней что-то и сунул в карман Дочти. — Это для вас. Мы сократили количество трудных случаев с дефектными до трех. Для всех остальных мы в состоянии синтезировать препараты.

С сорока двух до девяти, а теперь до трех. На такой прогресс они и рассчитывать не могли, и в этом прежде всего заслуга Кэмерона. Дочти неправильно судил о намерениях доктора и теперь мог признаться себе в этом. Он вел себя искренне и, кроме того, очень увлекся Ноной.

Эти успехи вкупе с наращиванием производства продовольствия на астероиде решали важнейшие проблемы населения астероида. Энергия к проблемам не относилась и относиться не будет. Оставалось только одно маленькое сомнение, и, хотя оснований для серьезных тревог вроде бы не было, Дочти никак не мог выбро-

сильно его из головы. Ему хотелось, чтобы доктор развеял эти опасения.

— Мы не можем заместить все, в чем нуждаются наши дефектные пациенты, — продолжал свои рассуждения доктор. — Но они в любом случае проживут на том, что создает наша лаборатория.

— Они будут страдать от нехватки препаратов?

— Вряд ли, — ответил Кэмерон. — Тело более универсально, чем вы думаете. Давно известно, что некоторые витаминные комплексы создаются организмом из простейших веществ. В нескольких случаях мы будем зависеть от аналогичных процессов. Мы вводим простые соединения, и уже от тела зависит их переработка. Потом проверяем, производит ли организм новое вещество.

— Хорошо. Когда вы вычеркнете из чрезвычайного списка последние три фамилии?

— Две уже можно вычеркнуть. Не имеет значения, когда мы ими займемся, если только не затянем решение этого вопроса на долгие годы.

Не трудно было догадаться, кто остается в списке последним. Морин. Дочки никак не мог забыть о ней. Теперь за нее отвечал доктор, но Дочки считал иначе.

— Она не доставляет хлопот, — подчеркнул Кэмерон. — С каждым днем становится все более женственной, и у нас есть явные тому доказательства, но мы предпринимаем меры.

— Ограничение свободы?

— Нет, изоляция разума. Снотворное. Мы говорим, что делаем обычную инъекцию, а потом ей просто хочется побыть одной.

Все оказалось хуже, чем рассчитывал Дочки, но ничего другого он предложить не мог.

— Сколько Морин продержится на снотворном?

— Трудно сказать. Реакция варьируется в зависимости от личности пациента. Может получиться так, что совсем недолго.

Лицо у Дочки потемнело.

— Вы говорили, что не можете пересадить ткани от кого-нибудь из нас. Это касается и гормонов, выделенных из донорской крови?

— Давайте скажем так: кровь вовсе не поможет Морин. Мы не способны выделить полный спектр гормонов из крови. Но все дело в том, что некоторых основных необходимых гормонов в крови просто нет. Если бы я думал, что это поможет, то давно попросил бы о сдаче донорской крови.

Дочки постарался выбросить из головы привидевшуюся ему картинку: Морин одна в комнате с затемненными окнами; ей не хочется смотреть наружу. Если толкнуть дверь, она откроется, но Морин к ней не подходит. Замок на двери невидимый, поэтому его невозможно сломать. Он откроется, когда у Морин помутится разум.

— И это весь ваш план? — спросил Дочки. — Ждать и наблюдать, что случится?

— Вовсе нет. Я поручил Джерианн работать над синтезом только тех гормонов, которые мы не можем получить из крови. Если у нее хоть что-нибудь получится, мы объявим о сдаче крови и постараемся выручить Морин из беды.

Дочки воздержался от вопроса о том, каковы у Джерианн шансы на успех. Возможно, лучше ему не знать. Он хотел продолжить беседу, но в кабинет ввалился Джордан, бодрый и веселый. С обоюдного молчаливого согласия Кэмерон и Дочки решили оставить обсуждаемую тему.

— Где вы были последние несколько дней? — спросил Кэмерон. — Я хотел попросить вас отремонтировать оборудование в госпитале.

— Демонтировал робота.

— Дело важное, но госпиталь прежде всего, — высказался Дочки.

— Только не в этом случае, — возразил Джордан. — Он стал неуправляемым, и пришлось перебрать блок управления, прежде чем ему вздумается взглянуть на ядерный реактор. Если бы он туда забрел, не стало бы ни робота, ни реактора, ни астероида. Не говоря уже о госпитале.

— Вы преувеличиваете.

— Нисколько. Видели бы вы его. Он стал даже любопытнее, чем, скажем, Анти.

— И любопытнее тебя? — спросил Дочки, добродушно посмеиваясь над другом. — Приведи в порядок оборудование у доктора, как только сможешь.

— На самом деле мне не к спеху, — подал голос Кэмерон. — Кстати, вчера я видел Анти. Ваше лечение действует прекрасно, она выглядит почти как человек.

— Для меня она всегда оставалась человеком, — сказал Джордан.

— Простите. Я никого не хотел обидеть.

— Ну, конечно, понимаю. Это был комплимент. — Джордан на секунду напрягся, но тут же снова заулыбался. — Во всяком случае, сходите к ней сегодня же. Дела идут все лучше. Мне не пришлось подстраивать стрелку, чтобы сделать ей приятное. Теперь она видит фактические показатели.

— Хорошо. Только не переусердствуйте с обещаниями блестящих перспектив. Иначе ей будет тяжело узнать, что ходить она сможет лишь через несколько лет.

— Она встанет на ноги гораздо раньше, чем вы думаете, — уверенно заявил Джордан, и тут доктор совершенно не к месту хихикнул. Весь оптимизм Джордана пропал, настроение испортилось. Он пришел, чтобы кое-что им рассказать, но вдруг почувствовал, что не хочет. Кэмерон думает, что ведет себя нормально, но он заблуждается. Доктор постоянно забывает, что имеет дело не с обычными людьми. Его поведение недопустимо ни в отношении Анти, ни в отношении Ноны или Джордана и даже вроде бы бесполезного робота. Он многого не понимает, поэтому пусть подождет, и Дочки тоже. Так решил Джордан.

— Я нашел место, где в последнее время Нона занимается своими делами, — проворчал он. Потом рассказал, где находится грот, умолчав о том, как попал туда. И подробности увиденного в убежище Ноны тоже решил не сообщать.

Пока Джордан говорил, Кэмерон с отсутствующим видом смотрел в окно.

— Очень рад, что вы об этом рассказали, — проговорил он наконец. — Надо посмотреть, чем я ей могу по-

мочь. Я имею в виду, что будет полезно понаблюдать за ее работой.

— Работает она очень просто, — ответил Джордан. — Возится, копошится, но под ее пальцами вещи становятся на свои места.

— Могу себе представить. Я видел, как оперируют великие хирурги. — Кэмерон собрал свои заметки и вышел.

Джордан некоторое время раздумывал, следует ли рассказать Доччи, о чем он решил не говорить в присутствии доктора. Все собирался начать, но чем дольше собирался, тем меньше хотел делиться новостью. В конце концов, Доччи надоело болтать ни о чем, он снова склонился над столом, а Джордан, так и сохранивший свой секрет в неприкосновенности, покинул кабинет, перекидывая тело на руках.

Оставшись в одиночестве, Доччи озабоченно нахмурился. Скоро Кэмерон попробует чем-нибудь помочь Ноне. Кто-то должен этим заняться. Сам он не может. Ему хватает повседневных забот, которыми приходится заниматься, чтобы астероид жил нормальной жизнью. Он чувствовал облегчение от того, что можно больше не переживать за Нону. Тем не менее, все вокруг казалось каким-то серым, пока, наконец, к нему не заглянула Джерианн, чтобы посмотреть личное дело одного из пациентов.

Вначале была тишина, и она никогда не менялась. Ни один звук не нарушал безмолвия. Свет сменялся тьмой более-менее регулярно, но та вселенная, в которой она обитала, не знала ни шумов, ни разговоров, ни музыки. Но она этого не замечала.

А еще в ее вселенной обитали машины, и в случае с ними тоже наблюдалась дихотомия. Некоторые были теплыми и мягкими, и эти качества отличали их от других, твердых и холодных. Теплые начинали бытие очень маленькими. Потом они выросли, но сами не знали, как это делали. И она не знала. Когда-то она была маленькой и не помнила, чтобы что-то делала для изменения этого состояния, но оно изменилось.

О твердых машинах она знала больше. У них сверху не всегда имелись устройства, принимающие изображения. Некоторые оказывались слепыми, а другие видели больше, чем она, хотя и не совсем тем же способом. Она никогда не могла понять с первого взгляда, кто из них на что способен.

Существовала одна маленькая, глупая, суетливая машина, вечно снующая вокруг в поисках какого-нибудь дела, которую она открыла однажды для себя. На Земле она жить не могла, потому что в ней оказался неожиданный изъян. Она сама почувствовала этот дефект и не успела взяться за его исправление, как поняла, что ей неожиданно повезло. Любопытных машин — миллион, но все они являлись механизмами и действовали в строго установленных рамках. Эта же оказалась уни-

кальной. Отклонения в процессе производства, незамеченные изменения в плотности материалов и некоторые нарушения других характеристик привели к появлению необычайного, прекраснейшего устройства, создать подобное которому удастся раз в сто лет.

На полпути она переменяла решение и стимулировала базовую чувствительность машины. В последнее время она ее не видела и очень надеялась, что кто-нибудь несведущий не перечеркнет ее труды.

При прикосновении внешняя сторона вещей трансформируется во что-то странное. Там, где не хватает взгляда, всегда можно коснуться реальности, впитать ее через кожу; так приходит понимание в развивающийся ум. Но что такое понимание? Часть его всегда остается вовне, и всякий раз ей удастся сделать к пониманию лишь небольшой шаг.

Она повернула голову, лежавшую на стенде. Ничто не нарушало тишины. (Что такое тишина?) Остальные головы на рабочей поверхности не шелохнулись. И не должны. Когда-то они соединялись с неуклюжими механизмами и умели передвигаться до известной степени свободно. Теперь они этого не могут, зато вращают световыми рецепторами, куда захотят.

Но они не знают, на что им смотреть.

Сама она не может смотреть на приближающиеся вещи. Это потому, что глаза у нее несовершенны. Хрусталики слишком пластичны, а нервные окончания чересчур грубы и громоздки, чтобы улавливать быстрые бесконечно малые световые сигналы. А может, все дело в проникающей способности сигналов, и она просто не может воспринять их своими органами чувств.

Она объединила головы, чтобы они помогали ей, связала воедино, чтобы усилить их возможности. И все равно они не видят, потому что та штука, которая отвечает за их зрение, работает слишком медленно. Соединение само по себе не улучшило их способности видеть.

Поблизости находился и быстрый мозг, хотя и ленивый. Ему нравилась рутина, если суть ее была ясна. И срабатывал он мгновенно. Будучи слепым, он мог принимать неуловимые импульсы и интерпретировать их для тех, у кого есть глаза. И мозг, пусть неохотно, но присоединялся к ней, если удавалось заинтересовать его игрой, в которой он мог выиграть. И он всегда обыгрывал эти девять голов, хотя, возможно, они и объединяли свои усилия. Поодиночке они поражали ограниченностью, и собранные вместе казались немногим лучше. Всего и достоинства, что электронные.

Существуют ли нематериальные, неосязаемые машины? Иногда ей казалось, что существуют. Люди кривят рты (и не потому, что улыбаются), чтобы выразить понимание. Она способна ощущать толчки воздуха, исходящие от их губ, но эти импульсы не содержат информации. Это не похоже на вибрации, исходящие от машин, гармоничные и содержащие сведения о невидимых структурах. Гармоничные вибрации пронизывают любой механизм, через них можно постичь все секреты машины. Но то, что исходит изо рта, не имеет смысла, ни о чем не сообщает, а если сообщает, значит, ее руки и кожа не способны интерпретировать информацию. (Люди — это мягкие машины, подающие неправильные сигналы. Такое трудно понять.)

У нее всегда были умелые руки. Она плела провода так плотно, что от поверхности готового изделия отражались блики случайно падавшего света. Каждая прядь куда-то вела. Удалив крышки с голов роботов, она сгруппировала их теснее. Машины начинали сбрасывать с себя ущербную индивидуальность. Они сливались, становились больше и сильнее. С ними еще многое предстояло сделать, но она не могла.

При всей легкости ее касаний, они оказывались недостаточно точны. Попадались детали настолько мелкие, что ее глаза не могли их увидеть. Она привлекла к работе ремонтную машину, чьи микродатчики отвечали поставленной задаче. Она предпочла бы использовать ту, которую сама отремонтировала некоторое время назад (на самом деле, она оказалась очень сообразительной), но машина исчезла, и она не знала, где ее искать. Во всяком случае, этой пока хватало.

Ее настроили на простой ремонт готовых изделий, но то, что от нее требовалось, еще не могла выполнять. Она изменила инструкции; они ей все равно не нравились.

Она залезла в машину и решила проблему. Устройство оказалось сложным, и она не знала, сколько дополнительной информации потребуется роботу-помощнику. Когда она, наконец, закончила, машина принялась брнчать, но не двигалась.

Она подождала, но ничего не происходило. Робот, чувства которого стали острее, чем у нее самой, оставался будто замороженным и сбитым с толку. Она в нетерпении изменила формулировку проблемы, перефразировав ее так, чтобы она почти немедленно доходила

до каждой части электронной схемы робота. Там, где она казалась сложной, упростила, сведя до команды, которой машина могла подчиниться. Наконец она заработала, поначалу медленно.

Она точно воспроизвела сплетенную ранее сеть. Получив одобрение, начала следующую, похожую на первую, но гораздо мельче, и произвела их целую серию, подключая каждую следующую к предыдущей. Удовлетворенная тем, как робот выполняет инструкции, она оставила его. Робот продолжил изготавливать все более миниатюрные цепи; финальная должна была получиться достаточно чувствительной для информационного взаимодействия с гравитационным компьютером.

Кроме того, у нее имелась собственная работа. Мало было связать ронов с гравитационным компьютером. Следовало показать то, что она обнаружила давным-давно, но показать это предстояло людям. А глаза у них даже менее чувствительные, чем у нее.

К счастью, эта часть работы оказалась самой легкой. Она подошла к экрану и принялась изменять его — настраивать так, чтобы он развертывал в картинку информацию, поступавшую из гравитационного компьютера в головы ронов. Как костяшки домино — все завалится, если упадет первая. Экран станет последней костяшкой в ряду.

— Привет, — произнес голос. — Значит, вот где ты все время пропадаешь. Какое мрачное место для работы.

Голоса она не слышала, но почувствовала шаги и дуновение воздуха по коже. Она обернулась, продолжая ловко и уверенно работать руками. Ей не требовалось видеть, чем они заняты. Она невольно улыбнулась.

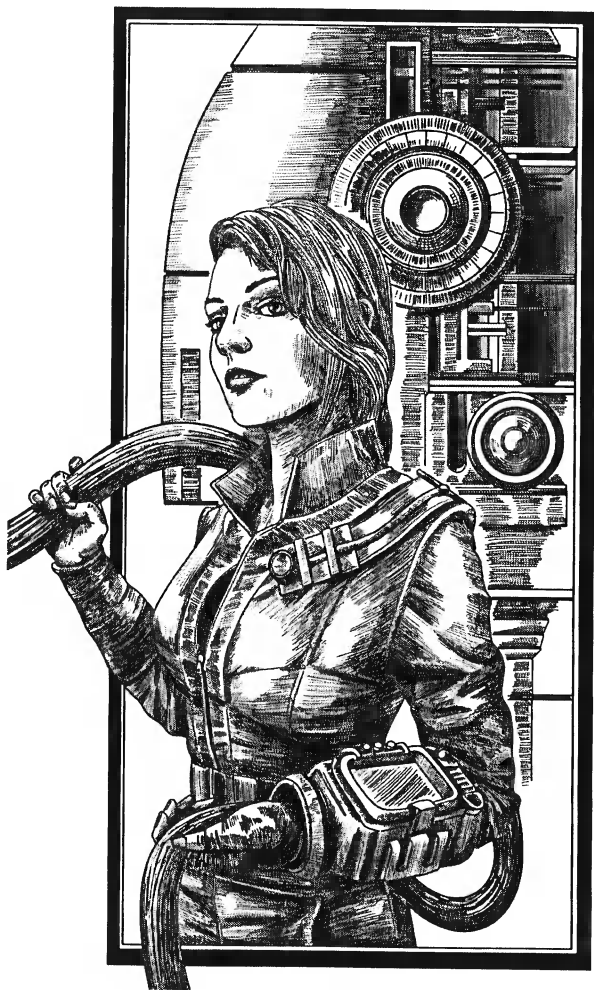
Он прислонился к стене, наблюдая за ней. Почувствовал неловкость от того, как она на него смотрит. Так хотелось, чтобы она сказала что-нибудь, но ему всегда этого хотелось. Когда-то он выдвинул тезис, что для механика глухота не является изъяном, учитывая шум, производимый машинами. Глухой может вынести такой уровень шума, который для среднего человека невыносим. И разговаривать ему не обязательно, потому что никто ничего не услышит.

Проволочная сетка под ее пальцами быстро росла. Она заметила, что работает лучше, когда он рядом. Почему так происходит?

— На что ты реагируешь? — грубовато спросил он. — Диаграммы, светоконии? Если так, то, будь я проклят, мне придется заняться этими вещами. — Он неуверенно рассмеялся. — Ну, давай. Помогите мне хоть немного. У меня есть некоторые идеи, и они помогут тебе выбрать из раковины, если ты попытаешься ответить.

Он тоже ремонтировал вещи — теплые мягкие механизмы. Ей думалось, что для этого требуются руки еще более ловкие, чем у нее. Он не был столь сведущим, как она, хотя она могла научить его. Как много он сумел бы сделать, если бы осознал. Но ему мешал рот. Вместо того, чтобы думать, он часто шевелил губами.

— Послушай, девушка с лицом робота. Я бросил карьеру из-за тебя. Думаешь, они не взяли меня назад? Медсовету это не понравится, но я стану народным героем. Иногда им выгодно, чтобы герои погибали. Но что бы они там ни думали, это было наилучшее из возможных решений. Теперь им не нужно ломать голову о таких, как ты, об этом богом забытом астероиде. Они

выбросили вас из головы и даже в страшном сне больше не увидят.

Она снова улыбнулась, и это вывело его из себя. Что бы он ни говорил, что бы ни делал — никакого эффекта.

— По крайней мере, подай знак, что узнаешь меня. Прекрати работу. Не так уж она важна.

Он грубо ухватил ее и подтащил к себе. Изделие чуть не выпало из рук. Она продолжала держаться за плетение, но и уклоняться от этого человека не хотела. Пусть посмотрит на нее вблизи, если желает. Удивляло только то, насколько сильно ему этого хочется.

Потом он отпустил ее.

— Беру свои слова назад, — тихо сказал он. — У тебя лицо не робота. Никакого сходства с машиной. Послушай, я сейчас сделал открытие: выражение твоего лица может меняться. — Робот-помощник, продолжавший трудиться, лязгнул щупальцами и поехал прочь от лабораторного стенда, на ходу слегка задев доктора.

Кэмерон слепо посмотрел вниз, на движущуюся машину.

— Что я делаю? — смутно произнес он. — Ты же ребенок. Ты ровесница Джерианн, почти одного возраста со мной, но в этих делах ты не больше чем ребенок. — Согласна ли она на такое обращение с собой, и как ему узнать, что согласна? А может, проблема как раз не в этом? Что он вообще сумеет ей объяснить? Он обнял ее и задумчиво, поверх волос, уставился на головы ронов на стенде, соединенные кабелями. Экран замигал и озарился ярким светом.

Эта вспышка оторвала его от раздумий. Ему показалось, что он только что понял нечто очень важное, и ес-

ли бы у него было несколько минут, он мог бы сформулировать это знание таким образом, что навсегда затвердил бы его. Но на экране появился контур предмета, который он не мог игнорировать. Картинка дрожала и никак не могла сфокусироваться, пока прием не настроился, и изображение не стало более четким.

Это был корабль.

Корабль. Он уронил руки.

— Не отказывайся от меня. Я не собираюсь бросать тебя. — Ему только показалось, или корабль увеличился в размерах? Горло пересохло и сжалось. Корабль — последняя вещь, которую ему хотелось бы увидеть. — Не знаю, что мы станем теперь делать, Нона, но идем. Посмотрим.

Она прислонилась к стене, не выказывая желания следовать за ним. Казалось, она обеспокоена, но он мог поспорить, что не тем, что встревожило его.

— Идем, — повторил он. — Мы должны сказать остальным.

Все равно она не двигалась.

— Я здесь не могу оставаться, — пробормотал он и, поцеловав ее, поспешно вышел, словно боялся, что может передумать.

Она смогла сделать вывод, что внезапное появление корабля на экране расстроило его. Вероятно, он думал, что они одни в космосе, что эта бесконечность пуста. Ему следовало знать. Она заметила корабль давно и гадала, что это значит. С этим предстояло разобраться.

Она никак не могла понять, что с ней происходило, когда он коснулся ее. Другие пробовали оказаться ближе, но она либо протестовала, либо оставалась равно-

душной, и они уходили. Но случившееся здесь выходило за пределы ее опыта. Она думала, что имеет смысл касаться только машин — это позволяло понять, что они такое. Но вступить в контакт с ним и сразу все узнать про него — да и про себя тоже... Теплый мягкий механизм, каковым она являлась, вел себя странно, он никогда не испытывал ничего подобного.

И она была в замешательстве, потому что всегда чувствовала себя так, если он оказывался рядом. Но она не возражала.

Она закрыла глаза, чтобы видеть его яснее.

Дочти осторожно обогнул одну из колонн, поддерживающих купол. Некогда она казалась тяжелой и непоколебимой, а сейчас выглядела восхитительно стройной. Купол над головой не защищал от давящей сверху темноты. Сейчас они находились на темной стороне астероида и смотрели назад, туда, откуда летели. Звезды горели слабым тусклым светом.

— Где вы его увидели? — спросил он после долгого молчания.

— В том самом месте, про которое рассказал Джордан. Глубоко под землей; мне думается, это возле одного из реакторов. Я потрогал стену — она теплая.

— Где-то пониже гравитационного компьютера, — произнес Дочти. — Не понимаю, почему именно там, но у Ноны есть для этого причина. Вот что мне хотелось бы узнать: как вы объясняете появление корабля?

— Что? — переспросил Кэмерон. — О, это я предоставляю вам. Никак не объясняю.

Дочки размышлял, почему доктор выглядел менее озабоченным, чем следовало бы. Ладно, пусть пока витает в облаках. Это продлится недолго.

— Можно упростить вопрос: как он здесь оказался?

— И этого не понимаю, — ответил доктор. — Хотя летим мы недолго, немногим более месяца.

— Шесть недель, если говорить точно. Шесть недель по нашему календарю.

— Понимаю, относительность времени. Слышал, мы приблизились к скорости света, но не думал, что это имеет большое значение. — Он взглянул на свои наручные часы, словно пытался постичь тайну времени. — А сколько прошло после нашего отлета по земному календарю?

— Не знаю. У нас нет вычислений ни по ускорению, ни по скорости в настоящий момент.

— Что планируете делать? Нельзя же просто сидеть и ждать, когда они нас настигнут.

— Не знаю. Но мы не беспомощны. — Четкие планы у Дочки пока не складывались. Предстояло со многим определиться, прежде чем что-то решать. — А вы уверены, что это один из наших? Что это не чужой корабль?

Такая мысль в голову Кэмерона не приходила. Перед тем, как ответить, он припомнил очертания корабля.

— Я не знаком с классификацией ракет, но это наш, если только инопланетяне не говорят на английском языке. На нем написано название. Я его отчасти прочел. Заканчивается на «— тория».

— Класс «Виктория», — сказал Дочки. — Самый крупный из построенных. Одно время они предназначались

для межзвездных полетов, пока гравитационная тяга не потерпела фиаско.

— Но как они сумели? — спросил Кэмерон. — Я хотел сказать, как у них получилось послать погоню так скоро, даже учитывая тот факт, что мы летим дольше, чем нам кажется, быть может, два или три месяца, а не шесть недель?

Ничего определенного Доччи сказать не мог, но, по его мнению, летели они уже около полугода по времени Земли.

— Все правильно. Корабли ржавели в космопортах, и их оставалось только почистить и снабдить гравитационные компьютеры информационными блоками. Они могли начать работы, когда мы еще находились в пределах Солнечной системы, а охранники искали Нону.

Ирония судьбы заключалась в том, что их собственное открытие использовали против них же. Сначала Нона воскресила гравитационную тягу, потом Доччи по собственной неосторожности дал им подсказку. Его бездумное замечание о том, что тяга будет функционировать и без Ноны, взяли на заметку и передали на Землю. Очевидно, сделал это инженер Фогель. Кто-нибудь все равно родил бы эту идею, но он, Доччи, подарил им несколько недель. А каждая неделя имела высокую цену. За неделю можно захватить или потерять астероид.

Пока они шли, Кэмерон хранил молчал, потом высказался:

— Корабль есть, но мы не знаем, где он. Давайте не будем волноваться, пока не определим, куда он направляется.

Дочки не ответил. Собранный Ноной сканер обнаружил меж звезд корабль, находившийся, по прежним понятиям, непостижимо далеко. Но в последнее время расстояния сократились. За ними летит корабль, он где-то не так уж далеко. И он не на увеселительной прогулке.

У бхода в госпиталь они коротко переговорили и расстались. Кэмерон отправился разыскивать Джерианн. Дочки пошел в свой кабинет и попробовал определить место нахождения Джордана, но безуспешно.

Наконец он отказался от этих попыток. У Джордана имелись собственные представления о том, что важно, а что нет, и в последние дни он был таинственно немногословен и поглощен неким делом, о котором не хотел рассказывать. Даже пробовал утаить, что чем-то занят. Дочки переключил усилия и, наконец, вышел на связь с Веббером. В такой момент годилась любая помощь. Веббер, конечно, Джордана не заменит, но и он сойдет. Больше всего ему сейчас хотелось, чтобы рядом находилась Анти, но она не могла покинуть свою тюрьму — бассейн. Им не хватало Анти. И всегда будет не хватать, пока она в заключении.

Ожидая Веббера, Дочки присел. Ему требовалось отдохнуть. Раньше он надеялся, что за ними не отправятся в погоню так скоро. Нужно найти какой-то способ оторваться от преследователей. Но этот корабль являлся не самой большой опасностью, грозившей им.

— Полагаете, она здесь пряталась, когда охранники ее искали? — спросил Веббер.

— Не похоже, — сказал Доччи, стараясь идти с ним в ногу. Композитное тело астронома позволяло ему чувствовать себя сильнее, о чем он раньше не подозревал. Но трудно было долго подстраиваться под темп движения Веббера. — Но и здесь они смотрели.

Смотрели, но насколько тщательно? Когда-то астероид представлял собой часть планеты, кусок мира с атмосферой, океанами, озерами, потоками. Вода проникала в грунт, создавая в коре скрытые полости и ослабляя ее. Давным-давно, когда разразилась катастрофа, кора внезапно треснула. Планета раскололась, и гигантские глыбы отделились друг от друга — мощный удар довершил работу, начатую водой. Полости превратились в подземные гrotы, извилистые каверны в скалистом грунте, которые пересекались с туннелями, построенными людьми.

Какой бы им ни отдали приказ, охранники наверняка не стали внимательно обследовать гrot. Под давлением повышенной силы тяжести разломы могли так же внезапно сомкнуться. Возможно, посланные на поиски люди ограничились чисто символическим осмотром.

— Если станем приходить сюда чаще, найдем, наверное, путь поудобнее, — пыхтя, проговорил Веббер.

Доччи про это уже думал. Об этом можно будет поговорить, когда он увидит, что сканер подлежит транспортировке. Подходящее место — гравитационный центр. Насколько он мог судить, центр располагался прямо у них над головой.

Когда они почти уже пришли, из туннеля донеслись голоса.

— Не знаю, что их задерживает, — бурчал Джордан. — Возможно, нам не стоит ждать.

— Он искал тебя, — говорила Джерианн, и голос ее далеко разносился в тишине подземелья. — Говорил, что тебе необходимо срочно идти сюда.

— Всего на несколько минут опаздывают, — упрекнул Кэмерон. — Радуйтесь, что мы вас нашли, а то все пропустили бы.

— Что значит «радуйтесь»? — проворчал Джордан. — Я как раз сюда направлялся, когда вы принялись вопить.

— Ты видел, как он работает? — спросила Джерианн. — Кэмерон говорил, ты это место нашел.

— Если бы видел, рассказал бы тебе. Когда я в последний раз сюда приходил, сканер еще не работал. Я считал, Нона даст нам знать, когда будет готова.

Туннель резко свернул, и хотя они слышали голос Джордана, слова стали неразборчивыми. Постепенно наступила полная тишина; сказывался какой-то акустический эффект, продолжавшийся, пока туннель снова не повернул, и они не оказались в гроте.

Прежде, чем их заметили, Доччи успел обвести подземелье взглядом. Девять голов, снятых с ронов, о которых рассказывал Кэмерон, едва виднелись из-под массы кабелей и разъемов. Нона усовершенствовала сканер. Некоторые компоненты он распознал, но составить себе полного представления о системе не сумел.

Ему показалось, что он угадывает общие контуры устройства. Несомненно, оно имело отношение к гравитации, но какое именно, он не знал. Если бы Доччи

располагал временем на раздумье, то смог бы догадаться, что перед ним очередное изобретение Ноны, связанное с гравитационным компьютером.

— А вот и они, — объявила Джерианн, оказавшаяся рядом с Доччи. Как она подошла, он не заметил. Только что говорила с Джорданом — и вот уже стоит рядом.

Джордан повернулся к ним; Нона поправляла какие-то контакты в путанице проводов, потом подошла поближе к доктору.

— Все мы знаем, зачем здесь собрались, так что обойдемся без предисловий, — сказал Доччи. — Кэмерон, вы можете попросить Нону, чтобы включила сканер?

— Я установил с ней контакт, но на довольно примитивном уровне, — ответил Кэмерон, едва заметно улынувшись. — Во всяком случае...

Он не успел договорить. Нона даже не шелохнулась, но сканер вдруг заработал. На экране появилось пятно.

Скорее, какая-то бесформенная туманность, подумал Доччи. Но вот пятно приблизилось, туман рассеялся, и объект обрел форму. Они увидели корабль. Его окружала мгла, но сам аппарат не был темным и безжизненным — из иллюминаторов в космос лился свет. Гравитационный радар обнаружил преследователя — гравитационные волны, излучаемые с астероида, пронзили пространство и, отразившись от корпуса корабля, вернулись обратно, почти не затратив на это времени.

— Это военный корабль, — произнес Доччи. — Самый большой из существующих.

Тем временем корабль словно бы приблизился к ним — или сканер улучшил разрешение картинки. В поле зрения появилось название.

— Тория, — прочел Веббер. — «Виктория». Виктория — значит победа. Для кого-то победа, для кого-то — поражение.

— «Звездная Виктория», — поправил Джордан; корабль слегка вращался, и теперь они видели его полное название. — Тут они торопят события. Нас еще не победили.

— Но сколько до него? — проворчал Джордан. — Чтобы определить это, надо знать технические характеристики радара.

Экран не отражал никакой информации по интересующему их вопросу. Возможно, Нона внесет какие-то усовершенствования в свое устройство чуть позже, если только найти способ рассказать ей, чего им хочется. Сейчас они имели просто изображение с поворотом в три четверти, видели весь корабль от носа до кормовых дюз, из которых не били струи реактивного пламени. Конечно, ведь преследователь шел на гравитационной тяге. Они уже знали об этом.

— Итак, мы на него посмотрели, — сказал Веббер. — Что дальше?

— Мы не позволим им поймать нас, — заявила Джерианн. — Дочти что-нибудь придумает.

Дочти не разделял ее уверенности. На самом деле он сделал не так уж много, чтобы завести их так далеко. Обратил недовольство в нечто позитивное, и соединенные усилия пока позволяли им преодолевать все препятствия. Но именно Нона дала им силу, чтобы сделать из их предприятия что-то стоящее. И она тоже не всемогуща — должен же наступить конец этой череде от-

крытий и изобретений. Существуют обстоятельства, против которых любая смекалка бессильна.

Сейчас для того, чтобы продолжить полет, им мало одной находчивости. Они знают, что их преследует корабль. С ним надо разобраться. Космос бесконечен, и они имеют возможность уклониться от погони. Надо только узнать, где именно находится корабль.

Все смотрели на Нону. Она стояла близко, очень близко к Кэмерону. И, кажется, понимала, что от нее чего-то ждут. Он улыбнулся ей сверху вниз, она коснулась доктора, ответила внимательным взглядом, потом подошла к сканеру, покопалась с ним, небрежно поменяла несколько разъемов.

Пока Нона работала, изображение задрожало, пропало на несколько секунд, а когда появилось вновь, корабль быстро приближался, заполняя весь экран. Ближе, ближе, корпус его прильнул к поверхности экрана — и вдруг они оказались внутри отсека управления, вернее, смотрели на него с телеэкрана, расположенного в этом самом отсеке.

Джордан нахмурился.

— Они скопировали у нас гравитационную тягу, не копируют ли и сканер?

— Я так не думаю, — ответил Доччи. — У них телеэкраны ближнего радиуса действия. Хотя не вижу, почему нельзя состыковать две совершенно разные системы телекоммуникации.

Они видели на экране пустое помещение; никто не появлялся. Нона в нетерпении коснулась контактов, картинка распалась, сдвинулась, а потом возникло изображение другой комнаты, в которой тоже имелся теле-

экран. В ней за столом сгорбился широкоплечий мужчина, который что-то бормотал, скребя в затылке. Он подписывал какие-то бумаги; один лист скомкал и отшвырнул, предварительно оторвав клочок со своим автографом, остальные документы сунул в папку.

Человек повернулся, и все увидели, что это генерал Джадд.

Он быстро протянул руку к переключателю, но тут же отдернул ее.

— Ну что, беглые сиротки вернулись, ведя друг дружку за руку? — со спокойным высокомерием спросил он. — Или мне следует сказать — рука об руку, Кэмерон?

Может, кто-то и не обратил внимания на последние слова, но только не Дочки. Генерал не назвал Кэмерона доктором. Похоже, Медсовет предпринял определенные шаги, и Кэмерон больше не врач. Это было последнее подтверждение (если оно еще требовалось) того, на чьей стороне Кэмерон.

— Ба, у нас теперь новая расстановка, — продолжал генерал. — Кэмерон с Ноной, а наш мятежный инженер с Джерианн.

У Дочки начало светлеть лицо, но он усилием воли не позволил сиянию, струящемуся по венам, подняться до кожных покровов.

— Мы не возвращаемся, генерал. Хотя считаем, что будет полезно поговорить, если вы не против.

— Я всегда не прочь поболтать, Дочки. Всегда готов выслушать, что хочет сказать другой парень. Если только он говорит по делу.

Генерал явно считал, что его позиции достаточно крепки и можно позволить себе оскорбительный тон. И он был недалек от истины.

— Во-первых, нам хотелось бы узнать, чего вы хотите, — выговорил Дочки.

— Наши требования нисколько не изменились. Поворачивайте и возвращайтесь. — Джадд широко улыбался, но улыбка больше напоминала волчий оскал. — Мы не настаиваем, чтобы вы заняли прежнюю орбиту. Вообще-то будет лучше, если передвинете астероид ближе к Земле.

То есть туда, где они окажутся под постоянным приглядом Медсовета. Где будут вечно витать в облаках на глазах у всего человечества, не являясь его частью.

— Естественно, мы не принимаем таких требований, — ответил Дочки. — Однако не отказываемся от переговоров полностью. Среди нас имеются некоторые, кто по тем или иным причинам хотел бы вернуться — в основном из-за тоски по дому. Если желаете, можно договориться о передаче этих людей на ваш корабль.

— Ах, неприятности начались, — сумрачно произнес генерал, стараясь скрыть довольную ухмылку. — Но я догадываюсь, с чем они связаны. Мы прибыли полностью подготовленными к любым чрезвычайным ситуациям, с которыми мы — или вы — можем столкнуться. Медсовет обо всем позаботился.

Перед внутренним взором Дочки снова появилась Морин, скорчившаяся в темной комнате, бормочущая сквозь стиснутые зубы, что никого и никогда не хочет больше видеть. Одна рука тянется к двери, вторая пере-

хватывает ее и отдергивает обратно... И другие видения, сейчас смутные, но такие же пугающие.

Медсовет все предусмотрел, в том числе и это; на корабле наверняка есть препараты для Морин. У Дочки передернулось лицо; оставалось надеяться, что генерал не заметил.

— Я не уточнял, сколько человек желает вернуться. Если хотите, посчитаю.

— Не утруждай себя, — ответил генерал. — На случай, если кто не понял, объясняю: здесь, на корабле, не кучка пушистых альтруистов, озабоченных лишь тем, как взять ответственность за вас на себя. Биопрепараты у нас. Получите их, когда мы высадим на астероид десант. Он проследит, чтобы вы повернули обратно. У меня четкий приказ. Или возвращаются все, или никто.

— Вы знаете наш ответ, — сказал Дочки. — Конечно, никто. — Вопреки ожиданиям, генерал не выглядел сильно разочарованным. Дочки почти наверняка знал, какие им выдвинут условия; они вытекали из отношения к инвалидам. Когда-то жители астероида были людьми, теперь стали недочеловеками. Типичный пример очистки совести: нагрузить корабль лекарствами, но не отдавать их страждущим, потому что они отказываются вернуться все вместе. — Мы и без вашей помощи прекрасно обойдемся, — продолжал Дочки. Может, эти слова не соответствовали истине до такой степени, как ему хотелось бы, но генерал даже не подзревал, насколько они к ней близки. — Еще одно, Джадд, не пытайтесь высадиться без нашего согласия.

— Значит, вы до сих пор считаете нас дураками, — беззлобно сказал Джадд. *Он и не рассчитывал, что мы*

капитулируем, дошло до Дочки. Тогда зачем предлагал? — И не попробуем высаживаться, пока вы не согласитесь на сотрудничество. А вы согласитесь. Рано или поздно, но согласитесь.

— Вряд ли. Мы приняли решение давным-давно.

Генерал пожал плечами.

— Смотрите сами. Помните, что мы не злопамятны и не пытаемся наказать вас. Но настаиваем на том, что вы больны и беспомощны. Вас надо вернуть и поместить под наблюдение компетентных медиков. — Он с издевкой посмотрел на Кэмерона.

— Так с больными не обращаются, — подала голос Джерианн.

— Вы все опасно больны, — заверил генерал. — Слышали про истерию, во время которой надо защищать пациента от него самого? Мало того, он и другим может причинить вред. — На протяжении всего разговора генерал придерживал какую-то карту, лежавшую перед ним на столе. Неожиданно он бросил на нее случайный взгляд и тут же посмотрел на экран. — А что происходит? Как вы можете говорить со мной на таком расстоянии?

— Вам понадобится много времени, генерал, чтобы понять это. Мы не рядом с вами. — Опять эта привычка слишком много болтать, подумал Дочки, сердясь на себя. Но сейчас в этом был хоть какой-то смысл, да он и не сказал ничего такого, о чем генерал не смог бы догадаться.

Челюсть у Джадда отвердела, и он запоздало положил ладонь на переключатель.

— Как мы это делаем? — подсказал вопрос Дочки. — Это наш секрет. — Но генерал молчал, ничем не выдавая информацию, которую так хотелось получить Доччи. Наконец Нона оборвала связь.

Изображение померкло. Веббер шумно выдохнул и топнул механической ногой, вызвав в гроте громкое эхо.

— Кто-нибудь объяснит мне, почему генерал так вежливо себя ведет? И почему он не может высадиться, пока мы не разрешим?

— Это просто невозможно, — объяснил Доччи. — Астероид гораздо крупнее корабля и движется с большой скоростью. Вы когда-нибудь пробовали совершить посадку хотя бы на стационарном космодроме?

Веббер выглядел сконфуженным.

— Я забыл, что мы двигаемся.

— Ничего страшного. Корабль либо просто разобьется об астероид, не причинив нам никакого вреда, либо угодит в купол и проделает в нем не очень большую по сравнению с общей поверхностью дыру. Что еще они могут нам сделать? Подойти поближе и отправить в открытый космос людей в скафандрах? Мы совершим маневр, и они будут болтаться в пространстве, пока их не подберет корабль. Если генерал захочет, можно играть с ним в пятнашки хоть по всей галактике.

— Значит, высадиться он не может, — заключил Веббер, успокаиваясь. — Как я сам не догадался?

— Потому что один человек не может все учесть и предусмотреть, — объяснила Джерианн. — Если бы Нона была одна, мы до сих пор находились бы в Солнечной системе. Или Доччи, Анти, Джордан... Они бес-

сильны поодиночке. Вместе мы находим ответы на любые вопросы.

Пока находили, но, возможно, это не будет продолжаться вечно. Дочки беспокоило отсутствие видимой озабоченности у генерала. Он не ожидал, что инвалиды выйдут на связь, но когда это случилось, отнюдь не удивился. Он знал, как вести себя, потому что получил инструкции. Сообразительностью Джадд не отличался, импровизировать не умел и специализировался на исполнении чужих замыслов.

Но если поначалу генерал не выглядел огорошенным, то потом, поняв, что они используют необычный вид связи, смутился. Дочки многое отдал бы, чтобы взглянуть на карту генерала. Он пробовал спровоцировать офицера, но уловка не сработала. Генерал знал расстояние от корабля до астероида, но не сболтнул ничего лишнего.

Стуча искусственной ногой, Веббер подошел к сканеру и воззрился на кабели с разъемами.

— Связистам генерала придется повозиться, чтобы придумать такое, — заметил он.

— Тогда им придется возиться до конца жизни. Они поймут, что сканер работает за счет гравитационных волн, но это им не поможет, — откликнулся Дочки. Устройство, обеспечивающее связь практически на любом расстоянии, создать далеко не просто.

На самом деле, преследователи хотели заполучить Нону. Она невольно вернула человечеству некогда утраченную гравитационную тягу, а теперь еще и это. И они правильно думают, что она способна на новые изобретения.

Дочки жалел, что рядом нет Анти. Хорошо бы посоветоваться с ней. Он оглянулся, ища Джордана, но тот уже ушел. Кэмерон спокойно стоял в уголке вместе с Ноной и что-то негромко говорил ей, а она все улыбалась и улыбалась. Веббер все также разглядывал сканирующее устройство.

Его ждала только Джерианн. Теперь, когда генерал сказал об этом вслух, Дочки спросил себя, действительно ли она ждала его — и как долго.

12

Анти смотрела на купол. Только его она и могла видеть. Звезды почти не изменились, созвездия выглядели в основном так же, как с Земли. Главное различие состояло в том, что по мере вращения астероида менялась интенсивность свечения звезд. Сейчас те, что смотрели на Анти, ярко сверкали — значит, астероид двигался в их сторону. Анти думала о том, какая из звезд Альфа, а какая — Проксима Центавра. Но она никогда не умела их различать.

Вытянув одну руку, Анти шлепнула по поверхности кислоты. В последнее время приходилось двигаться, чтобы не замерзнуть. Холод не доставлял удовольствия, но она готова была терпеть сколько угодно, чтобы в один прекрасный день встать на ноги и пойти. Существуют разные степени инвалидности, но никто даже здесь, на астероиде, не обездвижен так, как она, полностью прикованная к своему кислотному бассейну. Анти по большей части уже забыла свое прошлое и не хотела

заглядывать далеко в будущее. Наверное, не стоит заглядывать туда, размышляла она.

— Тише ты, всю рыбу распугаешь.

Анти подгребла к краю и увидела Джордана.

— Если найдешь рыбку, способную жить в этом растворе, брось мне. Я обрадуюсь любой компании.

— Может, Кэмерон выведет рыбу-мутанта, не боящуюся холода, — предположил Джордан. — А если не получится, можно посадить ей грибок.

— Никому такого не пожелаю, даже рыбе.

— Ничего страшного. Тем более, что она станет бесмертной.

— Благодарю. Мне нравится рыба, только не в качестве компаньонки. Ей место на тарелке.

— Какое варварство, — скривился Джордан. — Я предпочитаю научное питание, синтетики. Никакой заразы, переносимой животными. Нечто такое, что не умирало в агонии, чтобы не чувствовать на губах страдания живого существа. Без бактерий и бацилл, с балансом микроэлементов.

— У меня природное происхождение, — не согласилась Анти. — Может, это и не цивилизованно, но я предпочитаю пищу из того же источника.

— Ты сама себе противоречишь, — сказал Джордан. — Синтетики содержат все необходимое для жизни. Когда Джерианн ела в последний раз?

— Она сама уже не помнит. И вообще, ты передерживаешь. Она потребляет концентраты, а это не то же самое, что синтетики.

— Какая разница, — бросил Джордан, подбираясь ближе. — Я пришел не для того, чтобы болтать о еде.

— Мне все равно, о чем болтать. В разговорах я нуждаюсь не меньше, чем в пище.

— Я о Ноне.

— Исключено, исключено. Какое мне дело до нее, если я устала глазеть в никуда. Иногда мне хочется, чтобы вы перетасили бассейн ко входу в госпиталь. Люди останавливались бы, разговаривали со мной.

— Я об этом тоже как-то думал.

— Нет, не думал. — В голосе Анти появились капризные нотки. — Ты вечно занят разными полезными хлопотами.

— Пришлось отказаться от этой идеи. Я представил себе, как ты будешь там смотреться. Мы же один раз уже перемещали бассейн.

— Больше не надо. Тем более, роны в дефиците, а кто еще способен это сделать?

— Я, — заявил Джордан и быстро добавил: — Шучу. — Он подобрался к самому бортику, рискуя свалиться в кислоту. — Я принес тебе настоящий подарок, не какую-нибудь мелочь, о которой ты сразу после моего ухода забудешь.

— Что это? Мне отсюда не видно.

— Пояс.

— Какой ты милый. Он красивый.

— Нет, он не красивый. Он просто замечательный.

— Я вижу. Сохрани его для меня. Если на него попадет кислота, разъест.

— Он никак не отреагирует. Я об этом позаботился — покрыл почти инертным металлом. Это оказалось не просто, но я справился.

— Ты сделал это ради меня. Не стоило беспокоиться.

На самом деле Джордан поставил перед собой такую задачу. Не так уж много труда он вложил в этот пояс. Разве что нанес защитное покрытие. А идея принадлежала исключительно Ноне. У Джордана не возникло сомнений относительно того, для кого Нона создала эту вещь. Поэтому он, не колеблясь, забрал этот пояс. Возникал только вопрос: почему Нона сама не отдала его Анти? Пояс функционировал отлично — он проверил на себе.

Логично было бы предположить следующее: пояс он обнаружил в нерабочем состоянии, Нона не смогла завершить работу и отложила до лучших времен. Потом появился ремонтный робот и сделал ненужные дополнения. Джордан эти детали удалил. И пояс вдруг заработал.

— Скажем так: я его не изготавливал полностью. Добавил кое-что к уже сделанному. — Он качнул пояс в сторону Анти.

— Ты уверен, что он мне подойдет? Я такая большая.

— В первоначальном виде не подошел бы. Я его удлинил.

Анти осмотрела пояс по всей длине.

— Довольно топорная работа. Примитивно, но broadly.

Джордан покраснел.

— Я считаю, вполне прилично. Сделано моими руками.

— Об этом я и говорю, — отозвалась Анти. — У тебя врожденный дар дизайнера, хотя и не осознанный. — Она трепетно опустила подарок в кислоту, а когда ничего не произошло, опоясалась им и застегнула пряжку. —

Готово, — радостно сообщила она. — Первое украшение за долгие годы. Я снова чувствую себя женщиной.

— Ты и есть женщина, Анти. Поверь мне.

Она легкомысленно рассмеялась.

— Глупо, но я тебе верю. Просто удивительно, что украшения делают с женщинами.

— Это не совсем украшение. — Джордан раздумывал, как ей сказать, как объяснить. Анти совсем не обладала научными знаниями, ее мировоззрение больше походило на псевдонаучное. — Считай, что это хитроумное устройство, дистанционно связанное с твоим мозгом.

— С моим мозгом? Значит, я теперь телепат? Это то, о чем я думаю? Я теперь смогу разговаривать с кем угодно, и не имеет значения, на каком расстоянии он находится?

— Нет, здесь не телепатия, хотя в определенном смысле она присутствует.

Джордан помолчал, подбирая слова. Она понятия не имела, что машины работают на разных уровнях, причем некоторые — одновременно на электронном и электромагнитном, а другие действуют еще более изощренно. Наконец, он сдался.

— Думай о том, чего тебе больше всего хочется.

— Бесполезно, Джордан. Зачем себя мучать. Я знаю, сколько для этого должно пройти времени.

Надо было оставить пояс себе и продемонстрировать. Это убедило бы Анти. Сам Джордан никогда не забудет, как в первый раз его надел — он чуть не умер от страха, оказавшись под потолком. Джордан мучительно раздумывал над тем, как ее уговорить, а необходимость в

этом между тем отпала. Анти разрешила себе подумать о том, о чем не смела и мечтать.

— Вот, — выдохнул Джордан охрипшим от гордости голосом. — Я знал, что у тебя получится.

— Почему ты сразу не сказал? — спросила Анти. — Гравитационный компьютер! Мой мозг и его мозг.

Для женщины с псевдонаучными воззрениями она быстро схватывала суть

— Джордан, может, оставишь его себе, — предложила Анти. — Будешь пользоваться им вместо меня.

— Он мне не нужен. Никто не слышал, чтобы я жаловался. А тебе необходим, без него ты передвигаться не сможешь. — Наблюдая за Анти, Джордан начинал тревожиться. — Давай спускайся, — крикнул он. — Все равно до звезд достать не сумеешь.

— Думаешь, не сумею? — спросила Анти. — Я поднимусь к ним ближе всех людей, когда-либо живших под Солнцем.

Тем не менее, она подчинилась и медленно снизилась, коснувшись ступнями грунта. Трава затрещала, закурчавилась, и ее, еще зеленую, объяло пламя там, где проплывала Анти. На траву с кожи женщины капала кислота. Анти передвигала ногами, но на самом деле на ступни приходилась лишь незначительная часть ее веса. Остальную массу для удобства Анти обнулил гравитационный компьютер, непрерывно реагирующий на мысленные команды.

— Вот доктор удивится, — пробормотал Джордан

— Но не так сильно, как я, — отозвалась Анти. — Я теперь могу летать, но знаешь, лучше буду ходить.

Дочки отпрянул, ударившись о спинку кресла. Хорошо, что не очень сильно, иначе свалился бы на пол. Черт знает, сколько времени потребовалось бы, чтобы подняться на ноги.

— У меня просто нет слов, — произнес он.

— И Кэмерон также отреагировал, — сообщила Анти.

— Представляю. Доктор и подумать не мог, что его прогноз так быстро опровергнут. — Дочки уселся поудобнее. — Значит, Джордан работал над этой штукой.

— Он говорит, что его вклад в изготовление пояса невелик, но это не так. — Анти двигалась осторожно. С пропитанного кислотой балахона перестали падать капли, но Анти старалась не касаться им окружающих предметов, чтоб не нанести убранству кабинета непоправимого урона. — Больше всего радуется то, что я стала гораздо сильнее, привыкла работать в холодном бассейне мышцами. Не знаю, насколько, потому что в голове у меня нет ни вычислительных устройств, ни весов, но, похоже, теперь я способна поддерживать значительную часть собственного веса. Может, смогу без посторонней помощи ходить, если гравитация будет не выше одной четверти.

Дочки не обращал внимания на сигналы о вызовах. Для всех инвалидов это событие будет первой большой личной победой, одержанной вопреки всем неурядицам, и оно, несомненно, подействует ободряюще.

— Прекрасно, прекрасно. Но каковы шансы на выздоровление? Это просто ремиссия?

— Кэмерон говорит, что нет. Он провел несколько тестов для определения вирулентности грибка, и сказал, что тело побеждает.

Это действительно было так. Биологический механизм Анти достиг той точки силы, в которой мог сопротивляться ослабленному паразиту почти без посторонней помощи. Через определенный промежуток времени вирус окончательно ослабеет и погибнет, очистив организм от своего присутствия. Тело побеждает.

— Кэмерон сказал, теперь достаточно только спать в бассейне. Я не против, хотя там не очень-то поспишь. Я теперь мерзну, естественно, не так сильно, как вы все. А в остальном доктор посоветовал увеличивать нагрузку на ноги. Это происходит автоматически, никаких кнопок нажимать не нужно, кроме воображаемых. Если я чувствую, что устала, просто представляю себе, что становлюсь легче, и тут же наступает результат.

Пояс получился такой, что лучше и не придумаешь. Он представлял собой портативное поле с нулевой гравитацией, плотно облегающее Анти и больше ни на что не распространяющееся. И если она правильно поняла Джордана, второй такой создать они не могли, потому что не располагали материалами. Замечательное изобретение, имевшее огромное значение прежде всего для Анти, хотя кто-нибудь другой, например, Джордан, вполне мог пользоваться такой вещью, имея он возможность. Как жаль, размышлял Доччи, что никто не придумает замены рукам.

— Теперь, когда ты свободна и имеешь возможность передвигаться, чем намерена заняться? — спросил он. — Наверное, не терпится взяться за дело?

— Это забавно, но боюсь, что нет, — ответила она. — Звучит чудно, но мне хочется осмотреться. Я же здесь ничего не видела, кроме бассейна и купола.

Дочки покачивался в кресле. Он всегда считал, что никто не знает про астероид больше, чем Анти. Она прожила здесь больше любого из инвалидов. Можно сказать, несет за него ответственность, потому что докторам требовалось место, где можно содержать Анти. Похоже, это все-таки правда.

— Тогда иди. Джордан устроит тебе экскурсию. И можешь не торопиться, успеешь заняться работой.

Анти приподнялась на несколько дюймов, показывая, на что способна.

— Прежде всего, мне хочется увидеть лабораторию Ноны. И корабль, который гонится за нами. Думаю, они не откажутся от своей затеи только потому, что не могут здесь высадиться.

Дочки тоже так считал, хотя и не представлял себе, что их преследователи могут сделать.

— Дай мне знать, если что-нибудь придумаешь.

Анти отправилась на прогулку, а он вернулся к своим заботам, к Морин и остальным дефектным с разной степенью неполноценности, к кораблю с его непонятными пока намерениями, к звездам и планетам, лежащим на их пути, неизведанным и загадочным. Они все равно достигнут цели, но может случиться так, что не все жители астероида доживут до этого момента.

Только одной Анти стало гораздо лучше; оставались еще и другие. Среди инвалидов были такие, которые испытывали настоящую депрессию. Так много свободы — и так мало возможностей использовать ее. Дочки погрузился в работу, но в мозгу то и дело всплывало изо-

бражение корабля, отвлекая от множества важных и не очень дел. Что задумали их преследователи?

В конце следующего дня Анти вернулась. Она решительно вошла и уселась. Теперь Анти уже могла помещаться в кресле. Перепутать ее с кем-нибудь другим было невозможно, но тело значительно уменьшилось, и она контролировала свой вес. Удивило Дочки то, что сиденье не превратилось в бесформенную дымящуюся массу и не загорелось. Это означало, что Джордан нашел способ нейтрализовать кислоту, которая сохраняла медицинское воздействие, но не разрушала окружающие предметы.

— Прекрасный у нас астероид, — заметила Анти. — даже не думала, что он такой симпатичный.

— Есть люди, которые с тобой не согласятся.

— Они его по-настоящему и не видели. Единственное, что мне не нравится, это корабль.

— Мне тоже. Что ты придумала?

— Ну... — Анти замялась. — Как он выглядит?

Дочки по памяти описал корабль; Анти постоянно перебивала его уточняющими вопросами. Потом оба замолчали, и она сидела, не обращая внимания на Дочки кивая головой в такт своим мыслям.

— Ты сам знаешь, о чем я думаю, — наконец сказала она. — Вы видели его повернутым на три четверти. А когда я смотрела на экран, он изменил положение в пространстве и выглядел более плоским. Они набирают ход.

Глянув в окно, Дочки вздохнул.

— Анти, они не могут здесь высадиться, пока мы не позволим. А мы не позволим. Что еще они могут сделать?

— Это военный корабль. У него есть средства остановить нас.

— Только взорвав астероид или уничтожив купол. Они этого делать не будут. Больных не убивают, а лечат; они ради собственного спокойствия убедили себя, что все мы больны.

— Значит, все мы здесь в безопасности, — с сомнением протянула Анти. — Поначалу они рассчитывали незаметно подкрасться и высадиться, застав нас врасплох. Сканер свел их планы на нет. Но с самого начала у них имелся и другой план, запасной, на случай, если мы их все-таки заметим. — Она все кивала и кивала. — Что ж, если бы я была на их месте и не могла кого-то остановить, то постаралась бы добраться туда, куда они летят, раньше них. Все правильно, тебе так не кажется? Они не хотят, чтобы мы вступили в контакт с представителями чужого разума. Им остается только долететь туда первыми.

Ну конечно. Все очень просто, только заботы и тревоги не позволили Дочки самому додуматься до этого. Очень часто боязливость соседствует с глупостью. Тот, кто доберется до цели первым, будет контролировать ситуацию даже в большей степени, чем кажется Анти. Теперь до него начала доходить вся серьезность направленной против них экспедиции, и он представил себе ту ярость и тщательно разработанный план, которые им предстоит преодолеть. Человечество способно

питать к своим детям ненависть большую, чем к чужой форме жизни. Дочки принялся методично стучать по дошвой по переключателям.

— Ты права, Анти, — сказал он. — Но, думаю, существуют способы воспрепятствовать осуществлению их планов. — Он старался выглядеть неунывающим и беспечным, хотя предвидел все, что их ждет. — Если и они не сработают, а такая вероятность сохраняется, то у нас остается единственный союзник.

— Кто?

— Не кто, а что. Пространство. — Дочки отчаянно врал. — Если не сумеем их опередить, пусть забирают себе обе звезды Центавра. Мы полетим к следующей.

— Ты всегда найдешь выход из ситуации, — сказала Анти, наблюдая за лампочками, загоравшимися на пульте управления. А Дочки думал о том, что их суматошное мерцание очень напоминает сумятицу, царящую у него в голове.

— Джордан? — требовательно позвал Дочки, и тот появился на экране. Затем установилась связь с Веббером и со всеми, кто разбирался в электронике или мог освоить ее с минимальными усилиями. Каждый выразил готовность работать до изнеможения. Однако техническое превосходство оставалось не на их стороне.

— Не надо так волноваться, — сказала Анти, когда Дочки закончил созывать всех способных оказать помощь. — У меня такое чувство, что им нас не остановить, что бы они ни делали.

— Вот как? — воскликнул Дочки. — И какой палец на ноге тебе это подсказал? Или ты гадаешь по ломоте в костях? Как думаешь, завтра пойдет дождь?

— Не смейся, — ответила Анти, поднимаясь и выплывая следом за Доччи, спешившим покинуть кабинет. — Я верю, что вместе мы способны сделать это.

Хорошо, когда хоть кто-то не теряет веры.

— Морин становится хуже, — сообщила Джерианн. — Мне нужно больше энергии. — Доччи впервые заметил крошечную капельку пота у нее на виске; раньше она не потела.

— Насколько хуже? Мне нужно увидеть ее.

Джерианн закончила настройку машины, но выпрямилась не сразу, словно ее беспокоили мысли, роящиеся в голове. Захлопнув дверцу синтезатора, она повернулась, отбросив волосы с лица.

— Думаешь, твой диагноз будет точнее, чем у Кэмерона?

— Я в его профессионализме не сомневаюсь.

— Значит, должен верить нам на слово. Мне можно видеть Морин, потому что я женщина и на меня она почти не реагирует. Кэмерон может ее посещать, потому что она к нему привыкла. Но даже доктору приходится прибегать к мерам предосторожности. Снотворное контролирует только кору головного мозга.

— Какие меры предосторожности?

— Пластифицирующие спреи, которые наносятся на кожу лица. Сейчас ее чувства необычайно обострены. Косметолог меняет внешность доктора, делает его обезличенным, чтобы не вызывать ассоциаций.

— Поверю тебе на слово. Не хочу видеть ее в таком состоянии. Но ты не ответила на мой вопрос: насколько ей хуже?

Лабораторный халатик на Джерианн защищал от химикатов, а компоненты лекарств предохранял от загрязнения человеческими инфекциями. Но если Джерианн останавливалась между Дочки и лампой, он становился почти прозрачным. Заметив это, она сердито передернула плечами и отошла в сторону.

— Могу сказать только одно: ни Кэмерон, ни я не поручимся за то, что она продержится дольше трех недель. *Если я не получу энергию.*

— Это Кэмерон сказал?

— Это я тебе говорю. Об этой машине я знаю больше, чем он. Можешь у доктора спросить. Он подтвердит.

Дочки не сомневался в ее правоте, но на кону стояло нечто большее, чем судьба одного человека.

— Это всего лишь твои предположения, не так ли? Существует вероятность, что ты найдешь правильные составляющие, если сможешь расширить эксперимент?

— Прошу тебя, — сказала Джерианн. — Всего на несколько недель. Даже меньше, если все пойдет так, как я думаю.

— Как насчет других дефектных? Им тоже нужны биопрепараты.

— Они могут подождать, а Морин не может.

— Тогда используй столько энергии, сколько потребуется, по крайней мере, в ближайшие несколько дней. Потом посмотрим.

— Спасибо тебе. — Джерианн прошлась по лаборатории, критически осматривая ее с разных ракурсов. — Конечно, мне нужна помощь. Мало того, что мы не даем машине энергии, мы еще и не используем все ее возможности. С большим напряжением мы сможем

увеличить количество лаборантов и работать эффективнее, чем прежде.

Дочки покачал головой.

— Об этом мы не договаривались. Можешь использовать энергию для уже налаженного производства. Но расширять лабораторию за счет привлечения дополнительных людей нельзя. Все технари уже чем-то заняты.

— Но это же тонкая работа, — принялась уговаривать Джерианн. — Синтезатор — не кувалда, которой дробят молекулы, чтобы потом из осколков собрать новое химическое соединение. Это точный инструмент, сверхмикроскопический нож, аккуратно прорезающий то тут, то там и komponующий отдельные атомы в совершенно новую молекулу.

— Насчет энергии я не спору, — твердо ответил Дочка. — Сказал, что можешь пользоваться, значит, пользуйся. А подготовленных людей не дам. Когда закончат то, над чем работают, тогда поглядим.

Она замерла, словно наткнулась на невидимую, но туго натянутую проволоку. Задумчиво посмотрела на него и пошла назад к синтезатору, под лампу, льющую на халатик провоцирующий свет. Под халатом была еще какая-то одежда, но она, казалось, исчезла.

— Ну, ради меня? Всего несколько человек на несколько дней. Для Морин это очень много значит.

— Сейчас я не могу дать тебе лаборантов, — упрямилась Дочка.

Джерианн с любопытством взглянула на него и подошла поближе, словно хотела лучше рассмотреть.

— Я забыла. Кэмерон теперь с Ноной, да? Они собираются пожениться, как только доктор придумает ка-

кую-нибудь простенькую церемонию. И ты теперь ненавидишь женщин, правильно? Поэтому не предоставишь Морин того шанса, который ты предоставил бы мужчине.

Дочки даже отшатнулся, такой холодной ненавистью дышали эти слова. Он и не предполагал, что голос Джерианн может сочиться ядом.

— Ты приписываешь мне чувства, которые я никогда не испытывал. Я рад, что Нона нашла человека, способного с ней общаться. Но почему ты так заботишься о Морин? Она тебе никогда не нравилась.

— Пример логического мышления, — с горечью в голосе сказала Джерианн. — Какая разница, что я о ней думала. Если не помочь ей, она умрет, поэтому я сделаю все, чтобы помочь. И я ожидала бы того же от любого человека.

— Джерианн... — начал Дочки, но она уже убежала, сорвав халат и бросив его на крючок. Дочки остался наедине с машиной, попеременно то сердито гудевшей, то уютно мурлыкавшей. Он смотрел на нее безо всякого интереса, а рабочий цикл между тем закончился. Синтезатор удовлетворенно заворчал и выдал в реторту три капли бесцветной жидкости.

Если нет другого выхода, можно спасти Морин, вступив в переговоры с преследующей их экспедицией. У них наверняка имеются биопрепараты, которые тщетно пытается получить Джерианн. Но это означает капитуляцию, и единственная альтернатива — продолжать действовать по плану.

Дочки вышел из лаборатории и сделал большой крюк, чтобы обойти кабинет доктора. Хотя Кэмерон не

стал бы давить на него, как Джерианн. Никто бы не стал. Почему она решила, что во всем виноват он?

13

В комнате поселились страх, отчаяние и одиночество. То ли безвременье, то ли вечность и неутолимая жажда то ли жизни, то ли гибели. Смена дня и ночи не имела значения — разум, замкнувшийся на себя, то озарялся вспышками сознания, то погружался во тьму. Свернувшееся в клубок восприятие пробовало робко коснуться окружающего мира и тут же пряталось в темные уголки сознания. Она жила во вселенной, которая больше не существовало, просто никак не могла до конца исчезнуть.

И в ней не раздавалось ни звука. У искаженных чувств, трепещущих и неуверенных в себе, звуки могли вызвать ассоциации с мужским началом.

— Где? — шевелила губами Морин. — Где ты теперь? — Она не слышала собственного голоса. Поэтому перестала разговаривать.

Это было запрещено.

Крови, выталкиваемой сердцем, деваться было некуда, и она обреченно возвращалась обратно. Она сердито струилась по бесчисленным венам, бухая в ушах, и горела от кислорода, нагнетаемого легкими. Разум обратился внутрь. Для жизни не осталось места. Нарушилось равновесие.

Ноги коснулись пола, и она встала с кровати. Какое тяжелое тело. Трубка в груди надрывно сипела. Кислорода хватало, даже в избытке, но в теле не осталось за-

менителей тех гормонов, которые регулируют обмен веществ. Оно распадалась на части, его разрывали неуправляемые процессы диссимиляции клеток.

Она шла, пока не ударилась о стену. Нос свернуло на сторону, но из него не потекла кровь. Никто не отдал сосудам команды пролить несколько капель алой влаги. Она упала, поднялась и снова пошла, опять ударилась и упала.

Она никак не могла найти кого-то знакомого. Чуть позже осознала, что человек, которого ей так не хватает, — она сама.

Почему светло, когда не светит свет, и почему темно без ночи? Ее глаза забыли, что значит видеть. Она усе-лась на пол посреди комнаты и принялась теревить свой больничный халат, вытаскивая из ткани нитку за ниткой. Разум подсказывал ей, что пальцы не чувствуют, чем занимаются, но она уже ничему не верила. Она привыкла к мысленным трюкам. Трюков было так много, а мыслей так мало.

Она сидела и делала вид, что слушает слова, которых никто не произносил. Томно шевелила пальцами, разочарованно закрывала глаза и вытягивала губы в на-прасном ожидании поцелуя.

Заглянул Кэмерон и тут же убежал, на ходу зовя Дже-рианн. Деградация шла быстрее, чем он ожидал. У них не оставалось трех недель. Может, даже трех дней.

Поприветствовав Анти кивком головы, Веббер про-должал работать, не обращая внимания на то, что она наблюдает за координацией его таких разных рук и ног. Это не мешало ритмичности движений. Анти перебра-

лась на другую сторону, чтобы лучше видеть, чем он занимается, и тут вспомнила, зачем пришла.

— Так вот почему я не могу взять книгу. А что случилось?

— Ничего. Мы его демонтируем и переносим.

— Зачем? В нем же все книги.

Веббер склонился над разобранным роботом, отсоединяя контакты.

— Не знаю. Тебе лучше спросить у Дочки.

Он знал, зачем, но слишком увлекся работой. Ей мог бы объяснить Джордан, но тот отсутствовал. Анти прогулялась по библиотеке и не увидела никого, кто сообщил бы ей нужную информацию. Хуже всего то, что теперь, когда библиотекаря разобрали, книги получить нельзя.

Ее распирало любопытство. Анти знала, где найти Дочки — в гравитационном центре. Там он занял аппараты, принадлежавшие раньше Фогелю. Астероид все больше и больше напоминал корабль, пункт управления которым переместился в гравитационный центр.

Большая часть гравитационных систем располагалась под землей. Когда Анти вошла в низенькое здание, то первым делом увидела сканер. Он изменился; последние следы кустарного производства исчезли. Его заключили в металлический корпус, соединенные вручную кабели сменили переключатели и циферблаты. Эти изменения внесла Нона, но переместить сканер решил Дочки. Анти задумчиво хмурилась: от гравитационного центра до того места, где Нона изначально собрала устройство, напрямую было недалеко, но потребовались значительные усилия, чтобы разобрать его

и перенести по туннелям, тянущимся несколько миль, на поверхность астероида. Это не вышло с тем, что говорила ей Джерианн.

Она нашла Доччи на несколько уровней ниже первого этажа, поблизости от места расположения гравитационного компьютера. Увидев Анти, он выпростал голову из самодельной ременной портупеи.

— Пришла помочь, Анти?

— Нет. Пришла с жалобой.

Доччи язвительно улыбнулся.

— Штаб-квартира по приему жалоб в другом заведении.

Он намекал на Джерианн, но Анти проигнорировала его слова.

— Помогла бы, если б умела, но я же невежда. А вы не пускаете меня к знаниям.

— В библиотеку?

— Ну да. Не могу получить ни одной книги.

Бросив взгляд на чертеж, над которым работал, Доччи неохотно выбрался из хитрого устройства, которое позволяло ему переносить свои замыслы на бумагу.

— Не останавливай работу из-за меня, — попросила Анти.

— Чертеж почти готов. Джордан сам закончит. — Доччи присел, но Анти осталась стоять, удерживая на голове воображаемую корзинку с фруктами. За годы, проведенные в бассейне, у нее испортилась осанка.

— Мне жаль, что пришлось разобрать библиотекаря, но доступ к книгам ты можешь получить. Я кое-что придумал.

— Спасибо, я уже догадалась. Вместо того, чтобы изучать математику, я должна лазать по штабелям книг? Здесь есть такие места, куда вообще никто не протиснется, не то что я.

— Именно так. Нам надо все перебрать, разместить на стеллажи, обучить несколько человек библиотечарскому делу.

— Тебе не кажется, что это расточительство — разрушить то, что прекрасно работало, а потом налаживать заново?

— Приходится, если хотим долететь до Центавра раньше, чем они. — Дочки мотнул головой вверх, намекая на преследователей.

— Но какой в этом прок? Библиотекарь всего лишь... — И она захлопнула рот.

— Всего лишь банк данных? Это нам и нужно, чтобы скопировать работу их гравитационной установки. Конечно, сейчас память библиотекаря забита не тем, чем нужно, но это мы исправим.

— А по-другому никак нельзя?

— С нашими возможностями вовремя не успеем. Нона, наверное, смогла бы, но мы всего лишь люди.

— А что с ней случилось?

— Ничего. Если сумеешь заинтересовать ее работой над блоком управления, я отойду в сторону.

— А зачем он нужен? Нона сама блок управления.

— Сейчас да, но по целому ряду причин автоматический контроль лучше. Во-первых, мы не знаем, какой доли ее внимания он требует. Возможно, тяга вообще перестанет функционировать, если Нона по какой-то причине перестанет о ней думать.

— Но гравитация никуда не денется.

— Правильно. Но касается ли это ускорения? У нас нет возможности его измерить.

— Ты работаешь, исходя из предположений. Может случиться то, может случиться другое.

— Нельзя полагаться только на Нону, Анти. За нами погоня. А они используют автоматизированный блок управления.

Анти посмотрела на чертеж, изготовленный Дочки. Сплошные каракули.

— Ты в этом разбираешься лучше меня. Если считаешь, что нужно, значит, нужно. Мне кажется, что новый способ управления, что старый — разница небольшая.

— Прикинь, что мы имеем. Ядерный реактор, вырабатывающий энергию, гравитационные катушки и три компьютера. Один компьютер рассчитывает гравитацию для астероида. Другой вычисляет движущую силу. Третий, полагаю, активирует сканер. Нона чередует задания для каждого из них, и блок управления, который мы собираем, будет делать то же самое. Но у нас появится возможность делать то, чего не делает Нона: повсеместно снизить до минимума потребление энергии, а избыток направить на гравитационную тягу. Силу тяжести, свет, тепло, все персональные удобства мы урежем до предела.

Анти взлетела на несколько дюймов и отдала мысленную команду снова опуститься на пол.

— Вот что ты сделаешь, если эта штука заработает так, как тебе хочется.

— Именно так, Анти, — твердо ответил Дочки. — О Ноне тоже нужно позаботиться. Хватит ей приносить

себя в жертву. Теперь мы сами справимся. Мы принимаем у Ноны эстафету.

Дочки демонстрировал способность принимать трудные решения. Он вел себя как крестоносец, отправившийся в трудный поход, и от своих спутников требовал такой же самоотверженности. Анти посмотрела ему в лицо и решила не задавать вопрос, с которым пришла.

— Звучит пугающе, но ты прав. Если есть шанс успеть туда первыми, то мы готовы на все. Чем я могу помочь?

— Реорганизуй библиотеку. Возьми помощников, которые могут протиснуться туда, куда ты не в состоянии. Прежде всего отбери тексты по медицине. Они могут понадобиться Кэмерону.

— Неблагодарная работа, — проворчала Анти. — Я пришла, чтобы *читать* книги.

Дочки улыбнулся.

— А я думал, что тебе надоел малоподвижный образ жизни.

— Надоел, но я соскучилась по книгам. Мне в бассейн приносили видео и музыкальные записи, но книги, устойчивые к кислоте, так и не научились делать. Наверное, из-за ограниченности спроса.

— Я разработал алгоритм, по которому ты будешь работать. Распредели книги по темам, жанрам и авторам, расставь по размерам и датам поступления. — И Дочки изложил Анти в подробностях всю последовательность процесса.

— Думаю, что сумею справиться, — сказала она неуверенно. — Но почему просто не начать сортировку с одного конца штабеля и двигаться к другому?

— Сначала тебе нужно отобрать все медицинские издания.

Что это — запоздалое раскаяние в том, что отказал Джериани? Возможно, думала Анти, но Дочки не так прост. Что бы там ни было, но он всегда начинает с самого важного.

— Утомительная работенка, — пожаловалась она, собираясь уходить.

— Согласен. Но какими бы мы ни были и что бы ни создали в будущем, эта библиотека — все, что у нас осталось от человеческого наследия. И новых поступлений не предвидится.

— Иногда так хочется верить... — Начала Анти. — О, не обращай внимания на старую толстую женщину. — Она вышла, но через несколько секунд, когда Дочки снова взялся за чертеж, опять заглянула.

— Что, Анти?

— Можешь начинать экономию с меня. Я не против.

— Когда будет нужно, я это учту. Но, думаю, обойдемся. На питание компьютеров много энергии не нужно, да они и так все время работают. А когда гравитация упадет до четверти — ниже опускать мы ее не собираемся — тебе не потребуется это устройство. Получается, ты нам никак не мешаешь.

— Но если потребуется, я могу оставаться в бассейне.

У Дочки засветилось лицо, и он отвернулся к своему чертежу.

— При необходимости я тебя об этом попрошу, — повторил он.

Лишь убедившись, что попросит, Анти ушла. Посвоему Дочки безжалостен, как и Джадд. Но у него дру-

гая цель, и сравнивать их — неверно. Силе вообще нелегко дать определение.

Библиотекарь напоминал угловатого металлического спрута, раскинувшегося на полу, чтобы обсохнуть. Доччи пробирался через щупальца из кабелей, внимательно осматривал работу своей команды. Присев возле Веббера, он наблюдал, как тот стыкует и подгоняет детали, коротко посоветовал что-то и перешел к следующему специалисту. Библиотекарь пока дремал, но опытным глазом Доччи видел, что робот почти готов вернуться к жизни и функционировать в качестве банка памяти.

Перемещая тело на руках, в помещении появился Джордан. Заслышав его, Доччи повернулся. Он знал, кого увидит, но, казалось, был слегка разочарован, что это оказался Джордан, а не кто-то другой.

— Барабан со звездной картой готов, — доложил Джордан, остановившись перед сплетением проводов. — Данные по большей части соседних звезд в нее включены. Конечно, все координаты даны с точки зрения наблюдателя с Земли.

— Это ничего. Компьютеры сделают перерасчет. — Мыском ноги Доччи подтолкнул к Вебберу инструмент, который искал астроном. — Что насчет перекрестных реле?

— Тоже готовы, можно подсоединять. Гарантирую, что станут передавать информацию с одного компьютера на другой так, что они даже не заметят.

— Хорошо. Следующий пункт — устройство распознавания импульсов. Прошлой ночью я размышлял о том,

как сузить диапазон выбора. Идем, я тебе покажу. — Дочки подошел к столу, заваленному диаграммами, и ждал, пока Джордан перебирал листы. — Вот оно, — сказал он, когда у Джордана в руках оказался нужный набросок.

Молча изучив эскиз, Джордан наконец заявил:

— Ничего не получится.

— Почему? Это не трудно.

— Да. Но мы не можем управлять доставкой с Земли. У нас нет всех деталей. — Он почесал грудь. — Вот что я тебе скажу. Думаю, можно использовать всякий ненужный хлам и собрать нечто подобное. — Джордан взял карандаш и принялся быстро рисовать.

— Пойдет, — согласился Дочки, но внес несколько изменений и только после этого одобрил чертеж.

Джордан недовольно покосился на внесенные поправки.

— Зачем такие строгости? — спросил он, складывая лист. — Компьютеры не нужно так жестко контролировать. Они никогда не выходили из подчинения.

— Знаю, поэтому и не собираюсь предоставлять им такой возможности. Каждый сэкономленный ватт должен пойти на тягу, и больше никуда.

В глубине души Джордан сомневался, что это необходимо. Когда он думал об огромном ядерном реакторе, согревающим сердце астероида и приводящем его в движение, то представить себе не мог, что их способен обогнать обычный корабль, каким бы скоростным он ни был. Да, сейчас он двигался быстрее, но лишь потому, что они еще не подавали энергию на полную мощь.

ность. А когда подадут... Джордан пожал плечами, сунул чертеж в карман и направился к выходу.

В дверях он пропустил Джерианн.

— Привет, — бросил ей Джордан, торопясь уйти. Их отношения его не касались, и ему не хотелось быть рядом, когда рванет.

Джерианн поздоровалась с ним и задержалась возле двери.

— Мне можно войти?

— Конечно. Там нет таблички, что вход разрешен только электротехникам.

Веббер поднял голову, поморгал, глядя на Джерианн, и снова склонился над контактами. Лицо Дочки ничего не выражало.

— Мне нужно с тобой поговорить, — сказала Джерианн.

— Про Морин? Я уже слышал. Говори.

Она надеялась, что Дочки предложит пройти в более укромное место, но становилось очевидным, что он не хочет оставаться с ней наедине. И Джерианн не винила его.

— То, о чем я вчера просила, нереалистично. Это моя вина. У меня был целый месяц, чтобы подумать о подаче дополнительной энергии для синтезатора, но мне казалось, что я обойдусь. Я проявила недальновидность и не вправе рассчитывать, что ты бросишь то, над чем работаешь.

— Тебе не нужно извиняться. Мы все стараемся делать свою работу как можно лучше, и наступает конфликт интересов. На самом деле, я мог бы найти возможность и подключить дополнительную линию, если

бы не считал, что это не более чем жест отчаяния и что ты понятия не имеешь, что с ней делать, с этой лишней энергией.

Самое неприятное заключалось в том, что Дочки говорил правду. Она вела себя импульсивно, подчиняясь чувству, что существует средство, которое поможет. Но ему следовало сказать, что он тоже был неправ, что блок управления надо было собрать еще несколько месяцев назад. И не имеет значения, что он тогда не знал о преследующем их корабле. Он должен был так сказать.

— Все кончено, — сообщила она. — Мы сделали все, что могли. Я думала, ты захочешь взглянуть на нее, пока есть такая возможность.

— В течение ближайших десяти часов я уйти не могу. Никто из нас не может. Если хотим получить хоть какой-то результат, надо закончить, — ответил Дочки, на взгляд оценивая объем оставшейся работы. — Подожди. Ты сказала, что я могу взглянуть на нее. Звучит так, словно ей лучше. — Он с надеждой посмотрел на Джерианн.

Покачив головой, девушка сказала:

— Вовсе нет. Мы прекратили давать снотворные, потому что они больше не действуют. Только сильные, самые сильные препараты мешают ей выбежать из палаты в поисках смерти.

Лицо Дочки приобрело землистый оттенок. В такие моменты его худое, как палка, безрукое тело казалось еще более хрупким.

— Приду, как только смогу. Мы уже вышли на финишную линию. — Он отвернулся и прошел мимо Веб-

бера в дальний конец помещения, согнулся рядом с одним из техников, проверяя его работу.

Джерианн пыталась поговорить с ним, от него требовалось только выслушать, хотя бы вполуха. Никто никого не собирается винить. И Морин не стала бы, сохрани она хоть какую-то способность к суждениям. Со своего рабочего места, словно опутанный щупальцами механического спрута, на нее строго посматривал Веббер. Джерианн закусила губу и поспешила к выходу. Глаза у нее щипало, но и только. Тело не позволяло себе бессмысленно терять влагу.

Подгонять ассистентов не имело смысла. Навыков у них не хватало, а работа была ответственная. С самого начала они представляли себе всю важность того, чем занимаются, работали с предельной для себя скоростью и повысить производительность не могли. Когда Доччи сказал про десять часов, то про себя подумал, что потребуется как минимум восемнадцать.

И все же они справились за девять. Не потому, что это помогло бы Морин. Они знали, что не помогло бы. А потому, что... В самом деле, почему? Никто не требовал объяснений. Они не допускали ошибок; ничего не пришлось разбирать и переделывать. И эти в общем-то неподготовленные люди, поначалу то и дело обращавшиеся за инструкциями, путающиеся в подсказках и впадающие в ступор после очередного замечания, теперь, казалось, ловили на лету, что им нужно делать, и даже успевали выполнить задание раньше намеченного срока. Они быстро учились и все равно справились с работой, хотя не представляли, как с ней справятся.

Кабели больше не напоминали щупальца — их аккуратно убрали в шкаф блока управления, каковой ранее служил библиотекарем, а сам шкаф подвинули к стене. Вызвав Джордана и обсудив с ним детали, Дочки предоставил заканчивать работу его умелым рукам.

Дочки смертельно устал. Ему не хотелось видеть никаких умирающих, даже тех, кому он вынес приговор. Он брел один сквозь полумрак, и мечтал о прохладном ветерке. Но он его не заказывал, и воздух оставался неподвижным. Скоро энергии на циркуляцию воздуха они выделять не будут.

Анти встретила Дочки у ступеней госпиталя и поднялась вместе с ним.

— Я тебя ждала. Не хотела идти туда одна.

Они обменялись несколькими фразами и вошли. Население астероида вот-вот сократится. Может, уже сократилось. Все они знали, что такое смерть, не понаслышке, в то или иное время оказывались с ней совсем рядом, но не привыкли терять знакомых. Одна из тех, кому на роду было написано прожить сотни лет, их так и не проживет.

Заслышав приближение посетителей, из тихой палаты навстречу вышла Джерианн.

— Не знаю, что и сказать, — прошептала она. — Ах, нет, знаю. Хотелось бы мне иметь твое лицо, Дочки. Ты увидел бы, как оно сияет.

Лицо ее светилось от радости, не так, как у Дочки, конечно. Он посмотрел ей в глаза, но прочесть в них что-нибудь было трудно.

— Ты это сделала, — прошептал Дочки.

— Не знаю, зачем я говорю так тихо, — сказала она громче. — Теперь это не повредит. Нет, я не имею отношения к происходящему. Заходите и взгляните на нее.

Морин спала. Дышала еле заметно, но ровно, и механизм, заменявший легкие, функционировал почти неслышно. Кожа приобрела восковой оттенок, но не выглядела нездоровой. Горькие морщинки разгладились, лицо было расслаблено и словно радовалось жизни.

— Можете смело разговаривать, — подал из угла голос Кэмерон, склонившийся над анализатором. — Я ей вколол наркотик. Но мог этого и не делать. Похоже, она теперь будет спать, чем бы мы тут ни занимались.

— Спасибо, доктор, — сказал Доччи. — Нам повезло, что вы с нами.

— Мне повезло вдвое больше — наблюдать самое поразительное из всего, что я когда-либо видел. Коллеги не поверили бы. — Осторожно закрыв анализатор, он добавил. — Забыл, что у меня больше нет коллег.

— Тем более замечательно. Вся заслуга принадлежит вам.

— Боюсь, вы не понимаете. Я ничего не сделал, — сказал Кэмерон. — Просто с интересом и благоговением наблюдал, ничего больше. Морин спасла сама Морин.

— Как она сумела? — спросила Анти. — Ей не хватало мужских гормонов, процессы в организме вышли из-под контроля, протекали сами по себе. — Она приподнялась над полом, чтобы лучше видеть пациентку. Опровержением аргументов Анти служила сама Морин.

— Такое могло случиться только с инвалидом, — начала Джерианн, но Кэмерон перебил ее. Он заговорил

сухим, академическим тоном, как лектор, стараясь изложить им суть своего открытия.

— Вы знаете, как стали биокомпенсаторами. Сначала тяжелые повреждения, потом длительное лечение, помощь со стороны научной медицины, развитие невероятной сопротивляемости организма, о которой говорили столько раз. Без нее вы не выжили бы. Сопротивляемость сохраняется даже после того, как лечение завершено. В случае с Морин после прекращения приема гормонов все функции тела расстроились. И ей становилось все хуже, поскольку мы не могли произвести то, что нужно. У нее развилась сильнейшая лихорадка, а галлюцинации приобрели постоянный характер. В прежние времена по всему ее телу пошли бы раковые метастазы. К счастью, теперь мы очень легко справляемся с опухолями. Как бы то ни было, организм ее полностью разбалансировался, и состояние стремительно ухудшалось. В результате Морин грозила смерть, но тут в ситуацию вмешалось тело.

— Ясно. Но каким образом? — спросила Анти.

— Пока не знаю, но намерен выяснить, — ответил Кэмерон. — Когда я в последний раз проводил анализ, все нормальные гормоны у Морин присутствовали. Каким-то образом из уже имеющихся и вроде бы не подходящих для этой цели тканей тело построило новые органы и железы, которые поставляют организму необходимые для жизни вещества. Клетки организма одна за другой отказались погибать. Органы, нервы и ткани боролись с нарастающим хаосом. Тело в целом и по частям пыталось выжить, хотя и не было для этого приспособлено. И оно решило приспособиться. Нервы проло-

жили новые пути в места, где их раньше не существовало, потому что там не было ничего, к чему они могли бы присоединиться. Но к тому времени, когда они туда доросли, некоторые специализированные клетки изменили свою специализацию.

Все клетки взрослого тела происходят от одной первоначальной и помнят ее, хотя прошло много времени. В бесчисленных клеточных поколениях, прошедших с момента зачатия, в постоянном процессе умирания и возрождения, из которых и состоит течение жизни, клетки сильно изменились, но пока не сложилась крайняя ситуация, изменения не носили необратимого характера.

В волокнах нервной ткани начали появляться утолщения — это были зародыши того, что позже стало давно утраченными железами. Еще где-то возникли утолщения в мускулах, к ним начали приклеиваться бродячие клетки, возникли новообразования, направленные на достижение определенной цели.

Тело остановилось на грани гибели, развернулось и пошло по пути выздоровления. Оно научилось заменять утраченное, а для того, что не могло создать, находило замену. Каждая клетка, орган, ткань, каждый нерв включились в великую битву — и победили.

— Спонтанная реконструкция, — подытожил доктор, коснувшись лба пациентки, которой не мог помочь, но имел возможность наблюдать. — Она начинается, когда отказывают искусственные регенеративные процессы. Я думаю... А впрочем, пока неважно. Предстоит огромный объем исследований, а сейчас никому ничего не

хочу обещать. — И он задумчиво посмотрел на безрукое тело Дочки.

Клацая механической ногой и рукой, вошел Веббер.

— Я слышал, у нас хорошие новости, — весело сказал он. — Закончил работу, вот и решил заглянуть. — Он с восхищением смотрел на Морин. — Слушайте, не помню, когда она так выглядела.

На Морин действительно приятно было посмотреть, и не только потому, что она победила в борьбе со смертью. Губы стали пухлыми, лицо обрело цвет, а формы тела под простыней женственно изгибались.

— Завтра или через день можно будет выпустить ее на несколько часов из госпиталя, — сказал Кэмерон. — Новые функции становятся сильнее с каждой минутой. Теперь, после длительного уединения, ей нужно выбираться наружу.

— Я буду водить ее на прогулки, — вызвался Веббер.

— Не будешь, — возразила Джерианн. — В следующие несколько недель она должна общаться только с женщинами. Физиологически она снова здорова, но ментально пока чистая женщина. Навестишь ее, когда придет в норму, но не раньше.

— Значит, придется подождать, — согласился Веббер, но не расстроился.

Веббер уже ушел, а Джерианн дожидалась Дочки снаружи, чтобы поговорить наедине.

— Я хотела с тобой увидеться, — сказала она, едва Дочка вышел.

— В любое время. Ты знаешь, где меня найти.

— Знаю, но ты всегда работаешь.

— Надо делать дело, — твердо произнес он.

— Конечно. Я понимаю. Зайду, когда сумею. — Но про себя Джерианн решила, что не пойдет, пока Дочки сам не попросит об этом. Он никак не забудет ту сцену в лаборатории. Тут ее позвал Кэмерон, и она пошла назад в госпиталь к своей пациентке.

Дочки побрел в гравитационный центр. Мысли теснились в голове. Маленькие победы давались почти без усилий, хотя вопрос жизни и смерти отдельно взятой женщины нельзя считать незначительным. Но им предстоит дело, касающееся всех на астероиде, и оно будет неизмеримо труднее. Где сейчас находится тот корабль, что спешит достичь созвездия Центавра раньше них?

14

— Мне холодно, — пожаловалась Джерианн.

— Надень мою куртку, — хмуро сказал Дочки.

— Неприлично предлагать ее девушке с такой красивой фигурой, — заметила Анти.

— Тогда пусть идет в оранжерею, — сказал Джордан.

— Там теплее и разрешается включать свет.

— Но теперь там гораздо меньше места, а народу собралось слишком много. Я не хочу, чтобы меня раздавили, — заявила Джерианн. Она преувеличивала, ей просто не хотелось уходить.

— Пришлось сократить теплицу. И в результате — что мы едим? — спросила Анти. — Синтетики. — Она презрительно фыркнула.

— Синтетики чистые, — проворчал Джордан. Его энтузиазм относительно синтетического питания заметно

поубавился. Под влиянием строгой диеты мнение Джордана начало меняться.

— Что там чистого? — возразила Анти, но не получила ответа. Она обвела взглядом собравшихся возле сканера. Нона мирно спала, свернувшись возле Кэмерона. Дочки напряженно подался в сторону экрана. Джерианн стояла рядом, но он будто не замечал ее. — Сколько это будет продолжаться? — спросила Анти. — Мне надоело мерзнуть в потемках. — На самом деле холода она не чувствовала; даже мороз, способный убить кого угодно, ее не беспокоил.

— Пока не узнаем, — ответил Дочки. — Если потребуется, всю оставшуюся до Центавра дорогу.

— А как мы узнаем?

— Нам необходимо измерить относительные скорости, — пояснил Дочки. — Сканер по действию схож с радаром, только использует гравитационные волны, и в этом вся сложность. Мы не можем послать импульс и посмотреть, сколько ему понадобится времени, чтобы вернуться обратно, потому что, насколько нам известно, гравитация преодолевает любое расстояние мгновенно.

— А другого способа нет? Им, кажется, известно, с какой скоростью мы движемся.

— У них лучшее астрономическое оборудование, — сказал Дочки. — Наш астероид является более крупным объектом, и они имели возможность измерить световое смещение. Пока мы не выключили свет в куполе.

— Теперь они не могут проводить вычисления, потому что почти не видят нас?

— Увидят, если постараются. Они решат, что мы вынуждены использовать большую часть энергии на тягу.

— Так как же мы узнаем их скорость?

— Методом триангуляции, — ответил Доччи. — Когда мы в первый раз увидели корабль, он был повернут к нам носом. За несколько недель развернулся почти в профиль. А сейчас, я надеюсь, отстал. Могут потребоваться недели, чтобы узнать точно, особенно если скорости у нас примерно равны.

— А если нам не удалось увеличить скорость?

— С нашей-то энергией? — вмешался Джордан, склонившийся к ручкам настройки сканера. — Ладно, допустим, не удалось. Все равно прилетим первыми, потому что хотя бы немного, но опережаем их.

— Если инопланетян не существует, то отпадает вопрос о межзвездном праве. Им придется искать нас по всей планете или взрывать ее. Думаю, что, поразмыслив, они не станут причинять нам вреда. А если инопланетяне есть, что нам смогут сделать? Мы первыми расскажем представителям чужого разума нашу историю, — вслух размышлял Доччи.

После того, как ограничили расход энергии на все функции жизнеобеспечения, кроме важнейших, астероид, казалось, рванулся вперед. Ощущение ускорения отсутствовало, но заметно усилилась вибрация, безошибочно указывающая на увеличение скорости. Погруженные во тьму, они мчались сквозь темноту пространства. Доччи и спал, и бодрствовал возле сканера, словно его присутствие могло как-то повлиять на скорость корабля-преследователя. Однако не влияло никак.

Время шло, напряженная гонка продолжалась. Недели сменялись неделями, и уже Анти уверилась в том,

что ее вес неуклонно снижается, а мышечная масса растёт. Морин выздоровела, и ее выписали из госпиталя. Она частенько исчезала, в основном вместе с Веббером, и никто не спрашивал, где они пропадали.

Джерианн приходила в гравитационный центр, когда могла оторваться от работы в госпитале. Приходила по ночам, потому что теперь всегда стояла ночь, хотя на короткие промежутки времени включали свет и продували купол теплым воздухом. Они боялись погубить плантации растений, которые обеспечивали часть кислорода для дыхания.

— Хорошо, что ты заглянула, — сказал ей Доччи. — Мне нужно с тобой посоветоваться. — Джерианн прошла за ним в помещение, где бывший библиотекарь, а теперь блок управления, руководил полетом.

— Вот, — мрачно сказал Доччи, слегка меняя положение ручки настройки. — Это все, чего мне удалось добиться.

— Чего же?

— Мы летим быстрее, чем раньше. Не знаю точно, с какой скоростью.

— Быстрее, чем летели с Ноной?

— Думаю, что да. Конечно, неизвестно, что она смогла бы выжать из установки; у нее всегда имелось в запасе нечто неожиданное.

Не было необходимости спрашивать, ответ все равно читался на его лице. Но Джерианн все же спросила:

— Но не настолько быстро, как хотелось бы?

— Они поняли, что мы сделали, и увеличили собственную скорость. И она немного превосходит нашу.

— И зачем мы это делаем? С приближением к скорости света каждая миля ускорения требует все большей и большей энергии. Это и их касается.

Дочки недовольно поморщился.

— Им все равно, только бы найти адекватный ответ на каждое наше действие.

— Вряд ли им все равно. Они не так привычны к неудобствам, которые создает ограниченное потребление энергии. У них на корабле лучше бытовые условия, и это не так уж плохо, но сейчас они вынуждены обходиться без привычного комфорта. Не вижу никакого смысла и дальше мучить себя. Давай включим свет и систему отопления. Они сделают то же самое, когда заметят.

— Может быть, — неохотно согласился Дочки. Пока он был не готов принять ее совет.

— Сканер достанет до Земли? — сделала еще одну попытку Джерианн.

Он покачал головой.

— Не совсем. Дальность ограничена. Не могу назвать тебе цифры, но, по моим оценкам, мы уже преодолели добрую половину пути до Центавра. — Он поднялся, встал перед блоком управления. — Я знаю, о чем ты думаешь. Обращение к людям Земли. Мы уже пробовали. И тебе известно, чем это закончилось.

Дочки отвернулся, словно не хотел ее видеть.

— Я думала вовсе не об этом, — возразила Джерианн. — Хотела узнать, насколько мы близко. Мы можем вступить в контакт с инопланетянами.

Он резко обернулся.

— Скажи еще раз. Ты это действительно сказала?

— Конечно, никаких инопланетян может и *не быть*, — пробормотала Джерианн.

— Не имеет значения, или мне кажется, что не имеет. Я должен это выяснить, и, уверен, выясню. — Его лицо загорелось. — Найди Джордана, хорошо? Я буду возле сканера.

Гравитационный центр представлял собой шахту, протянувшуюся от поверхности к центру астероида. На дне, надежно защищенный, запечатанный и неприступный, располагался ядерный реактор. На полпути вниз вертикальную шахту пересекала горизонтальная, ведущая к гравитационным катушкам, скрытым в скальной породе.

Гораздо выше, возле поверхности, находились гравитационные компьютеры. Физический доступ к ним был затруднен. Электрические импульсы поступали по кабелям, иначе блок управления не смог бы руководить их работой и контролировать ее. Но во всех остальных отношениях они считались изолированными и недосыгаемыми.

Так что зона поисков для Джерианн заметно сужалась. Оказывалось, что ей надо обойти не так уж много мест. И, тем не менее, она дважды прошла мимо Джордана, прежде чем заметила свернувшееся тело возле машины, о назначении которой ничего не знала.

— Что ему еще нужно? — ворчал Джордан, протирая глаза. — Сам не отдыхает, и другим не даст поспать несколько минут.

— Ты ему очень нужен, — сказала Джерианн. — Ведь ты — его руки. Он хочет, чтобы ты занял место оператора у сканера.

— Эти руки страшно устали, — огрызнулся Джордан, но сон с него как рукой сняло, и он последовал за Джерианн.

Доччи стоял возле сканера, морща лоб, словно хотел повернуть рукоятки силой мысли. Кивнув головой на изображение, он нетерпеливо сказал:

— Убери корабль. Он меня гипнотизирует. Нечего на него глазеть.

Корабль исчез.

— Что дальше? — спросил Джордан.

— Они обгонят нас на пути к звездам. Ну и пусть. Нам не нужно быть первыми. Нам хватит одной планеты. — На лице у Доччи боролись сомнение и надежда, и Джерианн не могла понять, что побеждает. — Обследуй систему Центавра, — скомандовал он.

— Обе?

— Ближайшую из них. Потом посмотрим.

В центр экрана скользнула яркая звезда. Помигав, она засветилась сильнее, визуально приближаясь и слепя глаза. Судя по выброшенным ослепительно пылающим протуберанцам, сейчас они наблюдали ее с расстояния в несколько миллионов миль. Джерианн показалось, что она чувствует жар чужого солнца. В первый раз за несколько недель она вдруг согрелась.

— Убавь фокус, — сказал Доччи. — Сканер сожжешь.

Интенсивность свечения уменьшилась, звезда несколько померкла, но осталась в поле зрения на своем месте. Джордан ждал дальнейших указаний.

— Теперь, когда я убедился, что мы сумеем достичь ее, надо вернуть все системы астероида в нормальное состояние. Потом продолжим обследование, — объявил

Дочки. Он направился к блоку управления, чтобы сменить настройки, и заметил, что Джордан следует за ним, а Джерианн осталась на месте. — Ты с нами не идешь? — спросил он.

Она показала на пустой пояс.

— Я использовала последнюю капсулу абсорбции.

У нее не было возможности порадоваться тому, что Дочки ведет себя с ней уже не так резко. По пути к дому Джерианн заметила, что приближающаяся звезда уже начала отбрасывать тени от предметов, находящихся под куполом. Трава стала ломкой и подвяла, но она выправится.

Корабль и астероид перестали наращивать ускорение, но гонка не прекратилась. Что бы ни замышлял генерал, какие бы планы ни строил, для инвалидов точка приложения их усилий сдвинулась. Исследование. Не имеет значения, кто первым достигнет системы. Важно, кто первым найдет обитаемую или пригодную для обитания планету.

Когда по взаимному согласию соперники снизили мощность тяги, скорость корабля осталась несколько большей. Постепенно он настиг астероид и начал медленно уходить вперед. Но сканер обитателей астероида сводил это преимущество к нулю. Астрономическое оборудование корабля, само по себе превосходное, не позволяло детально исследовать планеты с такого расстояния. Чтобы определить координаты планет и исследовать их характеристики, генералу пришлось бы замедлить ход и потерять дни, если не недели, для проведения спектральных анализов. Только после этого

появлялась возможность решить, какие из планет достойны более пристального изучения.

Со сканером, чувствительным к массе, таких проблем не возникало. Шесть планет обнаружилось у Альфы, еще семь — у Проксимы. Некоторое время сохранялась вероятность, что еще одна-две планеты могут прятаться на дальней стороне соответствующих звезд. Через несколько недель относительного времени астероида (на стационарных космических объектах времени прошло гораздо больше) такая вероятность была исключена. Шесть планет у одной звезды, семь у другой — больше ничего.

Только в одном отношении сканер оказался несовершенным. Ноне показали, где он работает неудовлетворительно, та слегка удивленно осмотрела устройство, полностью разобрала, поменяла многие контакты. А когда заново собрала сканер, он работал с теми же недостатками.

Джордан включил его и сфокусировал на одной из планет. Он крутил ручки настройки, и изображение расплывалось, отбрасывая сверкающую радугу ярких цветов. Джордан еще раз терпеливо настроил приборы; картинка вернулась в нормальное состояние.

— Ближе не получается, — наконец, сообщил он. — По-моему, это вид с расстояния примерно в пятьдесят тысяч миль.

— Попробуй четвертую планету типа Сатурна, — предложил Доччи.

Изображение маленькой планеты сменилось картинкой с заметно большей — без колец, но со спутниками.

После нескольких безуспешных попыток приблизить изображение Джордан отказался от своего намерения.

— Сто пятьдесят тысяч миль до поверхности. Эта штука чувствительна к массе, так что расстояние ей пропорционально. Большого разрешения картинки не получается. Обратите внимание, что изображение звезды мы имеем с расстояния в несколько миллионов миль. Но мы можем нырнуть прямо в атмосферу маленькой планеты, как на корабле.

Дочки неохотно кивнул.

— Мы должны удовольствоваться тем, что есть. Тем не менее, мне кажется, что мы сумеем приблизиться к поверхности тела с любой массой, даже к звезде.

— Нона этого сделать не смогла, — заметил Джордан.

Улыбнувшись, Дочки сказал:

— Мне кажется, в данный момент ее больше интересует муж. Кроме того, с чем ей приходилось работать? С узлами и деталями, вообще не предназначенными для таких целей. Другое дело, если бы у нее имелся неограниченный запас частей для гравитационного генератора, или она могла их заказать.

— Ты говоришь о целой новой отрасли в науке, — покачал головой Джордан.

— Почему бы нет? Мы стоим у ее истоков, — с вызовом сказал Дочки.

Тем временем поиск продолжался. Каждую планеты исследовали настолько тщательно, насколько позволяли возможности сканера. Изображения фотографировали, увеличивали, изучали, привлекая всех, кто обладал хоть каким-то опытом топографических работ. От-

крыли две пригодные для жизни планеты — по одной в каждой звездной системе.

Несколько обескураживало то, что никаких следов инопланетных цивилизаций ни в одном из пригодных миров обнаружить не удалось, как и на других планетах.

Джерианн подняла взгляд от фотоснимка.

— Я ничего не могу разглядеть. Облака. Ничего, кроме облаков.

Джордан пожал плечами.

— Вероятно, метан. Больше ничего предположить не могу. А что ты хотела увидеть?

— Я думала, нам надо хорошенько рассмотреть поверхность планеты, прежде чем исключать существование иного разума.

— Ты все про инопланетян. — Дочки снисходительно усмехнулся. — Придется подождать до следующей системы, а потом, возможно, до следующей.

— Думаю, ей так хочется найти инопланетян, потому что из-за них нормальные не хотели нас отпускать.

— Отчасти, — призналась Джерианн. — Они отказывали из-за того, какое мнение могут составить инопланетные существа о землянах, увидев нас.

— А ты когда-нибудь задавала себе вопрос, что они могут подумать?

Джерианн разволновалась, но не успела ответить, потому что в разговор вмешался Джордан.

— Нам лучше обойтись без них. Куда нам деваться, если две эти планеты заселены и кишмя кишат существами, способными обвести нас вокруг пальца, даже не пошевелив хвостом?

Вспыхнув от возмущения, Джерианн защищалась:

— Вы надо мной смеетесь, потому что я не разбираюсь в астрономии. Посмотрела бы я на вас в лаборатории. — Она снова принялась разглядывать снимок. — Мне все-таки кажется, что вы ошибаетесь, заявляя, что никаких инопланетян нет только потому, что мы их не заметили на планетах, пригодных для жизни.

Джордан положил свою огромную ладонь на диск планеты, которую она изучала.

— Слышала когда-нибудь про Юпитер, Сатурн или Уран?

— Я же не полная невежда.

— Не об этом речь, — успокоил ее Джордан. — Но люди высаживались на двух из этих планет, и хотя не добрались до Юпитера, послали к нему небольшой аппарат с дистанционным управлением. На трех больших планетах не оказалось *никакой* жизни, даже микроорганизмов. Новейшая теория гласит, что какие-то формы жизни существуют по всей вселенной, но разумная может возникать только в условиях, схожих с земными. Конечно, хотелось бы полной уверенности, но...

Он смял снимок.

— Тем не менее, я попробую получить более четкое изображение местной версии Сатурна.

— Хватит спорить, — вступила в разговор Анти. — Уже то замечательно, что имеются две планеты, на которые никто не предъявляет претензий. Какую выберем?

— Я бы взял планету возле Проксимы, — отозвался Джордан, возвращаясь к сканеру.

— Выбирать надо сейчас? — спросила Джерианн.

— Лучше сейчас, — ответил Доччи. — Преимущество у нас небольшое, и планету еще нужно исследовать. В идеале необходимо начинать торможение в самый последний момент и потом выходить на орбиту с радиусом примерно в тысячу миль. — Он посмотрел на спроектированную ими модель системы. — Лично я за вторую планету Альфы.

Анти фыркнула.

— За вторую? Это всего лишь разогретая версия Марса.

— Марс не так уж плох, Анти. На нем люди живут. Кроме того, это не Марс. Здесь гораздо теплее, даже жарче, чем на Земле. Сухо, но есть два маленьких океана и несколько горных цепей, а на теневой стороне холмов, похоже, растут деревья. Мы сможем отлично устроиться.

— Я вот еще о чем подумала, — подала голос Джерианн. — Они сразу направятся к планете, способной вместить наибольшее количество населения. Пусть забирают ее себе, она нам не нужна.

— Мне пришла в голову та же мысль, — сказал Доччи. — У нас будет больше времени спокойно обосноваться. А когда мы там поселимся, они уже ничего не смогут поделаться.

Вскоре астероид начал торможение, и все прошло гладко. Менее чем за год субъективного времени они преодолели расстояние от Земли до системы Альфа Центавра. Но оказались не первыми человеческими существами, прибывшими сюда. Официальная экспедиция на «Звездной виктории» опередила их на несколько дней. Разница заключалась в том, что инвали-

ды точно знали, куда летят, и добрались до своей планеты, а корабль еще только осторожно обследовал внешние орбиты.

— Не имеет значения, — заявила Анти, когда они собрались возле сканера, обсуждая сложившуюся ситуацию. — В принципе, они достигли этого успеха благодаря нам. Пусть забирают славу себе. А мы прилетели, чтобы найти место, где можно мирно жить.

— И мы его найдем, — сказал Дочки. Тревоги, терзавшие его последние несколько недель, только усилились. Он знал, насколько невелики их шансы, и это пугало его.

Планета нависла над куполом, накрывавшим обитаемую часть астероида. На самом деле небольшая, сейчас она приблизилась и закрывала большую часть неба. Теперь, вблизи, они смогли увидеть, что планета только внешне напоминала пустынный Марс. Четко виднелись горы и несколько крупных рек.

— Хотелось бы мне там высадиться, — сказала Анти. — Или подойдем ближе?

Никто ей не ответил. Персональное поле с нулевой гравитацией, которым пользовалась Анти, функционировало только в контакте с гравитационным компьютером, а его эффективность зависела от расстояния. Анти пока не набрала достаточно сил, чтобы стоять на поверхности их нового дома. Что касается остальных, то астероид был довольно крупным, и приближаться на нем к планете Дочки считал рискованным.

Вошел Веббер, широко улыбаясь и гремя механическими конечностями сильнее обычного.

— Первый аппарат готов. Когда вылетать?

— Когда хотите. Ракетный купол работает автоматически. Взлетайте, и он раскроется.

— Это безопасно — покинуть астероид?

— Если ты пилот ракеты, то должен знать, что да. Это обычный вылет. Разведывательные катера, оставленные нам генералом, в полном порядке.

— Я не о себе беспокоюсь. Я имел в виду, вдруг появится экспедиция?

— В последний раз, когда мы проверяли координаты корабля, они сновали возле внешних планет.

— Старый добрый глупый Джадд. Чудесно, что мы можем рассчитывать на него. Он все сделает с величайшим армейским тщанием и окажется у цели слишком поздно.

В отношении генерала такое замечание звучало не совсем справедливо; когда дело касалось вещей, которым он обучался, Джадд проявлял достаточно сообразительности. С военной точки зрения, ему надлежало обследовать каждую планету, прежде чем перейти к следующей. Он являлся официальным представителем Солнечной системы и не смел действовать второпях, как инвалиды. Его сдерживало чувство ответственности. Но наступили другие времена, когда слепое повиновение вышестоящему начальству не помогало добиться результата.

— Будьте осторожны, — предупредил Дочки. — Не позволяйте никому выходить, пока не проверите и не перепроверите пробы воздуха и почвы.

— Доктор считает, что мы сумеем справиться с любыми вирусами, бактериями, паразитами и вообще с лю-

быми микроорганизмами. Это не первый чужой мир, в котором высаживается человек.

— Здесь вам не Солнечная система, — возразил Доччи. — И вы должны сдерживать Кэмерона, если ему сильно захочется показать Ноне новый мир.

— По этой причине вы... — Веббер замолчал и отвел взгляд от лица Доччи. — Плохо, что вы не можете лететь с нами. Вам бы следовало ступить на нее первым.

— Не беспокойтесь. Ступлю в ближайшие дни. Кому-то надо оставаться здесь, наверху.

— А я присмотрю, чтобы ничего не случилось внизу. — Веббер неловко потоптался на месте; было видно, что ему хочется сказать еще что-нибудь на прощание. — Вернусь через неделю за следующей партией. Совершим высадку, и дела наладятся.

— Будем ждать, — сказал Доччи ему вслед.

Все чувствовали напряжение, когда ракета стартовала и проходила сквозь шлюзы в куполе. Реактивная струя двигателя вспыхнула ярким пятном во тьме и померкла на фоне ослепительно сияющего планетарного диска. Они смогли наблюдать успешную посадку разведывательного катера на выбранной площадке, а потом включили радиосвязь.

— Все нормально. Немного потрясло при заходе на посадку, но никаких последствий, кроме ущерба для моего эго. Такое впечатление, что мы забрали из нашей системы самый ржавый ракетный хлам. Ждем, пока будут готовы пробы. Перед выходом из корабля дадим вам знать.

— Теперь можно перевести дух, — сказала Анти. — Планета наша. Пусть генерал прилетает и попробует забрать нас отсюда.

— Почему бы и нет? Он вооружен, а мы нет. Ничто не мешает ему высадиться и захватить их. Я не почувствую себя в безопасности, пока у нас не появится настоящего поселения, которое мы сможем защищать. И даже тогда не будет полной уверенности.

— Теперь — Джерианн, — напомнила Анти.

— Они будут следовать своим законам, — продолжал рассуждать Доччи. — Планеты за пределами Солнечной системы, не объявленные в собственность, принадлежат тем, кто на них первым высадился. Этот закон приняли давно, чтобы стимулировать межзвездные полеты. Как только мы высадимся, станем независимыми. Если кто-то попробует досаждать нам, это будет считаться прямым нарушением всего, во что они верят.

— Думаю, ты прав, — сказала Джерианн. — Надеюсь, что прав.

Анти смотрела в окно на громаду купола, сквозь которую виднелась красноватая кромка планеты с поворачивающимся в их сторону зеленовато-золотистым океаном.

— Пойду наружу. Хочу насладиться этой красотой, пока не исчезла, — сказала она, поднимаясь на ноги. — Я ошибалась. Она не похожа на Марс. Планета гораздо симпатичнее.

Пока Анти с Джорданом уходили, Доччи на минуту отвлекся, а подняв голову от приборов, обнаружил, что остался наедине с Джерианн. Она не ушла и, не зная, куда девать руки, копалась в пустых кармашках своего

пояса, который не слишком бросался в глаза. Джерианн, как и Дочки, не прятала от посторонних глаз своих физических недостатков.

— Мне жаль, что ты не смог полететь первым, — сказала она, найдя, наконец, оставшуюся капсулу.

— Первым или следующим — это неважно. А почему ты не жалеешь, что сама не первая?

— Ну, здесь есть дела, которыми нужно заниматься... и вообще. Не знаю.

Она сильно разволновалась, и Дочки не мог понять, почему. Зрелище их нового мира взбудоражило ее не меньше, чем Дочки, но как-то по-другому. Джерианн казалась расстроенной.

— И со мной то же самое, — признался Дочки. — Но теперь худшее позади. Послушай, Джерианн...

— Да?

— Когда-то я сказал тебе, что приду, когда сумею.

— Ты обещал, но так и не пришел.

— Обещание я давал себе. Теперь могу прийти. Я все еще приглашен?

— Зачем задавать такие вопросы? — сказала Джерианн. — Ты же сам знаешь, правда? Знаешь, что я отвечу.

Сначала они зарегистрировали отношения, а выйдя из архива, пошли медленно, посматривая на планету, закатывающуюся за оком астероида. Потом она исчезла — последний краешек скрылся, когда они добрались до жилища Джерианн. А внутри под тиканье часов, притаившихся в каждом уголке, с мягкой укоризной глядящих с пола и даже потолка, они забыли о времени.

Спали без снов. Уже ближе к утру Дочки вдруг вздрогнул и проснулся. Разбудили его не ритмичные звуки, постоянно напоминающие Джерианн о распорядке дня.

Он лежал, чувствуя рядом с собой ее тело, теплое и ласковое, и пытался определить, откуда исходит потревоживший его звук. Не мог заснуть и не мог понять, что происходит.

Пошевелившись, Дочки коснулся ее. Джерианн вздрагивала.

— Ты смеешься или плачешь? — прошептал он.

— Плакать я не умею, значит, смеюсь, — ответила Джерианн. — Забавно. Вот лежу и думаю. Предполагается, что я должна готовить. Даже не знаю. Это было так давно.

— И всего лишь? Выбрось из головы. Представляю, каково это будет для тебя.

— Представляешь? Я так не думаю. — Она придвинулась поближе и обняла его обеими руками. — Рассмешило меня вот что. В этом доме нет пищи и не на чем ее готовить. Мало того, всего этого здесь никогда не будет. Ты выбрал себе не женщину, а просто подарок.

— Мне тоже так кажется. Я доволен, — ответил Дочки. — Разве ты не чувствуешь, как крепко я тебя обнимаю?

Дочки не поверил бы, но Джерианн это чувствовала.

Теперь, когда Кэмерон улетел, в госпитале прибавилось работы. Джерианн торопилась с ней справиться, но ее преследовали мелкие ошибки, сводившие на нет большую часть трудов. В конце концов, она заставила себя действовать аккуратнее, более тщательно проверяя биопрепараты.

К ней заглянула Морин.

— Я слышала, бракосочетание прошло в неофициальной обстановке, без изысков.

— Без церемоний, — поправила Джерианн. — Мы зашли, зарегистрировались и пошли ко мне.

— Какая разница, если ты уверена в его чувствах, — сказала Морин.

— Не в его. В своих.

Морин посмотрела на нее критически.

— В твоём случае этого достаточно, — с легкой завистью произнесла она, опираясь на синтезатор.

— Не трогай, — резко сказала Джерианн. — Здесь не наука, а целое искусство. Тепло твоей ладони действует на конечный результат.

— Да ладно, — бросила Морин сварливым голосом. — Если я найду себе стоящее дело, то не буду так нервничать.

— Думаю, это можно устроить, — улыбаясь, сказала Джерианн. — Как тебе идея стать колонисткой?

— Лететь на следующем катере? Может быть.

— Это будет потрясюще. И рядом с Веббером. — Джерианн подкрутила ручку настройки.

— Я еще не решила насчет него, — беззаботно сказала Морин. — Хотя он такой мужественный.

— Ты хотела сказать, производит много шума?

— Он, по крайней мере, не делает вид, что держит весь мир на своих плечах, которых у него... — Морин хлопнула рот. — Кажется, я сболтнула лишнего.

— Именно, — согласилась Джерианн. — Надеюсь, что больше никогда такого не услышу. А сейчас — почему бы тебе не найти Джордана и не договориться с ним насчет следующего рейса?

После разговора с Морин работа пошла без сбоев, и вскоре Джерианн обнаружила, что выполнила задание не только на текущий день, но и частично на следующий. Она продолжила трудиться, чтобы на завтра сделать выходной. У них будет целый день, и они займутся, чем захотят, если у нее получится уговорить Доччи отдохнуть. Из госпиталя она вышла, мурлыча песенку; стоял ясный вечер, в небе над куполом плыло симпатичное серебристое пятнышко.

Джерианн тут же поняла, что ничего симпатичного в нем нет, потому что это был корабль. Чужой корабль.

Присмотревшись, она определила, что это не «Звездная виктория». Джерианн так часто видела ее на сканере, что все обводы крейсера отпечатались у нее в мозгу.

Не жалея сил, она побежала в гравитационный центр. Ну почему бы им не появиться немного позже? Уж лучше бы это оказались инопланетяне, кто угодно, только не Джадд. Откуда они взялись?

Джордан ждал ее у входа.

— Я так и думал, что ты прибежишь. Видела разведчика?

Все оказалось не так уж страшно. «Звездная виктория», как крупный корабль, нес на себе разведывательные катера.

— Когда он прилетел?

— Меньше часа назад. Заходи. Я подожду Анти.

Дочки стоял, прислонясь к блоку управления. На противоположной стене белым светом ярко горел телеэкран, но изображения не было.

— Я пытался застать тебя в госпитале, как только прослушал их передачу. Но ты уже ушла.

— Они вышли на связь, подобравшись вплотную?

По лицу Дочки скользнула бледная тень улыбки.

— Они застали нас врасплох. Надо было поставить кого-нибудь следить за сканером. Он работает даже в противоположную от планеты сторону. Я думал, смысла нет, слишком большое расстояние. Так что мы поняли, что происходит, только когда они появились на экране. Джордан вышел посмотреть на небо, а они уже здесь.

Джерианн думала о людях, высадившихся на планету. Астероид не мог их бросить. Оставалось надеяться, что преследователи не знают, в сколь уязвимом положении они находятся.

— Что они сказали?

— Генерал прислал срочное сообщение. Просит нас не высаживаться ни на эту планету, ни на какую-либо другую.

— Он нас *просит*? — Генерал больше привык командовать.

Лицо Дочки слабо засветилось.

— Я не сказал ему, что мы *уже* высадились, и не думаю, что они могли это заметить. — Помолчав, он сде-

лал над собой усилие и заговорил, отвечая на вопрос Джерианн. — О да, генерал просит нас. На планете типа Сатурн под слоями облаков он нашел цивилизацию и ведет с ней переговоры. Естественно, представители чужого разума расценят самовольную высадку на одну из планет системы как враждебный акт со стороны человечества.

Джерианн машинально перебирала капсулы в кармашках пояса.

— Инопланетяне? — прошептала она.

— Невероятно, но ты оказалась права. Хотя какое это теперь имеет значение. Пока генерал гостит на их планете, мы не имеем права проводить исследования.

Не стоило делать выводы о чужой планете на основании знаний, собранных в родной системе. Человек начинает путешествовать по галактике, и в неизведанных краях его могут ожидать самые разные сюрпризы.

— Пусть экспедиция ломает голову по поводу враждебных актов, — сказала Джерианн. — Если инопланетяне сорвут переговоры, тем лучше для нас.

— Ты забываешь, что мы прилетели не сами по себе. Мы хотели быть полезными для человечества. Какую же услугу мы ему окажем, свергнув в войну с первыми же встретившимися представителями иного разума? — Лицо его побелело и лучилось светом, а улыбка исчезла.

— Не надо, — прошептала Джерианн. — Я боюсь молний, а твоих тем более. Мне кажется, что сейчас прогремит гром и поразит меня насмерть.

— Прости, — сказал Доччи. — Мы имеем право позаботиться о себе, но только не за чужой счет.

— Я хотела сказать, какая им разница? Если они живут на той планете, им не нужна эта. Все равно они не смогут жить в столь отличных условиях. Из-за облачности астрономические наблюдения наверняка затруднены, и если у них нет космических сообщений, то знают ли они вообще про эту планету?

Дочки устало прищурился.

— Нам выпал шанс. И мы его использовали, как должно. Но у них есть космические корабли. Генерал не стал бы так волноваться и не побоялся бы обидеть их, если бы инопланетяне сильно отставали в своем развитии от нашей цивилизации.

— Но мы не видели их кораблей.

— Потому что не туда смотрели. В этой системе им некуда лететь. Но возле Проксимы есть подходящая для них планета, и все последние месяцы их корабли провели на противоположной от нас стороне двух солнц. Они ждут более выгодного расположения планеты.

Нельзя сказать, что генералу просто повезло. Теория гласила, что в системе Центавра может существовать разумная жизнь, но найдут ее только на планете земного типа. Первая часть гипотезы оказалась верна, а вторая, ошибочная, обернулась против инвалидов. Генерал, строго следуя плану вышестоящего начальства, выиграл.

— И что мы будем делать? — спросила Джерианн. — Там, внизу, наши люди оказались в заложниках.

— Мы их выручим, — ответил Дочки. — И ничто не сможет нам помешать.

— Выручим? Их корабль быстрее астероида.

— Они не сумеют воспользоваться этим преимуществом вблизи от планеты. И генерал не будет слишком агрессивен на чужих задворках. Мы не можем приземлиться — астероид развалится на части, но подойдем так близко, что никто не сможет перехватить наш катер.

Это было смелое решение. Громада астероида не позволит преследователям захватить возвращающийся корабль.

— Существует предел Роша, — напомнила Джерианн.

— В данном случае он не страшен. Мы не простая планетоидная масса. Включим гравитацию на астероиде на полную мощность, и, если не случится ничего непредвиденного, сожжем его кору силой тяжести так, что сумеем приблизиться к планете на десять-двадцать миль.

Джерианн поняла: они пойдут на оправданный риск, если понадобится, но сделают все, чтобы избежать его, потому что это все-таки риск. Никто не знает, какие волны возмущения поднимутся в скалистом теле астероида под воздействием экстремальных гравитационных перегрузок.

— А что потом? — спросила она. — Мы заберем их назад, а что потом?

В небе над головами неумолимо висела серебряная пылинка, сверкая в лучах Альфы.

— А что нам остается? — бодро воскликнул Доччи, стараясь изобразить веселость. — Заберем всех до последнего и полетим дальше. К следующей звезде, а если понадобится, то и к следующей. Где-нибудь мы найдем себе дом.

Джерианн осторожно коснулась его лица.

— Люблю тебя за эти слова. И так люблю, но особенно за эти слова.

Дочки вздрогнул, словно прикосновение его обожгло, словно у Джерианн были невыносимо горячие пальцы.

— Ты знаешь? — с тоскою спросил он.

— Да. Недавно догадалась. Анти тоже так думает. Мне кажется, уже все всё понимают. Это был наш последний шанс, ведь так?

Он не мог смотреть ей в глаза.

— Нам нельзя останавливаться. Возле следующей звезды мы наверняка найдем место для себя.

— Место, — повторила Джерианн. — Ты ни в чем не виноват. Почему, ты думаешь, мы так легко с тобой соглашались? Мы понимали, что чем дальше летим, тем призрачнее становятся наши шансы.

Так мучительно сознавать, что почти все на астероиде догадывались об истинном положении дел. «Звездная виктория», конечно, не единственный корабль в своем классе; много их ржавело на приколе на космодромах, некоторые использовали для межпланетных полетов. Если «Звездную викторию» переделали так легко, почему не сделать то же самое с остальными?

Заменить устаревшую тягу новой? Только прикажи, и заводы-производители, внося минимальные изменения в процесс, выпустят новые установки уже завтра, а послезавтра смонтируют их на кораблях. Блок управления, над которым инвалиды корпели так долго? Любая мастерская соберет не хуже, тем более все, что требуется — заменить информационные платы. И тысячи экипажей под рукой — подготовленных, сработавшихся.

Пригласи их и добавь в штат несколько офицеров, которые станут отдавать приказы, да еще лингвистов и научных работников.

Нона подарила человечеству одну-единственную вещь, и теперь оно вырвалось в космос. И конца этому процессу не будет. Все прилегающее к Солнечной системе пространство подлежит немедленному исследованию.

Сбежавшие инвалиды уже давно отошли на задний план. Не они являлись целью Джадда; «Звездная виктория» и подобные ей экспедиции вылетели с целью поисков богатств для человечества: планет, которые можно объявить своими и заселить либо разработать, цивилизаций, с которыми следует вступать в контакт, обмениваться товарами, технологиями и научными достижениями.

Если бы им удалось покинуть систему Центавра, у следующей звезды они обнаружили бы земные корабли, уже ведущие дела с местными жителями, а при их отсутствии — устраивающие колонии в любом месте, способном принять людей. Их окружили бы и задавили числом. Неудивительно, что генерал не смутился, когда не удался его план незаметно подкрасться к астероиду. Он знал то, что до них дошло слишком поздно. Никакой следующей звезды у инвалидов не будет.

Дочки бессильно смотрели на Джерианн. Необходимость говорить отпала. Сказать было нечего.

Под куполом начиналось наступление сумерек, когда вошла Анти.

— Что мы будем делать с этими обнаглевшими пиратами? Здесь они не обладают юрисдикцией. Надо наце-

лить на них астероид. Мы просто раздавим их. — Увидев выражение их лиц, она осеклась. — Я думала... Что ж, больше нет смысла обманывать друг друга.

— Да, это бесполезно, — с трудом выдавил Доччи. — Надо снижаться и забирать наших друзей.

— Как они об этом узнают? Мы не можем послать сигнал, между нами целая планета, — заметила Анти. — Придется ждать до утра, потом сообщать им, чтобы готовились.

— Даже не знаю, — неуверенно произнес Доччи.

— Никто из нас ничего не знает, — жестко подытожила Анти. — Пойдемте по домам, спать. Думать будем утром.

Последней из гравитационного центра вышла Анти. В небе до сих пор виднелся катер-разведчик, блестящий в свете Альфы. Он горел гораздо ярче звезд, наблюдавших за всем происходящим.

Кэмерон сохранял присутствие духа и способность к суждениям.

— Они знают, что мы здесь?

— Я так не думаю. Если бы знали, вели бы себя по-другому.

— Похоже на то, — согласился доктор. — Мы взлетели, когда они приближались. Но сделали это со стороны, обращенной к планете, а они подлетели с противоположной. Астероид работал, как экран.

— Возможно, — равнодушно сказал Доччи. — Сколько времени вам нужно на подготовку?

— Мы должны улететь прямо сейчас?

Доччи скривил губы.

— Не знаю. Но я могу отодвинуть разведчика астероидом, если придется. А что произойдет, когда сюда прибудет «Звездная виктория», представления не имею.

— Она слишком громоздка, чтобы маневрировать у поверхности планеты.

— Наверное, да. Но с нее могут взлететь другие разведчики.

Кэмерон нахмурился.

— От двух или трех скоростных маленьких кораблей трудно будет отмахнуться. А мы не сможем помешать их прибытию?

— Как мы сможем их остановить? Лучше взлетайте, пока есть возможность.

Не желая сдаваться, Кэмерон прикидывал шансы.

— Сканер будет включен, так? — спросил он.

— Включен, но развернут в другую сторону от планеты.

— Об этом я и говорю. Следите за чужим миром. Если «Звездная виктория» выйдет из облаков и направится в нашу сторону, у вас будет куча времени, чтобы подобрать нас.

Так можно сделать, но зачем и дальше подвергать людей опасности? Дочки уже хотел возразить, но тут Джерианн прижалась к нему и что-то прошептала.

— У вас есть причины, по которым вы хотите задержаться? — неохотно спросил Дочки.

— Вы видите меня насквозь, — отозвался Кэмерон. — Никаких особых причин, за исключением того, что Нона заинтересовалась этим миром и не хочет улетать.

Этот довод показался Доччи самым веским из тех, которые мог привести Кэмерон. Они залетели так далеко только благодаря усилиям Ноны, пусть даже в финале их постигло фиаско. Она заслужила награду, хотя бы в виде возможности удовлетворить свое любопытство.

— Погодите, — с подозрением произнес Доччи. — Вы уверены, что правильно поняли, чего она хочет? У нас иногда получается сообщить ей, чего мы хотим, но никогда не удавалось достичь обратной связи.

— Но я знаю... — Доктор замолчал и твердо посмотрел в глаза Доччи; лицо его озарилось вдохновением. — Я уверен, — сказал он, наконец. — В какой-то момент я решил, что это телепатия, но, полагаю, все-таки нет. Я же не компьютер. — Он посмотрел в иллюминатор на мир, который Доччи с Джерианн не могли видеть.

— Спасибо за то, что позволили мне увидеть все это, Доччи. Здесь так интересно, — сказал он, снова поворачиваясь к экрану. — И у Ноны впервые появился кто-то, кого она хочет понять — это я и целый мир, который ей не терпится посетить. Весьма сильная комбинация для стимулирования ее мозга. Она достаточно сообразительна, чтобы научиться всему, что сочтет нужным.

Кэмерон потер лицо ладонью; он тоже устал.

— Позвольте нам остаться здесь подольше, пока не возникнет настоящая опасность, угрожающая нам всем. Я хочу поработать с Ноной в этих новых условиях. Думаю, что теперь, используя свои наблюдения за ее поведением в последние дни, я смогу начать обучение чтению.

— Должно быть, красивое мест, раз оно ей так понравилось, — вступила в разговор Джерианн. — Может, вы

повернете свой экран, чтобы мы тоже смогли посмотреть, что там снаружи.

— Нет, — резко сказал Доччи. — Не стоит терять времени на разборку. Займитесь Ноной, научите всему, чему сможете. Если там безопасно, выведите из корабля, но не уходите далеко. Мы можем вызвать вас в любое время. — Доччи постепенно успокаивался и под конец уже говорил своим обычным тоном.

— Я понял, — ответил Кэмерон. — Не волнуйтесь о нас. Может, что-нибудь получится.

— Тем хуже для них, — произнесла Джерианн, когда экран погас. — Они увидели новый мир, но им придется вернуться. А нам ничего не нужно прятать в уголки своей памяти.

Доччи не знал, что сказать. Он ничего не знал.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал он, направляясь в комнату со сканером. Под его руководством Джерианн произвела настройку и вывела на сканер картинку с планетой, на которой жили представители иного разума. Окутанная облаками, загадочная, с чужой цивилизацией, спрятавшейся под покровом непроницаемой атмосферы, она парила в безграничном пространстве.

— Будем дежурить по очереди, — сказал Доччи. — Как только появится что-нибудь яркое, начнем действовать.

— Я их ненавижу, — процедила Джерианн.

— Кого?

— Инопланетян. Если бы не они, мы имели бы все права на планету.

— Но они же ничего не сделали, — возразил Доччи. — Просто защищают собственные интересы. Мы бы сде-

ляли то же самое. — Тем не менее, он тоже ненавидел инопланетян.

Джерианн тормозила его. Ей пришлось кричать, чтобы Доччи очнулся и начал просыпаться.

— Они вылетели, — сказала Джерианн. — Нам надо спешить.

Он устал и не хотел двигаться. Все это так неважно.

— Ты уверена, что видела «Звездную викторию»? Может, это какой-нибудь спутник.

— Нет, это корабль. По крайней мере, он включал ракетные двигатели.

Доччи выбрался из кровати, и Джерианн помогла ему одеться. Обычно он отказывался от ее помощи, но сейчас не противился.

— Двигатели? Но на «Звездной виктории» их нет. — Он тут же понял, что на корабле такие двигатели, конечно, есть и представляют собой устаревшее оборудование, которое просто не успели разобрать и удалить. Кроме того, они служили отличным вспомогательным средством движения.

— Понятия не имею. Но я их видела, — ответила Джерианн.

— Где Джордан и Анти?

— Вызвала. Скоро будут.

Доччи закончил одеваться, и они поспешили к сканеру. Джерианн не ошиблась — приближался корабль, но за кормой уже не было видно реактивных выбросов. Он шел на гравитационной тяге. Доччи мрачно смотрел на него.

— Они работали, — сказала Джерианн. — У меня с глазами все в порядке. Они включали реактивные двигатели.

Дочти воздержался от комментариев. По сравнению с гравитационной тягой ракеты совершенно неэффективны, особенно вблизи крупной планеты. Хотя Джерианн говорит, что видела. Наверное, она все-таки ошибалась.

Почти одновременно появившиеся Анти с Джорданом присоединились к несшим дежурство. Несколько минут прошло в полном молчании, и вдруг на экране расцвел ярко-оранжевый цветок пламени.

— Видишь, — сказала Джерианн.

— И зачем они это делают? — проворчал Джордан. — Без них можно прекрасно обойтись.

— Может, им нужно больше скорости, — предположила Анти.

Джордан хмыкнул.

— Они даже десяти процентов не добавляют.

— Но если им нужны эти десять процентов, если они в беде...

— Они в беде, — поддержала Джерианн. — Это сигнал.

Такую версию Дочти мог принять, поскольку лучшей не имелось. Он быстро посчитал в уме.

— На такой скорости они будут здесь за полдня. Но пока не прилетят, не смогут связаться с нами по своему телеэкрану. Должны ли мы проникнуть внутрь их корабля с помощью сканера и посмотреть, что у них случилось?

Все уставились друг на друга, пока не ответила Анти.

— Что такое несколько минут? — сказала она. — У нас уйма времени, чтобы забрать наших. Мы улетим задолго до того, как они сюда доберутся.

Дочки не знал, получится ли у них это. Никто никогда не подводил астероид к планете, и правил здесь никаких не существовало. Придется действовать на ощупь и быть готовым свернуть в любой момент при первых же признаках перенапряжения коры астероида. Он взглянул на Джерианн; та незаметно кивнула.

— Думаю, все согласны, — сказал Джордан, касаясь ручек настройки.

Генерал Джадд ожидал их.

— Наконец-то, — произнес он. — Я рассчитывал на вашу смекалку.

— Боюсь, мы не понимаем. Вам придется объяснить.

— А вы, я вижу, все так же категоричны, — едко заметил генерал. — В основном мне хотелось убедиться, что вы не сбежите, когда заметите, что мы летим. Мои психологи заверили меня, что вы отзоветесь на любой сигнал бедствия. Теперь я их по-новому зауважал. — Джадд усмехнулся.

— Вы убедились в нашей отзывчивости; будьте добры, объясните, чего вы хотите.

— Я собираюсь... — Лицо Джадда покраснело, он выпучил глаза и зашелся в кашле. Он давился, хрипя, набирал легкими воздух, пока, наконец, не справился со спазмом. Схватив платок, генерал вытер лицо. — Снаряжение никуда не годно, — пожаловался он. — Сам корабль, скафандр, все остальное. Они предназначены для удержания внутреннего давления, а там оно действует наоборот — снаружи внутрь, и, скажу я вам, это

действительно давление. Проникает куда угодно. Вроде бы не так много, но поджаривает легкие. Учтите это.

— Учтем. Переходите к делу, генерал.

Джадд задумчиво посмотрел на Дочки и, похоже, остался доволен увиденным.

— Не надо быть таким нетерпеливым. То, что я должен сообщить, достаточно сложно, и вам нужно уяснить ситуацию. Заинтригованы?

— Да, — ответил Дочки.

— Хорошо, — продолжил Джадд, не дожидаясь согласия остальных. — Итак, мы совершили посадку. Использовали гравитационную тягу, и, возможно, здесь я допустил ошибку. Но ракетные двигатели просто не удержали бы корабль. В любом случае, они отслеживали наше приземление своими приборами, и мы думаем, что они сумели понять, какую силу мы используем.

— На что они похожи, эти инопланетяне? — вступила в разговор Джерианн.

Кажется, генерал счел вопрос неважным. Он оценивающе посмотрел на Джерианн, но отвечать не стал.

— Забавная вещь: они не спросили нас про тягу, хотя, конечно, мы не рассказали бы. Насколько нам удалось понять, у них есть нечто подобное — примерно на той стадии, на которой наши гравитационные двигатели находились несколько лет назад. Они на своих летают к Проксиме, потому что это относительно недалеко, но на более значительных расстояниях толку от этих двигателей никакого. — Генерал задумался над собственными словами. — Итак, их тяга не будет работать в открытом межзвездном пространстве. Поэтому они до сих пор не посетили нас. Но, похоже, мы сами дали им ключ к раз-

гадке. Они знают, что наша тяга работает, и через какое-то время сами разберутся.

— Это вызывает у вас опасения? — задала вопрос Анти.

— О Господи, ну конечно, — ответил генерал. — Мы же не знаем, какова у них площадь обитаемой суши, сколько населения там проживает. Получится две их планеты против наших трех. Но у них планеты гораздо больше. У нас преимущество в лучшей тяге и, возможно, коэффициент воспроизводства населения несколько выше.

— Как я понимаю, вы не рассказали им про Юпитер и Сатурн? — спросил Джордан.

— Не видел смысла, — ответил генерал, напуганный самой этой мыслью. — О, у них есть, что нам предложить. Две очень привлекательные планеты, и они сведущи в органике высоких давлений и химии. Что естественно. Но обмен вряд ли принесет нам выгоду. — Генерал сидел, не шевелясь, вспоминая увиденное на странной планете. — Они могут быть *очень* опасны. Важно, что мы сумели установить нечто вроде дружеских отношений. Естественно, мы рассказали им про вас.

— Естественно, — сухо повторил Доччи. — Вы же находитесь в четырех световых годах от дома, и перед вами не дикари, понятия не имеющие о цивилизации.

— Никаких пренебрежительных отзывов о вас мы себе не позволили, — поспешил оправдаться Джадд.

— Уверен, — откликнулся Доччи. — Генерал, некоторое время назад я спросил вас, чего вы хотите. Мы очень ценим ваш откровенный рассказ и столь неожи-

данно дружеское к нам отношение, но если вы сейчас же не сообщите, что вам угодно, мы вынуждены будем заключить, что ваша единственная цель — задержать нас, пока вы не подойдете ближе.

— Не делайте скоропалительных выводов. — Генерал выглядел очень озабоченным, таким Доччи его никогда не видел. — Понимаете, мы попали в безвыходное положение. Мы опасались их, а они не доверяли нам, и обе стороны вели себя уклончиво. Мы старались широко не информировать друг друга. Но прийти к соглашению было необходимо.

— Генерал, я вас предупредил.

— Как вы не можете понять, — почти выкрикнул Джадд, вскакивая. — Я думал, вы сообразите. Мы улетаем домой и можем освободиться от избыточного груза. Он вам понадобится. Пройдет не меньше девяти лет, пока кто-нибудь вернется. — Он отодвинул стул и пристально посмотрел на Джерианн, единственную нормальную среди них.

— Вот что мы решили, — объявил Джадд. — Вы получаете планету на следующие пятнадцать или двадцать лет, может быть, дольше, если они не будут возражать. Все это время обмен будет происходить через вас. — Он сунул руки в карманы. — Вот. Вы согласны?

— Мы согласны? — повторила Анти. — Он еще спрашивает.

— Вижу, что согласны, — произнес генерал с мрачным удовлетворением. — Это их предложение. Хотят на вашем примере изучить мотивы человеческого поведения. Естественно, вы тоже будете держать глаза открытыми. — Джадд сглотнул и постарался справиться с но-

вым приступом кашля. — Теперь отключите ваше чертово устройство и дайте мне немного побыть одному, а потом я расскажу, как скоро мы до вас доберемся.

Джордан протянул руку к пульта управления, но недостаточно быстро. Думая, что за ним никто не наблюдает, генерал забормотал:

— Проклятые бабочки. Триллионы бабочек. — Его лицо скривилось.

16

Они гуляли в ночи. Светили звезды, но они их не замечали. Нашли свою звезду, а остальные их не интересовали.

— Какая из них? — спросила Джерианн, поворачивая голову.

— Не могу показать. Не знаю, где, — ответил Доччи.
— Могу вывести ее для тебя на сканер.

Джерианн рассмеялась.

— Не обращай внимания. Мне не нужно видеть их планету. Они скоро прилетят.

— Очень скоро. Я все думаю, какие они на самом деле.

— Я тоже, — сказала Джерианн. — Мы даже не знаем, какого они размера. Конечно, я видела их мельком на экране, но это не то же самое, что настоящая встреча. Поначалу я подумала, что это большие бабочки, но чем дольше смотришь, тем меньше они напоминают бабочек. Насколько они большие? Там не было ничего знакомого, чтобы сравнить их с каким-то предметом.

— Лучший показатель — размах крыльев, — пояснил Доччи. — Генерал говорил — восемь футов, но, думаю,

его слишком впечатлила общая поверхность их тела. — Немного помолчав, он задумчиво добавил: — Сейчас меня интересуют не их параметры.

— Знаю, — сказала Джерианн и нахмурилась. — Почему они выбрали нас? Могли бы пригласить экспедицию генерала, а попросили, чтобы остались мы. Почему?

Они молча приблизились к кислотному бассейну. Заглянули внутрь — пусто. Кислоте нашли другое применение.

— Так что насчет причины? — задала вопрос Джерианн, когда они побрели дальше.

— Ты про инопланетян?

— Ну конечно. Мы же должны понять, как они мыслят.

Дочки улыбался, и она видела в темноте слабое свечение его губ и мерцание глаз.

— Должны, но за неимением каких-либо рациональных объяснений все, что я могу предположить, это какой-то корыстный интерес. Только не вижу, какую выгоду от нас инопланетяне могут получить.

— А я знаю, — сказала Джерианн. — это потому, что мы нормальные люди. — Дочки собрался возразить, но она его опередила. — Не перебивай, я еще не объяснила. Когда вчера мы вышли с ними на связь, и они сказали, что недели через три прилетят с официальным визитом, ты заметил, который из них самый хорошенький?

— Мне это и в голову не приходило, — ответил Дочки. — По крайней мере, вначале мы им будем казаться

одинаковыми, как и они нам. Внешность ничего не значит.

— Правильно, но я не об этом. Я еще не закончила. Когда ты смотрел... гм... на бабочку, которая разговаривала с тобой таким высоким писклявым голосом, ты же думал, как она смогла научиться нашему языку так хорошо и за такое короткое время? Ты размышлял: они все такие умные? Можно ли ей доверять?

— Нам приходится им доверять, — мрачно произнес Дочки. — Рассчитывать здесь не на кого, до Земли далеко. И они просили нас остаться.

— Но можно ли доверять им всем, каждой отдельно взятой бабочке, и при любых условиях? Или только некоторым?

— Мы имеем дело с правительством, — сказал Дочки. — Нам дела нет до индивидуальностей. Наверное, среди них должны существовать отклонения. Некоторым доверять не стоит. — Он сделал паузу. — Но, конечно, правительство является отражением гражданского общества. — Дочки снова помолчал, потом остановился. — Значит, для инопланетян мы — средние люди?

— Об этом я и говорю, — сказала Джерианн. — *Поперечный срез* того общества, которое они увидели бы на Земле. Сами они к нам прилететь и посмотреть не могут. Пока. Поэтому из того, что имелось под рукой, они выбрали лучшее.

Они двинулись дальше, и Дочки прижался к Джерианн.

— Думаю, ты права. Экспедиция Джадда, все эти специалисты и эксперты, включая военных, которые тоже специалисты, но другого рода, не представляет челове-

чество. Бабочки могут изучать их целую жизнь, но полноценной картины не получают.

— А им нужно точно знать, что представляют собой люди, какие у них возможности, как они вместе живут. Поэтому они и выбрали нас.

— Это кажется странным, — говорила Джерианн, обнимая Доччи. — До сегодняшнего дня я не считала нас нормальными людьми. Но даже если бы инопланетяне отослали бы и нас, и экспедицию Джадда, и попросили бы прислать другую группу колонистов, то своей цели они не достигли бы. Колонисты для чужой планеты проходят специальный отбор — самые крепкие, самые сильные, самые агрессивные или недовольные. Такие оттолкнут кого угодно. А инвалиды позволяют сделать полный срез: возраст, пол, род занятий, уровень интеллектуального развития. Что ни назови — любая информация представлена. Мы самая представительная группа, которая когда-либо покидала или покинет Землю.

— Действительно, странно, — согласился Доччи. — Но еще более странно, как проходит наша первая встреча с иным разумом. Никто ничего подобного себе не представлял. Вот мы стоим лицом к лицу среди звезд. Нет никакого соревнования из-за пригодных для проживания планет, поскольку наши условия существования взаимно исключают. Но мы боимся; ни одной из сторон не хочется войны. Поэтому мы начинаем осторожно двигаться навстречу друг другу, рассчитывая заметить сигналы, которые успокоят наши опасения.

— Не знаю, — сказала Джерианн. — Нас проверяют. Оправдаем ли мы их надежды? Сможем ли соответствовать?

— У нас все получится. Что бы там про нас ни думали некоторые наши сородичи, мы все — нормальные мужчины и женщины, а человек никогда не переставал карабкаться вверх с того дня, когда кто-то разложил первый костер.

Джерианн крепко прижалась к нему, и они пошли медленнее. В конце концов, добрались до гравитационного центра, посмотрели друг на друга и решили зайти. Джерианн отворила дверь, и они увидели в коридоре свет; прошли его до конца и заглянули в комнату.

Перед сканером стоял Джоржан. Он зло и сосредоточенно уставился в экран.

— Надеюсь, эти идиоты все поняли, — проворчал он, оглядываясь на вошедших.

— Не волнуйся так. Ты же им все по полочкам разложил, разве нет?

— Да, но это не значит, что они поняли. — Джордан вытер лоб. — Во всяком случае, если они сейчас не разберутся, что к чему, найдется человек, который сумеет построить другой. И он будет работать, если они хоть немножко пошевелият мозгами.

Дочки улыбнулся.

— Ты недооцениваешь экспертов по гравитации. Когда они осмыслят основные принципы работы этого устройства, то соберут такой сканер, что он достигнет до нас с Земли, и случится это раньше, чем ты думаешь.

— Вот это будет денек, — недовольно процедил Джордан. — Надеюсь, у них не получится. Плохо уже то, что им известно, где мы, но если у них появится еще и возможность смотреть на нас... — Он покачал головой.

— Ошибаешься, — заявила Анти, появляясь в комнате и усаживаясь. — Все будет совсем не так. — Она нагнулась и принялась растирать ноги. — Бедные мои ножки. Я сегодня поставила рекорд по дальности прогулки. И с полным весом.

— Почему это? — спросил Джордан. — Вспомни, что случилось в последний раз, когда мы с ними разговаривали.

— Теперь это будут другие люди, — объяснила Анти. — Всегда найдутся такие, как наш доктор, которые не считают, что мы должны прилично выглядеть и находиться где-нибудь поблизости. И их будет все больше. Они не станут надоедать вызовами, если нам это не понравится. И в последний раз мы были для них никто — целая тысяча инвалидов, но ни одного, имеющего значение, а теперь мы — представители в системе Центавра.

— Уловил, — сказал Джордан. — Ты считаешь, что они не позволят себе высказывать свое к нам отношение. Хотелось бы верить. Но даже на гравитационной тяге отсюда к Земле много не доставишь. И за пятьдесят лет на местной торговле не сделается богатым ни один человек.

— Я не согласна. Идеи ничего не весят, а сейчас они начнут летать туда-сюда. А разве существовало когда-либо что-то более ценное? — Анти улыбнулась. — Мало того. Мы уже не будем прежними. Только вчера Кэмерон сообщил, что заметил, как Нона с любопытством рассматривает книгу. Пройдет совсем немного времени, она постигнет смысл письменности, и — *бах!* — у нас появятся новые книги.

— С сообразительностью у нее проблем никогда не было. Но в любом случае, она не сумеет говорить.

— И не нужно, раз научится писать и понимать, о чем мы говорим.

— Значит, с ней будет все в порядке, и доктора ждет счастье, — с сомнением проговорил Джордан. — А как насчет нас — Дочки, Джерианн, меня и остальных?

Анти откинулась назад и еняла сандалии, с наслаждением пошевелила пальцами ног, одновременно с любопытством их разглядывая.

— Что касается меня, то танцевать я больше не планирую, но примерно через год смогу свободно передвигаться. Доктор рассчитывает, что если реакции организма, открытые в случае с Морин, верны, то в следующие три-четыре года он сможет вернуть Дочки руки. И даже ты, Джордан, сможешь снова ходить, хотя это займет больше времени. Года четыре или пять.

— Я — ходить? — оскалил зубы Джордан, хотя выглядел несколько ошарашенным.

— Конечно, ходить, — подтвердила Анти. — Может, все случится не так быстро, как нам хотелось бы. Но если мы получим от инопланетян по научному обмену нужные сведения, процесс пойдет быстрее. Кэмерон говорит, что они обязательно помогут нам продвинуться вперед, так же как мы поможем им. Он осторожничают и не хочет особо обольщаться, пока этого на самом деле не произойдет.

— Тогда и я поверю, — сказал Дочки. — Но ты не упомянула Джерианн. Или ты уже считаешь ее нормальной?

Анти нахмурилась, рассматривая палыцы на ногах, потом сунула ступни в сандалии.

— Нет, не считаю. Она, похоже, прекрасно себя чувствует. Но не верь всему, что видишь.

— Дорогой, когда я приняла последнюю капсулу? — спросила Джерианн. — У меня с собой не осталось.

— Примерно час назад.

— Ты уверен? Чувство времени подсказывает мне, что пора.

— Если ты так считаешь, идем, выпьешь.

— Она знает, — произнесла Анти. — Я слышала, как доктор говорил, что ее случай выглядит легким, хотя на самом деле это не так. Она будет последней.

— Подожди, — окликнул Джерианн Доччи, который вряд ли расслышал последние слова Анти, так как торопился следом за Джерианн в коридор. Его не было несколько минут, а когда вернулся, на лице горел след от пощечины.

Мрачно взглянув на Анти, он пояснил:

— Я ничего такого не сказал. Просил только, чтобы подождала, хотел пойти с нею.

— Она ничего не может с этим поделать, — вздохнула Анти. — Я думала, ты уже знаешь.

— Что я должен знать? — с горечью спросил Доччи. — Она раздосадована, что не может есть. По сравнению с некоторыми из нас это всего лишь мелкое неудобство. Я возмущен ее ребячеством.

— Она всегда находилась у тебя перед глазами, просто ты не присматривался, — намекнула Анти. — Сколько раз ей приходилось себя контролировать.

— Но я никогда не говорил ничего...

— Уверена, что говорил, — перебила Анти. — Когда с ней произошел несчастный случай, стоял очень жаркий день. Джерианн, тогда еще маленькая девочка, увлеклась игрой и не осознавала, насколько ее организму нужна вода. Потом она все-таки направилась к фонтану, но упала, не дойдя. А теперь вспомни, какое слово ты только что сказал?

— Выпьешь, — произнес Дочки, недоуменно глядя на Анти. — Я сказал ей...

— Двадцать лет жажды. Ты же знаешь, что у нее в доме даже сырости нет. Душ заменяет струя мелких сухих частиц. У нее нет картинок с изображением озер и рек. Ступай, отыщи ее.

Вода. Она означала жизнь, потому что появилась прежде жизни. Существовали твари, которые могли прекрасно обходиться без света. Существовали и другие, на которых даже слабый солнечный свет действовал губительно, а излучение видимого спектра казалось невыносимым. Некоторые обходились без кислорода; анаэробные микроорганизмы погибали в атмосфере как раз из-за наличия этого газа, который для остальных созданий считается жизненно необходимым.

Но ни одно живое существо не выживет без воды. Жизнь на Земле возникла из воды и всегда должна к ней возвращаться. Вода — колыбель и мать первой живой клетки. Мельчайшие клетки существовали и свободно дрейфовали в воде задолго до того, как в ней появились первые животные, умеющие плавать. Прежде всех плавников, рук и ног, глаз, воспринимающих свет, отверстий для приема пищи и ушных раковин для улавливания звуков была вода. И всякая живая тварь,

имеющая рот, могла время от времени освежать губы такой обычной и такой бесценной влагой.

Всякая, но не Джерианн.

Психотехники знали, что сумеют помочь ей, и сделали это. Она не могла пить, ей нельзя было этого делать. В случае принуждения ей следовало сопротивляться из последних сил. Но даже психотехники, поставившие Джерианн ментальные блоки, не до конца доверяли им. Поэтому для нее построили дом, в котором ничто не напоминало о воде, единственной запретной вещи.

Потому что привычка к жизни сильна, а вода означает жизнь. Это не что-то придуманное. Память о воде таится на клеточном уровне, она древнее разума, глубже всех начал. Двадцать лет жажды.

Спотыкаясь, Доччи брел прочь от центра. Когда он нашел Джерианн, начинались предраассветные сумерки. Астероид отвернулся от солнца, и хотя планета ярко светилась, заполняя собою и озаряя небо, внутри купола лежали густые тени.

— Я тебя ждала, — сказала Джерианн, когда Доччи приблизился. На ее лице отражалось сияние планеты.

— Джерианн, — начал он.

— Посмотри на это, — сказала она.

— Я вижу.

— Но ты смотришь на меня. — Она повернула его голову в сторону планеты. — Вон там. Если присмотришься, увидишь, как солнце сверкает на волнах океана. Разве не красиво?

— Настанет день, и ты будешь лежать на берегу, и тебя будут омыwać волны.

— Настанет, — ответила она.

Алфавитный указатель произведений в собрании

Адрес: Центавр, Address: Centauri – Gnome Press, 1955, 220
р., hc, том V, стр. 7

В конце – свет, End as a World, Galaxy Science Fiction,
September 1955, том II, стр. 283

Беликий предок, Big Ancestor, Galaxy Science Fiction,
November 1954, том II, стр. 150

Все генеральные, Privates All, The Magazine of Fantasy and
Science Fiction, September 1961, том IV, стр. 246

Его было шестеро, The Man Who Was Six, Galaxy Science
Fiction, September 1954, том II, стр.38

Задержка в пути, Delay in Transit, Galaxy Science Fiction,
September 1952, том I, стр. 5

Заместитель, The Assistant Self, Fantastic Universe, March
1956, том IV, стр. 115

Западня, Tangle Hold, Galaxy Science Fiction, June 1953,
том I, стр. 95

Зверушка Боулдена, Bolden's Pets, Galaxy Science Fiction,
October 1955, том I, стр. 171

Из двух зол, Mezzerow Loves Company, Galaxy Science
Fiction, June 1956, том I, стр. 201

Королева платьев, Queen of Clothes, Fantastic Universe, May
1957, том II, стр. 294

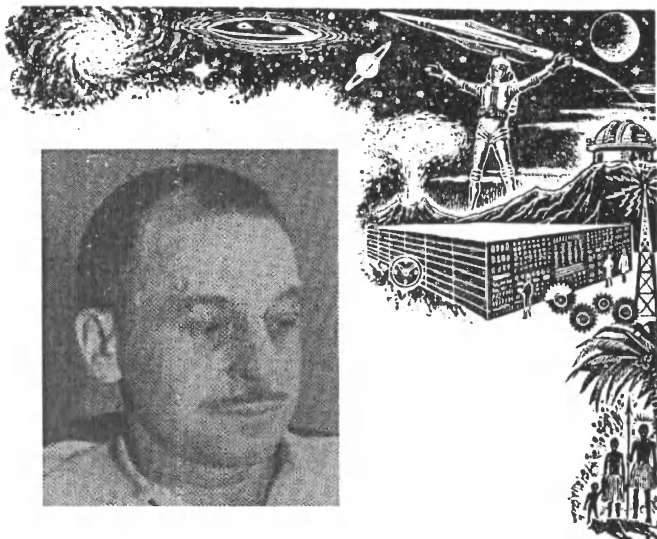
Мелочи для дома, A Little Thing for the House, Astounding
Science Fiction, July 1956, том IV, стр. 183

- Музыкант, The Music Master, Imagination, November 1953,
том II, стр. 110
- Не забывай меня, Forget Me Nearly, Galaxy Science Fiction,
June 1954, том III, стр. 169
- Не на жизнь..., The Deadly Ones, Fantastic Universe, July
1954, том IV, стр. 96
- Невадский вирус, The Nevada Virus, Venture Science Fiction
Magazine, September 1957, , том II, стр.197
- Невозможное путешествие домой, The Impossible Voyage
Home, Galaxy Science Fiction, August 1954,
том III, стр. 130
- Необычный полёт, Accidental Flight, Galaxy Science Fiction,
April 1952, том III, стр. 7
- Он пришел издалека, Seasoned Traveller, Universe Science
Fiction, December 1953, том II, стр. 7
- Повторное посещение, Second Landing, Amazing Science
Fiction Stories, January 1960, том III, стр. 116
- Простой псимен, Simple Psiman, Startling Stories, Fall 1954,
том IV, стр. 43
- Сбалансированные миры, Worlds in Balance, Science-Fiction
Plus, May 1953, том III, стр. 231
- Сезон роста, Growing Season, If, July 1959, том II, стр. 236
- Убежище, Hideaway, Astounding Science Fiction, February
1951, том IV, стр. 7
- Ученик, Student Body, Galaxy Science Fiction, March 1953,
том I, стр. 82

ADDRESS: CENTAURI

by
F. L. WALLACE

Американский автор Floyd Lee WALLACE (16.02.1915, Рок-Айленд, Иллинойс — 26.11.2004, Тас-тин, Калифорния) окончил Университет Айовы. Жил в Калифорнии, работал инженером-механиком. В 1951-1961 годах в журналах опубликовал 24 рассказа и один роман вышел книжкой. Все они переведены на русский язык и вошли в данный пятитомник.

Флойд Ли УОЛЛЕС подписывал свои произведения сокращенно F.L. Wallace. На русском в публикациях встречается ошибочное написание «Фредерик Уоллес».

Содержание:

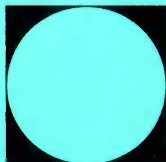
Адрес: Центавр	7
<i>Address: Centauri</i> – Gnome Press, 1955, 220 p., hc.	
Перевод Сергея Самулова	
Алфавитный указатель	314
Об авторе	317

Ф.Л. Уоллес
Адрес: Центавр
Роман

Количество знаков в книге: 402 046

Зарубежная

фантастика

